

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Е
Ж
Е
М
Е
С
Я
Ч
И
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 2-3

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1932

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ

Вторая пятилетка—план завершения построения бесклассового социалистического общества	3.
В. Быбышев — Электрификация и основные технические сдвиги в промышленности во второй пятилетке	15
Б. Бланк — Проблемы построения рационального энергохозяйства в металлургии.	25
А. РЕУЭЛЬ — Учение Томаса Годскина о капитале	40
И. Пильмейстер — Критика методологии современной вульгарной экономии.	57
М. Любимецкий — Современное состояние капиталистического транспорта.	75
С. Слуцкина — К теории монополийной цены	92
М. Бирбайер — Вредная путаница (о статье Я. Сгалла «Структура промышленного капитала» в № 7—8 журн. «Проблемы экономики» за 1931 год	124.
В. Носов, Д. Разенко и С. Сергеев — Против ревизии ленинского закона неравномерности развития капитализма	138

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Сушкин — Против механицизма, аполитичности и голого эмпиризма в изучении истории фабрик и заводов	152.
--	------

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА—ПЛАН ЗАВЕРШЕНИЯ ПОСТРОЕНИЯ БЕСКЛАССОВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Годы первой пятилетки были годами бурного роста социалистического строительства, годами развернутого претворения в жизнь учения Ленина и ленинской политики построения социализма в нашей стране. Успехи, достигнутые партией и рабочим классом за эти годы, дали блестящие подтверждения ленинского учения о том, что в нашей стране имеются все необходимые условия для построения полного социалистического общества. Завершение построения фундамента социалистической экономики, разгром капиталистических элементов в стране; завершение в основном социалистической коллективизации мелкого и мельчайшего сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса в 1932/33 г. и тем самым полное уничтожение последнего оплота капиталистической эксплуатации в нашей стране, ликвидация безработицы и пауперизма, окончательное разрешение вопроса «кто—кого» во всем народном хозяйстве — вот решающие итоги первой пятилетки. Партия под руководством ленинского ЦК во главе с т. Сталиным достигла этих успехов благодаря последовательному и решительному проведению в жизнь ленинской генеральной линии, разгрома контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма как главной опасности в период реконструкции и уничтожения классов.

Итоги трех лет пятилетки и план 1932 г. полностью обеспечивают завершение пятилетки в четыре года. Капитальные вложения за 4 года пятилетки составят огромную сумму в размере 54 млрд. руб., что превышает на 16% наметки пятилетнего плана. В одну только промышленность вкладывается 24,3 млрд. руб. против 13,5 млрд., которые были намечены пятилетним планом. Огромная часть этих капитальных вложений превратилась уже в действующий основной «капитал» (основные фонды) нашей социалистической промышленности. Это видно из следующих данных роста основных фондов планируемой наркоматами крупной (цензовой) промышленности (в ценах соответствующих лет с учетом износа):¹

	На 1 января 1928 г.	На 1 января 1932 г.	В процентах к 1928 г.
Вся планируемая промышленность	4 919,2	11 559,0	235,0
В том числе:			
Группа А	2 815,7	8 724,0	309,8
» Б	2 103,5	2 835,0	134,0

За три первых года пятилетки введено в действие основного капитала свыше 6,6 млрд. руб. Если же включить и 1932 заключительный год первой пятилетки, то общая сумма нового основного капитала нашей промышленности будет равняться не менее 12 млрд. руб. Воздвигнут и воздвигается целый ряд новых индустриальных гигантов и предприятий социалистической промышленности, построенных по последнему слову техники. Создались и создаются новые важнейшие отрасли промышленного производства, которых раньше совершенно не было. Налажено производство турбин, блюмингов, экскаваторов, качественных сталей, развернута электротехническая промышленность, организовано массовое производство тракторов, автомоби-

¹ Народное хозяйство СССР, изд. ЦУНХУ, 931 г., стр. 18.

лей, комбайнов и т. д. и т. п. Удельный вес тяжелой индустрии во всей промышленной продукции в 1932 г. составит 52,2 % против 45 % в 1928 г. Особо огромный размах получили у нас благодаря неуклонному проведению в жизнь социалистической индустриализации страны такие решающие отрасли для реконструкции народного хозяйства, как машиностроение и электропромышленность. Мы создали эти отрасли. Продукция всей машиностроительной промышленности в 1932 г. против 1928 г. возрастает на 296 % (почти в 4 раза), а выработка электроэнергии — на 240 %. Свой первый пятилетний план машиностроительная промышленность перевыполняет в четыре года на 156 %.

Эти количественные и особенно качественные сдвиги в социалистической промышленности превращают нашу страну уже в настоящий момент в подлинно индустриальную страну. Они определяют собой создание собственной базы для завершения реконструкции всего народного хозяйства. Успехи в области индустриализации наряду с бурными темпами коллективизации привели к разрешению основного противоречия в нашей экономике, вытекавшего из наличия двух основ социалистического строительства в предыдущий период — крупной социалистической промышленности и мелкого раздробленного крестьянского хозяйства. СССР превратился уже в страну самого крупного сельского хозяйства в мире на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники. Бедняцко-средняцкие массы прочно повернулись благодаря ленинской политике ЦК нашей партии к социализму, став на путь коллективного социалистического земледелия и уничтожения капиталистической эксплуатации в деревне. В 1931 г. уже коллективизировано 62 % крестьянских мелких хозяйств, 77,3 % посевной площади засеяно совхозами и колхозами. Мы создали уже 5 383 совхоза. Около 13,5 млн. крестьянских хозяйств объединены в 218 тыс. колхозов. Создано свыше 1 570 МТС. Подорваны окончательно корни капитализма в деревне. Мы «подорвали в корне расслоение в деревне, стало быть одолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город» (С т а л и н). Мы сомкнули на социалистической основе сельское хозяйство с социалистической промышленностью. Социализм создал в нашей стране свою собственную базу и в сельском хозяйстве, и народное хозяйство СССР развивается теперь на единой базе крупного социалистического производства и в городе, и в деревне. «Эта победа социализма, решающая самую важную и самую трудную задачу пролетарской революции, имеет всемирно-историческое значение».

Основой этих успехов является генеральная линия партии на социалистическую индустриализацию нашей страны, на коренную социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства. «Характерная черта нашей индустриализации состоит в том, что она есть индустриализация социалистическая, индустриализация, обеспечивающая победу обобществленному сектору промышленности над сектором частнохозяйственным, над сектором мелкотоварным и капиталистическим» (С т а л и н). Социалистическая реконструкция всего народного хозяйства предполагает неуклонное проведение в жизнь политики насаждения совхозов и колхозов в сельском хозяйстве, ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и подведение широкой машинной техники под социалистическое крупное хозяйство в земледелии.

Успехи социализма в нашей стране суть непосредственный результат правильной ленинской политики нашей партии. Он достигнут в беспощадной борьбе с контрреволюционным троцкизмом, с его буржуазной теорией невозможности построения социализма в одной стране и неизбежной реставрации капитализма. Он достигнут в беспощадной борьбе с правым оппортуниз-

мом, этой агентурой классового врага в партии, как с главной опасностью на этапе реконструкции и уничтожения классов, а также с «левыми» оппортунистами и примиренчеством к ним.

Несмотря однако на эти огромнейшие всемирно-исторического значения успехи, достигнутые нами за годы первой пятилетки, мы все же еще недостаточно использовали все колоссальные возможности и преимущества нашей социалистической системы хозяйства. Об этом свидетельствует известное невыполнение планов в истекшем 1931 г. Шесть исторических условий т. Сталина, представляющих собой ключ к полному разрешению всех основных задач социалистического строительства, далеко еще не в полной мере воплощены в жизнь. Основным условием выполнения грандиозных задач четвертого, завершающего года пятилетки является решительное и последовательное проведение на деле этих шести условий победы. В этом — залог выполнения пятилетки в четыре года и тем самым создания условий для успешного осуществления второй пятилетки — плана построения полного социалистического общества.

Директивы по составлению второй пятилетки, принятые XVII партконференцией, дают величайшее подтверждение абсолютной правильности ленинской политики нашей партии. Директивы — яркий образец глубокого применения марксистско-ленинской революционной диалектики, образец марксистско-ленинского синтеза революционной теории и революционной практики.

На основе всемерного социалистического развертывания производительных сил нашей страны, обусловливаемого гигантскими возможностями, заложенными в системе нашего хозяйства, директивы выдвигают в качестве: «основной политической задачи второй пятилетки... окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Полное уничтожение классов в нашей стране, завершение построения бесклассового социалистического общества как практическая задача завтрашнего дня во второй пятилетке — вот та грандиозная политическая задача, которую поставила партия перед рабочим классом и всеми трудящимися. Она непосредственно вытекает из марксистско-ленинской революционной теории, освещающей пути революционного преобразования капитализма в социализм.

«Социализм есть уничтожение классов». Социализм — первая низшая фаза коммунизма. Эта фаза коммунизма уже не знает никакой частной собственности на средства производства, следовательно и никаких классов. Построить социалистическое общество это значит уничтожить всякую частную собственность на средства производства и классы. При социализме «средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу» (Ленин). Общественная собственность на средства производства делает всех производителей работниками социалистического общества. Но в отличие от высшей фазы коммунизма, представляющей такое коммунистическое общество, которое развилось уже на собственной основе, социализм есть такое коммунистическое общество, «которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях — в экономическом, нравственном и

умственном — носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло (К. Маркс, Критика Готской программы).

При социализме господствует принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценностей. Содержание и форма изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, а с другой стороны, ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями, то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому здесь равное право — все еще по своему принципу буржуазное право, хотя принцип и практика не ссорятся более, тогда как при товарном обмене эквивалентов существует только в среднем, а не в каждом отдельном случае.

Здесь господствует «право производителей пропорционально доставленному ими труду; равенство состоит в равенстве мерила — труда...».

Это равное право есть неравное право для неравного труда. «Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый есть только рабочий, как и все прочие; но оно молча признает неравную индивидуальную одаренность и работоспособность за естественные привилегии. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как и всякое право».

Этого зла еще «нельзя избежать в первой фазе коммунистического общества, когда оно только что вышло из капиталистического общества после долгих мук родов. Право никогда не может быть выше экономической формы и обусловленного ею культурного развития общества»².

Из этого единственно правильного научного понимания сущности социализма исходит наша партия, формулируя задачу второй пятилетки как задачу построения бесклассового социалистического общества и конкретизируя эту задачу в принятых XVII партконференцией политических и хозяйственных установках второй пятилетки.

Осуществление политической установки второй пятилетки на окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще поэтому предполагает полное уничтожение всякой частной собственности на средства производства, полную ликвидацию всех тех каналов, «при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал» (Сталин).

Уничтожая частную собственность на средства производства, мы уничтожаем материальную основу эксплуатации человека человеком, тем самым уничтожаем основу существования классов, причины, рождающие классовые различия.

Ибо классы, — говорил Ленин в своих заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина, — представляют из себя прежде всего «группы лиц (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы»³.

Создание бесклассового общества, ликвидация классов, ликвидация причин возникновения классов является неизбежным этапом социалистического строительства, следующим за завершением в основном процесса коллективизации, создания своей собственной базы для реконструкции всего народного хозяйства.

² К. Маркс, Критика Готской программы.

³ «Ленинский сборник» XI, стр. 357.

«Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили. Но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками»⁴.

Во вторую пятилетку сельскохозяйственный труд будет превращаться в разновидность индустриального труда, создавая тем самым условия для полного устранения противоположности между городом и деревней.

Сельскохозяйственный труд будет резко изменяться, будет уничтожаться различие между рабочим и крестьянином, все будет становиться работниками соц. общества. Это является одним из основных условий уничтожения классов. Уничтожение классовой разницы между рабочими и крестьянами-колхозниками — огромная задача 2-ой пятилетки. Основным путем решения этой задачи по завершении в основном коллективизации в 1932/33 г. является путь организационно-хоз. укрепления колхозов, социалистической организации труда в колхозах на базе МТС и социалистического перевоспитания и переделки мелкобуржуазного нутра вчерашних индивидуальных мелких производителей. Для того «чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм», — говорил Ленин, — необходимо создание «новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих их крупное социалистическое производство». Это относится не только к промышленности, но и к сельскому хозяйству, к совхозам и в особенности к колхозам. В силу этого организационно-хозяйственное укрепление колхозов — эта важнейшая задача партии на данном этапе — является вместе с тем основным путем уничтожения классовой разницы между рабочим и колхозником. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов повышает производительность труда до того уровня, который соответствует крупному социалистическому производству, укрепляет социалистическую трудовую дисциплину, включает прочно колхозы в плановую систему всего социалистического народного хозяйства СССР. Оно же вырабатывает необходимый колхозный актив, обеспечивает социалистическое перевоспитание колхозника и превращает его в сознательного работника социалистического общества. Вторая пятилетка этим путем должна ликвидировать классовое различие между рабочим и крестьянином-колхозником и превратить сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального труда. Тем самым осуществляется «организация земледелия и промышленности теми же самыми людьми, но не двумя различными классами» (Энгельс). Это создает уже во вторую пятилетку необходимые условия для полного и окончательного уничтожения противоположности между городом и деревней. Последняя существует только в рамках частной собственности. Полное уничтожение частной собственности на средства производства превращение колхозов в последовательно социалистические предприятия даст прочную базу для окончательного уничтожения противоположности между городом и деревней.

Процесс окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, процесс уничтожения источников классовых различий не есть процесс, идущий плавно и самотеком, — он идет через обостренную классовую борьбу. «Уничтожение классов путем ожесточенной классовой борьбы пролетариата — такова формула Ленина» (Сталин). Только правые оппортунисты могут утверждать, что период второй пятилетки есть период мирного и «плавного» развития.

Неизбежное в связи с окончательной ликвидацией капиталистических

⁴ Ленин, Соч., т. XVI, изд. 1-е, стр. 351.

элементов и классов вообще, обострение классовой борьбы в отдельных моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки характеризуется проявлением новых форм сопротивления со стороны ликвидируемых капиталистических элементов. Социалистическая переделка колхозника, которая только начинается в сельскохозяйственной артели, происходит в условиях обостренной борьбы против ликвидируемых капиталистических элементов деревни, в упорной борьбе за преодоление частнособственнических пережитков коллективизирующегося крестьянства.

Гибнущие капиталистические элементы оказывают бешеное сопротивление и рассчитывают на поддержку мирового империализма. Только путем напряженной классовой борьбы могут быть и будут уничтожены эти элементы. Только через обостренную борьбу классов и классовых пережитков может быть и будет создана высокая социалистическая организация труда как в промышленности, так и в социалистическом земледелии. Пролетариат, строя социализм, неустанно должен бороться против чуждых пролетариату влияний и в среде самого рабочего класса. Он должен подымать свои более отстающие слои и новые пополнения из мелкобуржуазной среды до уровня закаленных передовых сознательных кадров, проникнутых революционной активностью. Сила мелкобуржуазной бесхарактерности и расхлябанности — огромная сила, которую пролетариату необходимо преодолеть. «Сила привычки миллионов и десятков миллионов, — говорил Ленин, — страшная сила». Эта сила привычки и косности, которая представляет «огромную сдерживающую силу», «силу инерции» (Энгельс), есть якорь спасения отживших и умирающих остатков капиталистического общества. За нее упорно цепляются сопротивляющиеся остатки мелкого производства в хозяйстве. Она влияет на сознание строителей социализма, затемняет его, тянет назад. Борьба за преодоление этой страшной силы есть классовая борьба пролетариата против старых сил. Пролетариат должен их преодолеть, ибо без этого превращение рабочих и всех трудящихся в сознательных строителей бесклассового социалистического общества невозможно. Поэтому особо важное значение и особую остроту приобретает во второй пятилетке та форма классовой борьбы, на которую указывал Ленин в своей схеме о новых формах классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата и которую он определил как «воспитание новой дисциплины».

Воспитание новой общественной дисциплины становится ареной обостренной классовой борьбы, так как с этим связано разрешение одной из важнейших политических задач второй пятилетки — преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей. В деле преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей основное это — «борьба со старой привычкой смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека, как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок у буржуазии» (Ленин). Надо «победить не только в политике, но и в повседневной экономической жизни врагов народа — богатых и их прихлебателей, затем жуликов, тунеядцев, хулиганов. Богатые и жулики — это две стороны одной медали; это — два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом; это — главные враги социализма, с ними надо расправляться при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом» (Ленин).

Борьба за новые социалистические формы труда, вовлечение в социалистическое соревнование десятков миллионов трудящихся колхозной деревни и новых пополнений рабочего класса, борьба за новую социалистическую дисциплину труда против старых мелкобуржуазных и мелкобуржуазных пережитков и старых привычек и отношений к труду — необходимейшее

условие осуществления величайшей политической задачи второй пятилетки. Эта борьба происходит в условиях обостренной классовой борьбы старого с новым. Нет и не может быть поэтому «плавного», «мирного» вставания в полный социализм, как об этом любят потрубить правые оппортунисты, те, кто хочет «плыть по течению, плавно, спокойно, без перспектив, без заглядывания в будущее» (Сталин).

«Наше развитие идет не в порядке плавного, огульного под'ема вверх. Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий. Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет, товарищи. Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а лищит, кричит, отстаивая свое право на существование... Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся — вот основа нашего развития» (Сталин).

Классовая база правого оппортунизма — это ликвидируемые капиталистические элементы, кулачество. Поэтому в условиях социалистической реконструкции, социалистического наступления по всему фронту и в условиях непосредственного уничтожения классов правый оппортунизм является главной опасностью в партии. Беспощадная борьба против него, а также против «левого» оппортунизма, зазнайства, головокружения от успехов, перепрыгивания через непройденные еще этапы является решающим условием осуществления грандиозных задач второй пятилетки. Революционная бдительность против классового врага, укрепление диктатуры пролетариата, большевистская воинственность и непримиримость в борьбе за осуществление решений XVII партконференции, борьба против проявления гнилого либерализма как в теории, так и на практике, — все это необходимые условия успешного выполнения и перевыполнения задач второй пятилетки.

Обострение классовой борьбы, характеризующее период окончательной ликвидации капиталистических элементов, связано с укреплением пролетарской диктатуры, с укреплением пролетарского государства. «Мы за отмирание государства, — говорил т. Сталин на XVI съезде, — и мы вместе с тем за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненно, и оно целиком отражает марксову диалектику».

Государство при полном социализме еще не отмирает и не может отмереть. Различие между первой низшей фазой коммунизма и высшей — огромно. Это различие не касается основных отношений производства. Но оно будет сказываться на уровне развития производительных сил, на различии принципов распределения при социализме (пропорционально труду) и при коммунизме («с каждого — по способностям, каждому — по потребности»). Это различие будет сказываться таким образом не только в экономике, но и в политике. Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет вероятно «г р о м а д н о» (Ленин). Политика как концентрированное выражение экономики есть вместе с тем и отношение классов. Но в социализме различия классов будут уни-

чтожены, политика тем не менее остается. Она изменит свое содержание, ибо изменится экономика. Экономика социалистического общества — это не то, что экономика переходного периода. Произойдет огромное и глубокое качественное изменение экономики. Соответственно этому изменится и содержание политики передового отряда социалистических работников — партии. Не может еще отмереть и государство. «Государство отмирает, поскольку капитализм уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой-то класс нельзя» (Ленин). Но государство остается, ибо остается «еще необходимость в государстве, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта» (Ленин) по принципу — за равное количество труда — равное количество продуктов. За государством остается эта основная функция охраны того «буржуазного права», которое как «родимое пятно» сохраняется еще в социализме. Полное отмирание государства, а следовательно и политики и партии как авангарда социалистических работников, произойдет при высшей стадии коммунизма. «Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм» (Ленин).

Осуществление задач второй пятилетки мыслимо только при дальнейшем укреплении пролетарской диктатуры. Без этого нельзя уничтожить классы и построить социалистическое общество. Классы у нас еще имеются. Они изменялись, изменились и их взаимоотношения. Но это качественное изменение классовых отношений в эпоху диктатуры пролетариата не может ни в какой мере ослаблять необходимости укрепления пролетарского господства, пролетарской диктатуры, ибо это укрепление есть условие выполнения задач второй пятилетки. Это еще более необходимо в настоящий момент, когда капиталисты готовят военное нападение на страну строящегося социализма. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет пролетарскую диктатуру, тот союзник классовых врагов пролетариата, тот против социализма и против отмирания государства в будущем коммунистическом обществе, тот объективно против действительного претворения в жизнь величайших политических и хозяйственных задач второй пятилетки.

Хозяйственная программа второго пятилетия не менее грандиозна, чем политическая. Последняя возможна именно благодаря огромным успехам социалистического строительства в первой пятилетке и той грандиозной хозяйственной программе, которая установлена XVII партконференцией.

Предусмотренные в директивах по составлению второй пятилетки производственные наметки безусловно обеспечивают выполнение вышеохарактеризованной политической задачи. Директивы исходят из необходимости «завершения реконструкции всего народного хозяйства, создания новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства» во второй пятилетке как «основной и решающей хозяйственной задачи».

Мы должны добиться во второй пятилетке, чтобы все отрасли народного хозяйства СССР были вооружены новейшей техникой, чтобы трудящиеся нашей страны в совершенстве овладели передовой техникой и чтобы тем самым мы достигли невиданного размаха в развитии производительных сил и дальнейшего ускорения темпов роста народного хозяйства.

Для выполнения этой колоссальной программы решающее значение имеет советское машиностроение. Именно ему принадлежит ведущая роль в деле обеспечения разрешения этой задачи. Поэтому центральным пунктом в производственной программе второй пятилетки является наше машиностроение, которое получает наибольшие темпы роста во второй пятилетке.

Производство машиностроения 1937 г. должно превышать продукцию 1932 г. не менее чем в 3—3½ раза. Такой размах машиностроения пре-

вратит СССР в страну, самостоятельно производящую все необходимые машины и оборудование, и выдвинет нас в техническом отношении на первое место в Европе. Тем самым будет достигнута полная технико-экономическая независимость СССР от капиталистических стран.

Крупнейший размах получает металлургия как черная, так и цветная. Она должна обеспечить выполнение программы по всем отраслям машиностроения — общего, транспортного, сельскохозяйственного и т. д., а также и всю программу капитального строительства.

Одновременно с этим получает огромный разворот энергетическая база, являющаяся «важнейшим элементом технической реконструкции народного хозяйства» по линии роста электрификации, добычи угля, нефти, торфа и т. д., с 17 млрд. квтч в 1932 г. должна подняться в 1937 г. до 100 млрд., т. е. возрасти в 6 раз. Таких темпов не знала и не будет знать ни одна капиталистическая страна в мире.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства осуществляется во второй пятилетке полностью: МТС охватывают все колхозы, завершая в основном механизацию сельскохозяйственного производства. Сами колхозы, будучи основаны на государственной земле, при средствах производства, принадлежащих государству, полностью смыкаются с социалистическими госпредприятиями. Всестороннее разветвление получают все разнообразные отрасли с.-х. производства, причем к концу пятилетки должна быть разрешена в основном и проблема животноводства.

На основе роста ведущих отраслей промышленности и социалистического сельского хозяйства получает огромный размах и производство предметов широкого потребления. Решительное улучшение условий жизни трудящихся во второй пятилетке должно быть завершено устроением норм душевого потребления к концу второй пятилетки. Это возможно на базе всемерного убыстрения темпов развития и реконструкции тяжелой промышленности. Потребление зависит от производства. Ведущую роль производства в отношении потребления подчеркнул еще Энгельс в «Принципах коммунизма»: «... расширение производства тогда (с устранением капиталистической собственности.— Ред.) окажется недостаточным и должно будет расширяться еще более. Вместо того чтобы вызывать бедствие перепроизводства, выходящее за пределы потребностей общества, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех граждан, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения»⁵. Эта ведущая роль производства в полном соответствии с основоположниками марксизма последовательно проведена в директивах по составлению второй пятилетки.

Исходным моментом взято разветвление ведущих отраслей: машиностроение, энергетика, металл, и на основе этого обосновывается разветвление всех остальных отраслей народного хозяйства, в том числе и легкой индустрии, обеспечивающий рост душевого потребления. Игнорирование необходимости разветвления ведущих отраслей, отрыв и противопоставление потребления необходимости развития тяжелой индустрии не только теоретически неправильно, но и политически вредно.

Непрерывное улучшение положения трудящихся масс, которое по мере развития производства будет все более и более возрастать, является в то же время важнейшим стимулом, ускоряющим развитие самого производства. «Истинная конкуренция — это отношение потребительной силы к производительной силе. В строе, достойном человечества, не будет иной конкуренции, кроме этой»⁶.

Непрерывный и все ускоряющийся рост материального благосостояния.

⁵ Маркс — Энгельс, Соч., т. V, стр. 477.

⁶ Маркс — Энгельс, Соч., т. II, стр. 310.

трудящихся предполагает прежде всего качественный рост потребления широких трудящихся масс. Основными предметами потребления трудящихся при капитализме являются те, которые наиболее дешевы и по качеству низки. В современном капитализме научные лаборатории в легкой промышленности имеют первейшей своей задачей изыскание дешевых суррогатов для широких потребителей.

«Хлопок, картофель и водка,— говорит Маркс,— представляют собою наиболее распространенные предметы потребления.

Почему же хлопок, картофель и водка стали краеугольным камнем буржуазного общества? Потому, что их производство требует наименьшего труда и они имеют вследствие этого наименьшую цену.

В будущем обществе,— продолжает Маркс,— где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление не будет определяться минимумом времени, необходимого на производство, а наоборот, количество времени, которое будут посвящать на производство того или иного предмета, будет определяться степенью его полезности».

Поэтому, ставя перед собой задачу добиться утроения душевого потребления, партия особое значение придает улучшению качества питания.

— При общем росте потребления продукта питания особо важно,— подчеркивает т. Куйбышев в докладе,— радикальное изменение структуры питания в сторону значительного улучшения за счет увеличения потребления доли наиболее питательных, наиболее легко усваиваемых организмом человека продуктов. Особо значительно должно возрасти потребление таких видов продуктов питания, как мясо, молоко, фрукты, яйца и др.».

При этом необходимо подчеркнуть, что только на основе всемерного развертывания советской торговли возможно обеспечить быстрый рост снабжения рабочих и всех трудящихся предметами широкого потребления.

Разумеется, что материальное благосостояние трудящихся в нашей стране далеко не исчерпывается ростом душевого потребления продуктов промышленного и с.-х. происхождения. Директивы намечают опромное развертывание коммунального строительства, расширение и радикальное улучшение жилищных условий, особенно в промышленных центрах, развитие всякого рода бытовых, санитарных и культурных учреждений: общие столовые, прачечные, клубы, театры, кино, детские ясли и сады, дома отдыха, санатории и т. д. Наконец невиданное по своему размаху дальнейшее развитие должно получить народное просвещение. Поголовная грамотность в основном будет достигнута уже в первой пятилетке. Вторая пятилетка ставит своей задачей введение всеобщей политехнической грамотности; широкое распространение получает высшее образование. Этим самым практически будет совершен гигантский шаг в направлении изживания противоположностей между физическим и умственным трудом.

Быстрый рост потребления трудящихся, неуклонное возрастание их материального и культурного состояния, массовое распространение политехнических знаний являются основным фактором создания и повышения квалификации широких трудящихся масс — этой «важнейшей производительной силы» (Маркс). Понятно, что это не может не оказать огромнейшего влияния на дальнейшее ускорение роста производительности труда, на улучшение качества работы и невиданное еще повышение темпов всего социалистического строительства.

Успешное завершение первой пятилетки в четыре года, грандиозный план завершения технической реконструкции всего народного хозяйства во второй пятилетке, все ускоряющиеся темпы роста социалистического производства и материально-культурного положения трудящихся,— все это не может не вызвать еще больший прилив энтузиазма трудящихся масс нашей

страны, еще больший рост симпатии и поддержки всего мирового пролетариата к стране строящегося социализма. Достаточно сказать, что к концу второй пятилетки Советский союз по уровню потребления будет самой передовой страной в мире.

Таковы в общих чертах те грандиозные, величайшего исторического значения задачи, которые поставлены партией во второй пятилетке. Если же при этом принять во внимание, что «пятилетняя программа считается у нас минимальной, у нас будут еще ежегодные контрольные цифры, которые будут расширять пятилетний план из года в год. У нас будут кроме того встречные планы, которые приведут к дальнейшему расширению пятилетнего плана» (Сталин), тогда грандиозность этого выступления еще ярче, еще величественнее.

В свете достижений первой пятилетки и перспектив второй особенно жалкой выглядит наполненная желчью клевета контрреволюционного троцкизма и социал-фашизма, направленная против трудящихся Советского союза. Известно, что социал-фашизм во главе со своим апостолом Каутским старается использовать все средства лжи, чтобы убедить рабочих капиталистических стран в том, что быстрые темпы индустриализации в нашей стране достигаются якобы за счет систематического ухудшения материального положения трудящихся. Раньше они отрицали самую возможность быстрых темпов социалистического развития нашей страны. Но теперь уже никто в мире этому не поверит. Поэтому они прибегают к другому средству обмана рабочих масс — к распространению клеветы об ухудшении якобы положения рабочего класса в стране диктатуры пролетариата. Каутский например в своем предисловии к французскому переводу «Большевизм в тунике», в той самой книге, которую Эптон Сянклер назвал «позором для всей с.-д. и мирового рабочего движения», обвиняет большевиков ни больше ни меньше, как в невежестве в области марксовой теории воспроизводства. Он поучает, что если бы большевики могли разобраться во II т. «Капитал», то они увидели бы, что наряду с развитием тяжелой индустрии необходимо развивать и легкую. Но так как большевики не предпочли очевидно обратиться за «компетентным» разъяснением к Каутскому, то в результате якобы должна получиться острая диспропорция, которая неизбежно приведет к острому хозяйственному кризису. Вся «беда» оказывается в том, что большевики нарушили пропорцию между отдельными отраслями, которую они получили в наследство от царской России и которая обрекала ее на положение полукolonии капиталистических стран. Эта пропорция, характеризующая остальность дооктябрьской России, оказывается, по мнению этого «авторитетного» ревизиониста и буржуазного глашатая, извратителя марксовой теории воспроизводства, является обязательной и для страны строящегося социализма. Но рабочий класс нашей страны по-ленински понял марксову теорию воспроизводства и сделал из нее противоположные Каутскому выводы — не увековечение старых пропорций, обусловленных технической отсталостью страны, а создание новых пропорций, соответствующих промышленно-передовой стране, строящей социализм.

Дальше всех в этом отношении, как и полагается передовому отряду мировой буржуазии, пошел контрреволюционный троцкизм. Троцкий утверждает, что для того, чтобы СССР действительно сравнялся по уровню потребления на душу населения с передовыми странами капитализма, «потребовался бы ряд пятилетних программ». Однако сколько бы ни клеветали лакеи мировой буржуазии на Советский союз, им никак не удастся и тем более не удастся в дальнейшем скрыть от мирового пролетариата правды о стране, строящей социализм и завершающей построение социалистического общества к концу второй пятилетки.

Задачи второй пятилетки поистине грандиозны. Они воздвигают перед трудящимися всего мира картину величайших побед пролетариата СССР. Они вызывают еще большее сплочение пролетариата капиталистических стран вокруг дела защиты СССР от опасности контрреволюционной интервенции, вызывают ускорение перехода под знамена Коминтерна и пролетарской революции, перехода их на путь Октября.

Грандиозные задачи, поставленные XVII партконференцией, предъявляют величайшие требования к экономическому теоретическому фронту. Нужно констатировать все еще не ликвидированное большое отставание теоретической работы от практики социалистического строительства.

Вторая пятилетка — это завершение последнего этапа переходного периода. Создание политической экономики социализма настоятельно поставлено на повестку текущего дня. Ее основы даны в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и в решениях ЦК, съездов и конференций нашей партии. Разработка этих сокровищниц марксизма-ленинизма применительно к практике сегодняшнего дня, к экономике социализма — актуальная задача теоретического экономического фронта.

Изучение закономерностей экономики переходного периода нельзя оторвать от изучения закономерностей социализма. Экономика переходного периода не отделена стеной от экономики социализма. Последний период экономики переходного периода является уже периодом социализма.

Вторая пятилетка предусматривает развертывание процессов, завершающих переходный период. Изучение этих процессов должно быть основным содержанием работы экономистов-марксистов.

Процесс уничтожения разделения труда, характерного для капиталистического общества, уничтожения противоположностей между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, созданных капиталистическим строем, уничтожения разделения на физический и умственный труд, доходящего в капитализме «до их враждебной противоположности» (Маркс), процессы превращения всех в всесторонне развитых работников, уничтожения классов, рост уровня благосостояния трудящихся и т. д., — все эти весьма важные и актуальные проблемы должны быть включены одним из первых пунктов в программу теоретической работы.

В программу теоретической работы экономистов должно быть включено также изучение и других основных процессов пятилетки, построения полного социализма, процесса технической реконструкции народного хозяйства, создания социалистической техники и т. д.

Проблема хозяйственных связей, проблема обмена, советской торговли по-новому стоят в этой завершающей переходный период пятилетке.

Хозрасчет, учет, планирование получают мощное развертывание. Они должны будут охватить каждый участок хозяйства, каждое звено его.

Все эти проблемы, которые выражают основные линии социалистического строительства, должны быть основными моментами теоретической работы экономистов.

Теоретическая работа должна осветить марксо-ленинским анализом основные контуры строящегося здания социализма и этим самым помочь непосредственным работникам в их строительстве, принять участие в социалистическом строительстве, поставив теорию на службу практике завершения построения социализма в нашей стране.

ненно неразрешимая задача. К тому же укорочение путей и улучшение всех условий внутрицехового транспорта совершенно исключают по ряду причин применение группового привода. Следовательно необходимость применения одиночного электропривода, т. е. отдельного привода для каждого станка, диктуется изменившимися организационно-техническими условиями предприятия.

К тому же при применении одиночного электропривода мы по сравнению с групповым приводом получаем экономию в помещении (приблизительно на 10%), большую надежность работы станка и самой передачи, улучшение техники безопасности и возможность контроля за работой станка путем измерения потребляемой им мощности.

Поясним сказанное выше примером из производственной практики².

Имеется 25 металлообрабатывающих станков, приводимых в движение в одном случае от трансмиссий с групповым электродвигателем в 45 л. с. и в другом — от 25 одиночных электродвигателей каждый мощностью в 2 л. с. Трансмиссия имеет 40 подшипников и 50 ремней и работает с коэффициентом полезного действия, равным 0,89. Инж. Поллак сообщает, что при этих условиях групповой электродвигатель затратит 360 квтч., а одиночные моторы за то же время и при производстве одинакового количества изделий затрачивают 215 квтч. Следовательно в данном примере одиночный привод дает экономию против группового привода около 40% электроэнергии.

Сравнение стоимости постройки и оборудования механической мастерской при групповом и одиночном приводе при одинаковой производительности для Германии по данным инж. Поллак выражается следующей таблицей:

	Групповой привод	Одиночный привод
Число станков	50	40
Средняя высота мастерской (в м)	6	5
Площадь пола (в кв. м)	1 000	800
Кубатура здания (в куб. м)	6 000	3 600
Единичная цена 1 куб. м здания (в марках)	18	16,5
Стоимость здания (в марках)	108 000	59 400
» оборудования (в марках)	174 500	142 400
» проводки (в марках)	1 500	5 500
Полная стоимость	284 000	207 300

Следовательно экономия в капитальных затратах при применении одиночного привода здесь достигает около 27%³.

В отношении потребления энергии для обоих видов привода на существующих установках приведем данные по обследованию приводов завода им. Калинина в Москве.

Слагающие годового потребления энергии:

Потери при передаче

Род привода	Станки		Трансмиссии		Мотор		Сеть	
	квтч.	в %	квтч.	в %	квтч.	в %	квтч.	в %
Групповой	57 740	24,5	11 1350	47	53 750	22,5	14 600	6
Одиночный	57 900	63	13 570	15	14 540	16	6 340	6

² Пример заимствован из статьи инж. Поллак в № 7 журнала «LEG Mitteilungen» за 1927 г.

³ Заметим, что этот пример отнюдь не носит случайного характера. Все исследователи этого впрямь приходят к выводам о беспорном преимуществе одиночного привода по сравнению с групповым (см. журналы: «Machinen» за 1928 г. № 7 и «Simens Zeitschrift» за 1926 г. № 3 и за 1924 г. № 4, 5 и 8).

Интересно отметить, что при почти одинаковом использовании полезной энергии в станках общее потребление энергии при групповом приводе в 2,5 раза более, чем при одиночном. Это является стимулирующим фактором развития индивидуального привода. Новейшие тенденции в развитии индивидуального электропривода характеризуются сращением в одно целое электродвигателя и станка, причем конструкция электродвигателя приобретает индивидуальные качества (как по форме выполнения, так и по электрическим характеристикам), зависящие от типа и особенностей станка, для которого он предназначен. При индивидуальном электроприводе между рабочим органом машины и валом электродвигателя сокращается значительное число передач, что особенно значительно при применении регулируемых электродвигателей. Ясно, что наиболее полным решением задачи приближения вала электродвигателя к рабочему органу машины является непосредственное их функциональное сращение (общий вал), но применяется оно в значительной степени только для быстроходных машин (деревообрабатывающих, шлифовальных станков и т. д.). Имеющаяся в последнее время тенденция к повышению рабочих скоростей еще более расширяет применение непосредственного соединения вала электродвигателя с рабочим органом машин. Все большее внедрение сверхтвердых сплавов, являющихся вместе с тем сверхбыстрорежущими сплавами, толкает на этот путь. Например применение в металлообработке резцов из твердых сплавов, как видно из нижеследующей таблицы, позволяет значительно повысить скорость резания металла и следовательно значительно сократить время обработки изделий.

Таблица испытаний сплава «победит», произведенных «Оргаметаллом» ЗА

Наименование заводов	Обрабатываемый материал	Скорость резания в м/мин.		Время обработки одного изделия		Примечание
		обычный резец	сплав «победит»	обычный резец	сплав «победит»	
Завод им. Лепсе	Чугун	15,7	43,7	6 мин.	2 мин.	1 При сплаве «победит» большее сечение стружки.
	Сталь	14	120	11 »	1,3 »	
» «Красное Сормово»	»	12	70	82 »	14,5 »	
» «Красный пролетарий»	Чугун	10,5	102	143 »	15 »	
Краматорский	Сталь	12,1	24,3 ¹	7 часов	105 »	

Необходимо отметить, что внедрение индивидуального электропривода принесло с собой возможность электрического регулирования скорости и автоматизации управления станком. В соответствии с ходом обработки для многих машин (металлообрабатывающие станки, прядильные машины, и другие) необходимо изменить рабочую скорость. В ряде случаев это достигается с помощью механических устройств, но это производится значительно проще и лучше с помощью электрического регулирования. Автоматизация управления станком охватывает также моменты пуска, остановки и реверсирования, причем вместо сложного механического

¹ Взято несколько испытаний из таблицы, помещенной в брошюре инж. Белкина «Твердый сплав «победит» как режущий инструмент», стр. 34—35.

управления указанные операции производятся путем нажатия кнопки или поворота контроллера.

Особое значение приобретает этот момент при непрерывном производственном потоке, где имеется ряд последовательных и чаще всего коротких по времени операций, при которых время на установку изделия, снятие его, пуск и остановку станка и пр. имеет продолжительность, приближающуюся к машинному времени. Нижеприводимая таблица говорит об этом достаточно ясно.

Сопоставление среднего времени на перемену скорости у токарных станков⁴

Тип привода токарного станка	Время на перемену скорости			
	с остан.вкой		без остановки	
	сек.	%	сек.	%
Со ступенчатым шкивом	24,05	100	24,05	100
Флянцевый вилгатель переменного тока с переключением полюсов	4,76	19,8	0,59	2,4
Флянцевый двигатель постоянного тока	2,88	12,0	0,63	2,6

Указанные выше принципы привели к созданию машин, с помощью которых производится механизация ряда трудоемких процессов, например в угольной промышленности, механизация которой базируется на машинах, составляющих неразрывное целое с электродвигателем (срубная машина, электробур и т. д.). Кроме этих машин получил широкое распространение ручной электроинструмент (электросверлилка, электроточило и т. д.), с помощью которого значительно повышается производительность труда.

С развитием автоматизации производства, применения многошпиндельных и комбинированных станков, представляющих собой отдельную и законченную производственную единицу, техника нашла новый вид привода — многодвигательный привод, при котором какой-нибудь сложный станок приводится в движение не одним, а несколькими электродвигателями, в соответствии с функциональной деятельностью отдельных орудий станка.

Применение в станке нескольких электродвигателей обусловливается стремление к упрощению передач. С этим связано уменьшение потерь энергии, а также упрощение автоматизации работы станка.

Применение станков с многодвигательным приводом значительно повышает производительность и позволяет комбинировать в одной машине несколько совершенно различных операций, следствием чего для целого ряда процессов металлообработки почти теряется смысл деления станков на токарные, фрезерные и т. д.

Выгодность применения многошпиндельных и комбинированных машин ярко видна из следующего примера⁵. Предположим, что на детали необходимо просверлить 2 отверстия разных диаметров. Эту работу можно произвести способами, указанными в таблице см. стр. 19).

Из таблицы видно, что при применении станка, упомянутого в варианте IV, производительность повышается против первого варианта в 3,8 раза и в 3,2 раза против II варианта.

Необходимо также отметить, что принцип многодвигательного привода не ограничивается только автоматизацией отдельных станков и машин, а идет еще далее, охватывая ряд машин (действовавших и управляв-

⁴ К. Меллер, *Одиночный электрический привод станков*, стр. 86.

⁵ См. книгу Д. Корова, *Непрерывное производство*, стр. 52—54.

Затрата времени на сверление двух дыр разного диаметра в одной детали при

Наименование операций	I		II		III		IV	
	Два разных станка		Один двухшпиндельный станок		Один двухшпиндельный станок с одновременным автоматическим движением обоих шпинделей		Один двухшпиндельный станок с одновременным автоматическим движением обоих шпинделей и двойным поворотным приспособлением	
	сек.	%	сек.	%	сек.	%	сек.	%
Машинные операции	20	100	20	100	10	50	10	50
Ручные операции	18	100	12	66,6	9	50	—	—
Всего	38	100	32	84,4	19	50	10	26

шихся ранее отдельно) в общий производственный агрегат, как это имеет место например с приводом прокатных станков.

Техническая мысль идет еще дальше, и появляются идеи электропроизводственных машин, в которых уничтожается само раздельное понятие о станке и электродвигателе и механические элементы заменяются электро-механическими. Крайне интересными в этом отношении являются работы инж. П. А. Фридкина (электрокардмашина, электроватер) и Шварца (электроткацкий станок). В электрокардмашине инж. Фридкина источником движения ее являются сами ее производственные органы, образующие заодно в своем сочетании 3-фазный асинхронный двигатель.

Сказанное выше поясняет всю необходимость освоения принципов электропривода в нашей промышленности, тем более что «все потребности реконструкции промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства, торговли и т. д. должны быть обслужены внутренним производством наиболее совершенных и современных машин» (из резолюции XVII партконференции по докладу тт. Молотова и Куйбышева).

В настоящее время в промышленности наравне с поставленными по последнему слову техники электропривода предприятиями до сих пор сохраняется отжившая форма передачи энергии — трансмиссионный привод, при котором непроизводительно теряется в среднем 50—60% энергии.

Задача второй пятилетки — переход к индивидуальному и многодвигательному приводу — требует уже сейчас определенного комплекса мероприятий, направленных к устранению имеющегося сейчас налицо безразличия и косности в вопросах привода. Особенно это заметно в станкостроении и электропромышленности, совместной работы которых в области конструирования станков на базе электропривода почти нет. Задачи, стоящие перед промышленностью СССР в деле освобождения от импорта машин, требуют решительного перелома в вопросах электропривода^{5а}.

^{5а}. Разрешению данного вопроса будут способствовать ряд специальных конференций по внедрению электр. привода по отраслям промышленности, к созданию которых по поручению Госплана и НК РКИ СССР уже приступил Всесоюзный энергетический комитет.

Вторым мощным орудием в деле реконструкции промышленности являются электросварка, электромеханическая и газовая резка.

Применение методов сварки значительно ускоряет процессы производства, удешевляет изделия, значительно экономит металл; уничтожается ряд операций обработки, а следовательно исключается надобность в ряде агрегатов станков оборудования, чем увеличивается пропускная способность цехов. Сварка в соединении со штамповкой и ковкой заменит литье и подведет техническую базу под широкое развертывание массового производства. Проблемы механизации, специализации и кооперирования заводов неразрывно связаны с широким внедрением электросварки. Внедрение электросварки в огромной мере уменьшает капиталовложения при строительстве новых заводов. Достаточно указать, что завод «Мастя-жарт», применяя сварку, может с той же самой производственной площадью увеличить выпуск паровых котлов в 8 раз.

За сравнительно короткий срок мы достигли крупных успехов в области сварки, особенно эти успехи велики в области дуговой электросварки.

Важнейшие из этих успехов следующие:

1. Выпуск машин для дуговой сварки в 1931 г. в 4 500 штук против выпуска в 1930 г. в 1 900 штук и максимального выпуска САСШ (до кризиса) в 4 203 штуки (в 1929 г.).

Следовательно по количеству сварочных машин и темпам развития сварки мы обогнали ряд капиталистических стран.

2. Широкое внедрение сварочных работ во всех отраслях промышленности, причем на ряде предприятий металлопромышленности созданы сварочные цехи.

3. Завоевание сваркой таких объектов, сварка которых в Западной Европе еще не налажена (сварка составных сверл из быстрорежущей и подделочной стали, сварка вагонных рам, массовая сварка цистерн, сварка локомотивов и т. д.). Несмотря на эти успехи, сварка пока еще не стала ведущим технологическим процессом в металлообработке. Необходимо дальнейшее систематическое внедрение сварки во все отрасли народного хозяйства, так как этим создается мощный рынок реконструкции и экономится значительное количество металла.

Экономия средств и металла, получающаяся при широком внедрении методов сварки, рисуется в следующей таблице, представленной к III Всесоюзному съезду по автогенному делу.

Годовая экономия от применения методов сварки
(по данным 1931 г.)

Отрасли промышленности	Средний процент экономии по весу изделий	Общая экономия в металле в тысячах тонн	Общая экономия в тысячах рублей
Общее машиностроение	15	142	35 500
С-х. машиностроение	14	70	17 700
Судостроение	22	36	6 500
Металлургия	10	222	40 000
Неметаллическая промышленность	10	36	9 000
НКПС	15	25	6 300
Замена литья сваркой и исправление дефективного литья	40	330	392 000
Прочие	—	50	120 000
Всего	—	911	627 000

Следует также отметить, что наша автогенная промышленность в части газосварочной аппаратуры освободилась от импортной зависимости, чего совершенно нельзя сказать об электросварочной аппаратуре, которая выпускается в недостаточном количестве, качественно значительно уступает заграничным типам, причем агрегаты для автоматической сварки почти совсем не производятся.

Во второй пятилетке необходимо совершенно освободиться от импорта в области оборудования для сварки путем создания своей советской производственной базы с выпуском оборудования, по качеству и типам значительно лучшим, чем за границей. Также необходим выпуск специального сортамента профилей проката, приспособленного для соединения методами сварки.

Пути развития сварки в СССР усиленно дебатировались. Эти пути следующие: газовая или электрическая сварка, и на какой род тока (постоянный или переменный) в электросварке необходимо ориентироваться.

Исходя из условий электрификации страны и учитывая, что электро-сварка дает в 2—3 раза более быстрые темпы работы по сравнению с газовой, более низкую стоимость (в отдельных случаях в 8 раз), необходимо держать курс на электросварку, признав ее ведущей в автогенной промышленности. К тому же за границей в последнее время широко распространяются аппараты электроатомной или газо-электрической сварки, качество работ которых значительно лучше, чем при газовой или простой электросварке. Не теряя основной линии на электросварку, необходимо также всяческое содействие развитию газовой сварки, тем более что электросварка еще не дает эффективных экономически методов сварки цветных металлов и тонкого железа.

Что же касается выбора рода тока в электросварке, то несомненно, что аппаратура переменного тока значительно проще, дешевле, чем при постоянном токе. Народное хозяйство получит при этом аппаратуру в два раза скорее, чем при применении постоянного тока. К тому же последние достижения заграничные в улучшении сварочных трансформаторов с помощью применения осцилляторов позволяют с технической стороны считать переменный ток приемлемым и дающим удовлетворительное качество сварочного объекта.⁵⁶

Ответы на все эти вопросы должны быть даны в первую очередь научно-исследовательскими институтами, работа которых (кстати оказать) в области сварки расплывлена. Отсюда вытекает, что необходимо создать мощный единый научно-исследовательский институт по автогенному делу.

Значение сварки в системе народного хозяйства зафиксировано в решениях XVII партконференции по докладу т. Орджоникидзе. «С целью экономии металла необходимо широко развернуть работу по пересмотру конструкций в сторону их облегчения... замене клепочных конструкций сварными... чтобы добиться в пределах выделенного машиностроению количества металла выпуска большего количества машин». К выполнению этого решения надо натрачь все силы.

Третьим, не менее мощным, звеном в деле реконструкции промышленности на базе электрификации является электрохимия. Необходимо и вполне возможен перевод большинства химико-технологических процессов на электрохимические методы. К тому же методы электрохимии позволяют получать из примитивного сырья продукты высокого качества. Лишь отсутствие в достаточных количествах дешевой гидроэлектроэнергии явля-

⁵⁶ Необходимо отметить, что I Всесоюзный съезд ВНИТО сварщиков по специальному докладу инж. К. Хренова на тему «Выбор рода тока для дуговой электро-сварки» высказал и принял решение об ориентировке в основном на переменный ток.

ется одним из основных препятствий к широкому внедрению электрохимических методов в практику производства. К концу 1931 г. мы имеем свыше 40 тыс. кВт мощности, установленной для электрохимических целей, что в четыре раза больше того, что имелось в России в 1916 г.

Однако, несмотря на этот рост, СССР все еще чрезвычайно отстает в области электрохимии от передовых стран Европы и Америки.

Одним из важнейших производств в электрохимии является производство хлора и его производных продуктов. Производством хлора мы в основном овладели. Работы по электролизу поваренной соли при больших плотностях тока приобретают особое значение в производстве хлора.

Развитие социалистической промышленности на основе новейших достижений техники в конкретных формах реализует проблему электрохимического производства алюминия и магния, чего совершенно нельзя сказать в отношении металлического натрия и других легких металлов: лития, калия, бария и кальция. Необходимо как можно скорее разрешить натриевую проблему, форсируя работы по наиболее рациональному способу получения натрия из поваренной соли.

Развитие алюминиевой промышленности в Союзе настоятельно диктует необходимость проработки вопросов освоения новых источников сырья для получения окиси алюминия (глины, алуниты и нефелины).

Вопросы разработки методов промышленного получения дешевого хлористого алюминия, необходимого при крекинге нефти в качестве катализатора (понижает температуру и давление, повышает выход бензина), и последующего использования получающейся при этом окиси алюминия для производства алюминия требуют разрешения в кратчайший срок.

Широкое распространение должны также получить новые методы производства, выдаваемые электрохимией, водных растворов (глет, перекись водорода, хлораты).

Необходимо широкое распространение работ по электросинтезу органических соединений, при помощи которого возможно непосредственное получение чистых продуктов без примеси посторонних тел. Методы электролитической добычи водорода для получения синтетического аммиака и других целей должны получить соответствующее развитие.

Первостепенное экономическое и техническое значение приобретают вопросы борьбы с коррозией металлов. По литературным данным почти 40% мировой продукции черных металлов ежегодно теряются от коррозии. Состояние работ по борьбе с коррозией у нас еще явно неудовлетворительно. Необходимо обеспечить должное внимание этим вопросам в научно-исследовательской работе и в кратчайший срок развернуть в Союзе производство химически стойких сплавов, керамики и эмали, лаков и красок, химически стойкой резины, древесных пластмасс, а также должным образом поставить работы по защитным покрытиям (эмалировка, покрытие лаками, красками и цементами). Крайне важными являются вопросы замены цветных металлов черными, которые неразрывно связаны с успехами гальванотехники.

Развитие советской электрохимии неразрывно связано с развитием собственной промышленной базы, производящей оборудование для электрохимических производств (электроды, диафрагмы, низковольтные генераторы, ртутные выпрямители на большую силу тока, электролизеры и т. д.), развитие которой должно быть обеспечено во второй пятилетке. Также должны быть расширены научно-исследовательские работы в области электрохимии и электротермии и особенно в теоретических областях, связанных с изучением основных проблем электрохимических процессов.

Огромные успехи, достигнутые за границей в области применения электротермических методов производства, делают возможным и необходи-

мым широкое внедрение их в промышленность СССР. Являясь последним достижением техники в области применения теплового эффекта электрического тока, электротермия, а в первую очередь электрометаллургия, позволяет получать значительно лучшие продукты, чем при других методах. К тому же имеется ряд продуктов, получаемых исключительно электротермическим путем, как например карбиды, алюминий, феррохром, фосфор и т. д., потребность в которых с каждым годом увеличивается. Для стали, чугуна, цветных металлов и др. вопрос о переводе на электротермическую выработку решается путем анализа, в котором главное — вопросы качества продукта и стоимости его выработки в том или другом (по другому, не электротермическому методу) случае. Необходимо отметить, что за последние годы имеется тенденция к большему росту потребления энергии для промышленных электротермических печей. Например в САСШ, стране наиболее передовой в вопросах электротермии, потребление электроэнергии для промышленных электротермических печей, по данным инж. Ароноза, рисуется в следующем виде:

Г о д ы	В млрд. квтч	В %
1924	2,3	100
1925	3,0	130
1926	3,5	152
1927	4,2	182
1928	5,0	220
1929	5,7	250

т. е. потребление энергии для печей за год в среднем увеличивалось на 25%, причем другие отрасли промышленности дают прирост потребления энергии в год в среднем на 10%. Из этого следует, что рост потребления энергии на новейшие технологические цели будет значительно больше, чем для силовых целей.

В производстве стали, в особенности высококачественных ее сортов, электротермическая печь завоевала себе прочное место. Необходимо отметить, что в САСШ и Франции доля электростали в общем производстве стали за время с 1921 по 1929 г. увеличилась вдвое. К тому же усиление потребления в промышленности специальных сталей (нержавеющие, автотракторные и др.), производимых исключительно в электротермических печах, требует сильнейшего развития этого производства, причем для обеспечения должного роста производства электростали должен быть разрешен вопрос о производстве собственных советских крупных электротермических печей, электродов и приборов по автоматической регулировке печей.

Ферросплавы, на которых в основном ставится производство наиболее ответственных сортов стали, получают исключительно с помощью электротермических печей (за исключением ферромарганца, который изготавливается и в доменных печах), а следовательно их производство должно быть широко развито в районах крупных гидроэлектростанций, так как эти производства являются весьма электроемкими.

Не меньшее значение должна приобрести вторичная электроплавка цветных металлов, которая за границей имеет широкое распространение. В САСШ и Канаде в 1927 г. из общего числа латуни и бронзы в электротермических печах было получено 52%. В САСШ считают, что благодаря применению электроплавки цветных металлов экономится по 200 долл. на 1 т, что в 1927 г. при общем производстве латуни и бронзы в 1 300 тыс. т дает экономии свыше 2,5 млн. долл. Проведенные в 1930 г. ЦКК РКК СССР подсчеты показывают, что благодаря применению старых способов производства (а не электротермических) в литейных цветных металлов народное хозяйство потеряло на угарах более 8 тыс. т цветных металлов, что по нашим ценам составляет 8 млн. руб. Поэтому во второй пятилетке должна быть

полностью введена электроплавка цветных металлов (вторичный передел) для слитков, а также и для литья.

Особые условия плавки алюминия, его сплавов и легкоплавких металлов выдвигают на первое место применение электропечей. Необходимо также отметить область применения электропечей в деле получения железа внедоменным путем, который основан на восстановлении железных окислов при температуре около 900°C с газовой смесью в ретортах с электронагревом. Преимущества этого метода перед доменным процессом следующие: меньший расход тепла на реакции восстановления, а главное — получается значительно лучший по чистоте и следовательно по качеству продукт. При этом методе получения железа отпадает доменный процесс, становится ненужным кокс и отпадает необходимость агломерации руд, а следовательно и постройки агломерационных фабрик. По данным Б. С. Емельянова⁶, при цене электроэнергии в 1 коп. за 1 квтч внедоменный процесс может конкурировать с доменной плавкой, а при стоимости энергии менее 1 коп. за 1 квтч этот метод будет значительно выгоднее доменного процесса. При разрешении крупных энергетических проблем СССР, как Ангарстрой и т. д., необходимо учесть эти новые методы получения черных металлов на новой энергетической основе.

В области термической обработки металлов в связи с первоочередной задачей разработки технологического процесса, технического контроля и автоматизации всего производства электропечь с присущей ей легкостью обслуживания, чистотой, точным контролем и регулированием температуры, а главное возможность автоматизации производства не имеет конкурентов. В САСШ для термической обработки стали установленная мощность электропечей достигает 300 тыс. квт, а на заводах Форда она достигает 85 тыс. квт. Бурный рост нашей промышленности и особенно ее отраслей, потребляющих высококачественные металлы, которые при термической обработке требуют чрезвычайно точного режима температуры, потребует значительного расширения применения электропечей, преимущественно типа печей сопротивления.

Необходимо также отметить широкое применение электротермических методов получения фосфора, карбидов, электроцемента, абразивных материалов и электрографита, которые получают широкое распространение во второй пятилетке.

Задача построения социалистического общества, задача «максимум в 10 лет пробежать расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма» (Сталини), разрешается на пути всемерного развития и освоения последних достижений техники, коренной технической реконструкции нашей промышленности. Всесторонняя электрификация страны и особенно промышленности является важнейшим элементом технической реконструкции социалистической промышленности.

⁶ Б. С. Емельянов, Технические сдвиги в черной металлургии на базе электричества, в сборнике Института техники и технической политики Комкадемии «К вопросу о технических сдвигах во второй пятилетке».

Г. БЛАНК

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ЭНЕРГОХОЗЯЙСТВА В МЕТАЛЛУРГИИ

Как известно, ни в какой другой отрасли промышленности топливный фактор не имеет такого важного значения, как в металлургии. В Соединенных штатах например металлургия потребляет около 20% всей угольной продукции. В Германии металлургия также стоит во главе промышленных потребителей угля, поглощая 21% всего потребляемого угля, между тем как пути сообщения потребляют только 12%, электрические станции — менее 7% и химическая промышленность около 6,5%. В силу этого становится ясным, почему рационализация металлургии и в частности топливосжигания является в значительной степени борьбой за экономию топлива. По вычислениям немецкого специалиста д-ра Румеля рационализация теплового и силового хозяйства в германской металлургии выразилась в экономии топлива, колеблющейся между 10 и 30%. Другой специалист заявил анкетной комиссии немецкой промышленности, что благодаря рационализации топливного хозяйства в последнее время (1924—1929 гг.) железнорудная промышленность имеет ежегодную экономию в потреблении угля от одного до двух миллионов тонн. Сама комиссия отмечает в своем докладе, что рационализация теплового хозяйства в металлургии дала возможность уменьшить расходы по энергии в течение того же промежутка времени на 20%, а общие издержки производства не меньше чем на 3%.

Эти данные о результатах рационализации теплового хозяйства в металлургии за границей имеют для нас важнейшее значение. Мы имеем гораздо более широкие перспективы в отношении возможности экономии топлива и в нашей металлургии, поскольку она не капиталистическая, а социалистическая металлургия. На эту именно область в борьбе за экономию топлива мы желаем обратить внимание читателя настоящей статьи.

Прежде всего необходимо отметить то своеобразное, специфическое значение, которое топливный вопрос имеет в металлургии. Здесь, как известно, вопрос об экономии топлива не является простым вопросом о потреблении топлива (угля). С одной стороны, уголь (кокс) является восстановителем в доменном процессе. Уменьшение доли расходования кокса в доменных, которое у нас на 20—25% выше, чем в САСШ и в Германии, требует улучшения в приготовлении шихты, в работе домы и в качестве самого кокса. Этой стороной вопроса мы в данной статье заниматься не будем. Но, с другой стороны, топливный вопрос в металлургии не является только вопросом о расходе угля: он связан с более широким кругом вопросов о тепловом и энергетическом хозяйстве в металлургии. Нашу работу мы хотим посвятить именно этой стороне вопроса о топливе как части теплового и энергетического хозяйства в металлургии.

Современное металлургическое производство является не только большим потребителем угля, но в то же время одним из крупнейших производи-

телей энергии. Современное металлургическое производство производит большие количества газа, пара, теплоты, электрической энергии и т. д.

Производство тока в собственных станциях заводов
Германии 1927 г.¹

(в миллионах киловатт)

Металлургия (производство железа и его обработка)	3 023
Горное дело	3 350
Химическая промышленность (и частью металлургическая промышленность)	3 143
Бумажная	1 016
Текстильная	547
Разные другие отрасли промышленности	1 049

Как видно, и немецкая металлургия стоит на первом месте в отношении производства тока. Но этот крупнейший производитель электроэнергии отличается от всех других вышеуказанных в таблице производителей тем, что он подавляющее количество этой энергии производит не непосредственно из угля, а из энергетических отбросов, которые являются побочными продуктами металлургического производства, причем современное металлургическое производство получает эту энергию главным образом из газа и прежде всего из колошникового газа.

Производство тока из газов в собственных
станциях заводов в Германии

(в миллионах киловатт)

Металлургия	2 160
Горное дело	368
Химическая промышленность	170

Если же мы возьмем только металлургический район Рейнской провинции и Вестфалии, то мы увидим, что там на собственных центральных станциях добывается ток в следующем соотношении (в процентах):

Из каменного угля	46,8	Из воды	1,1
» газа	32,9	» масла	0,3
» бурого угля	14,9	» разных	4,0

Почти одна треть тока, производящегося в Рейнско-вестфальском районе на собственных станциях, добывается из газа, являющегося побочным продуктом производственного металлургического процесса. В горном деле также добывается энергия из энергетических отбросов, например из угольных отбросов, из угольной пыли и т. д. Но это использование отбросов является там прямым использованием угля. В металлургии же применение колошникового газа обозначает двукратное энергетическое применение одного и того же первоначального количества топлива. Уголь один раз употребляется в виде кокса в доменной печи для приготовления чугуна, и затем его энергетический отброс, являющийся побочным продуктом, применяется в виде колошникового газа вне доменной печи. Такое двукратное энергетическое применение, означающее наиболее полное использование содержащихся в угле калорий, встречается и в других отраслях промышленности производятся громадные массы пара для технологических целей (для отопления, сушки, кипячения). Этот пар может сначала быть доставлен на силовую станцию и там применен для производства электроэнергии; затем, когда он покидает силовую станцию, он может быть как отработанный пар вторично использован для технологических процессов. Но этот

¹ По данным анкетной комиссии, том «Elektrizitätswirtschaft», Берлин 1930.

вид двукратного использования пара не вполне совпадает с применением колошникового газа в металлургии.

В металлургии это использование топлива является на самом деле еще более комбинированным — трехкратным энергетическим использованием исходного топлива: сначала в виде кокса в доменной печи для производства чугуна, затем в виде газа в газовой машине или в котельной установке для выработки электроэнергии и наконец в третий раз в виде отработанного пара или газа для различных дальнейших применений.

Это своеобразие энергетического хозяйства в металлургии открыло громадные и многосторонние возможности рационализации и привело к тому, что в современных металлургических заводах непосредственное употребление угля (помимо кокса для доменных печей) доведено до минимума или в ряде капиталистических заводов оно совершенно упразднено, как мы видим это в Германии. Кроме нужной для доменных печей массы кокса на этих заводах не употребляется больше угля для нужд всех ступеней производства (на коксовом заводе, в доменных печах, в сталелитейном и прокатном цехах, на силовых установках, в побочных и вспомогательных производствах и пр.). Энергетическое хозяйство этих по-современному организованных металлургических заводов покоится исключительно на энергетических отбросах коксового завода (коксый газ), доменных печей (колошниковый газ), мартеновских печей и прокатных (отработанная теплота), газовых машин (отработанный газ) и силовых установок (отработанный пар). Поэтому энергетическое хозяйство в современных металлургических заводах является прежде всего газовым хозяйством, а именно комбинированным колошниковым и коксовым газовым хозяйством в сочетании с электрохозяйством, снабжающим энергией весь комплекс производства и иногда дающим еще некоторый излишек энергии.

Это своеобразие и значение энергохозяйства металлургических заводов объясняет нам происхождение парадокса, определяющего доменную печь как «огромный газогенератор, побочный продукт которого называется чугуном»². На самом деле в технически передовых странах (САСШ и Германия) на тонну чугуна подается в доменную печь около 1 000 кг кокса (в Германии — 1 015 кг, в САСШ — 907 кг; средние цифры за 1929 г.), и получается от нее в среднем около 3 800 м³ колошникового газа. Это означает (если мы в переводе на калории примем только 900 калорий на один кубический метр) выигрыш в 3,4—3,5 млн. калорий, что в переводе на условное топливо равняется в круглых цифрах 490 кг. Еще более крупным производителем газа является домна в Советском союзе, например на наших заводах б. Югостали. Там домна сжигает на тонну чугуна в среднем 1 207 кг кокса да еще 21 кг антрацита, — всего 1 228 кг топлива, и выдает в среднем 4 800 м³ газа (см. годовой отчет — «Работа объединений «Стали» за 1929/30 г.).

На наших заводах б. Югостали (принимая тот же эквивалент колошникового газа в калориях) мы получаем обратно на каждую тонну чугуна по меньшей мере 600 кг угля, т. е. на 23% больше, чем в Германии. Само собой понятно, что это совсем не утешительное явление. Этот излишек дохода газа является показателем плохой работы наших доменных печей. Если бы печи работали более рационально, то они поглощали бы меньше топлива, они поглощали бы и меньше воздуха и вследствие этого отдавали бы меньше газа. Достигнутое таким путем уменьшение выпуска колошникового газа означало бы прогресс в производстве; но пока наши домны работают с средним поступлением газа в 4 800 м³, которого эквива-

² L. Guillet, L'évolution de la Metallurgie, Paris 1928 г.

лент в угле составляет 600 кг условного топлива. И мы должны считаться с этим фактом, когда мы хотим установить, какими мы располагаем в настоящее время возможностями для проведения экономии топлива на советских заводах и в данном случае на заводах б. Югостали.

Рационализация колошникового и коксового газового хозяйства

Как используются за границей и у нас эти значительные массы газообразного топлива, которые получают на металлургических заводах?

Прежде всего бросается в глаза несоответствие между поступлением газа и его применением, причем это несоответствие у нас несравненно больше, чем за границей. На современных заводах в Германии в настоящее время потеря газа составляет 3—8%, причем большая часть этой потери является «воскресной» потерей, т. е. потерей в выходные дни. За границей по воскресным дням производство на металлургических заводах большей частью приостанавливается. Так как таким путем часть отделений, потребляющих газ, выпадает, а производящие газ доменные печи своей работы не приостанавливают, то естественно, что газ, выработанный по воскресным дням, пропадает. Чтобы собирать и сохранять излишек поступающего по воскресным дням газа, чтобы использовать его в следующие дни, потребовались бы огромные газголотеры. На новых крупновских заводах при Рейнгаузене получается ежедневно около 3 600 тыс. м³ колошникового газа, на заводах Дортмундер-Унион 9 млн. м³ на заводе Гутефунгсхютте — около 11 млн. м³ и на заводе Августа Тиссена — не меньше 22 млн. м³. Одно из величайших газохранилищ (на заводе Гутефунгсхютте, построенное в 1928/29 г.) вмещает 350 тыс. м³, и постройка его обошлась в 1¼ млн. марок. Считая, что 50% ежедневного поступления колошникового газа будут использованы также и в воскресные дни (некоторые цехи должны работать непрерывно), воскресные излишки газа на перечисленных выше заводах будут следующие: Крупна — 1 800 тыс. м³, Дортмундер-Унион — 4 500 тыс. м³, заводы Гутефунгсхютте — 5 500 тыс. м³ и Тиссен — 11 млн. м³. Для сохранения этих масс излишнего воскресного газа были бы необходимы новые газохранилища, постройка которых требует большого расхода металла и крупных капиталовложений, с одной стороны, а с другой стороны, колошниковый газ обходится очень дешево (900 калорий на 1 м³, что составляет 0,028 пфенигов за 100 м³) и поэтому может быть с выгодой использован только в ближайшем соседстве с местом его производства (самый длинный колошниковый газопровод в мире между Рурорт-Мейдерих и коксовым заводом Тиссен имеет едва 4 км); амортизация такого газохранилища растянулась бы на 60—70 лет, а может быть еще больше.

Собирание воскресных излишков колошникового газа следовательно совершенно нерентабельно, и поэтому воскресные потери здесь неизбежны. Несмотря на это, общая потеря газа (в воскресные и рабочие дни) на заводах Гутефунгсхютте составляет в среднем только 8,28%, у Тиссена — только 5,93%, у Крупна — 2—7%.

Как же обстоит дело в отношении потерь колошникового газа у нас, в Советском союзе, где функционирует непрерывная рабочая неделя и следовательно нет никаких воскресных потерь?

Мы не будем говорить о наших старых уральских заводах, где большая часть колошникового газа иногда просто уходит в воздух. Посмотрим, как обстоит дело на заводах б. Югостали, т. е. там, где газовое хозяйство лучше поставлено.

На восьми заводах б. Югостали в 1929/30 г. было выработано 14 803 млн. м³ колошникового газа. Из этого количества утеряно:

Заводы	Миллионы м ³	Проценты
Им. Петровского	523,6	17,7
» Дзержинского	536,4	20,0
» Сталина	304,1	14,0
» Рыкова	550,0	22,4
» Томского	606,0	31,8
» Ворошилова	231,1	14,5
» Фрунзе	30,5	10,6
» Ильича	74,7	9,5
	<hr/> 2 848,3	<hr/> 19,5

Таким образом из 15 млрд. кубометров колошникового газа только на 8 заводах потеря составляет около трех миллиардов кубометров газа, или, выражая это количество в условном топливе — около 380 тыс. т. Если мы сравним потери газа у нас и в Германии, то получится приблизительно следующая картина:

Коэффициент возврата калорийности кокса и колошникового газа

Страны	Включая потери газа		За вычетом потери газа	
	в килограммах условн. топлива	в процентах	в килограммах условн. топлива	в процентах
Германия	490	49	460	46
СССР — заводы б. Югостали . .	600	54	490	44

До вычета потери газа в Германии колошниковый газ составляет 49% стоимости кокса, на заводах нашей Югостали — 54%. Но после вычета утери газа получается обратная картина: в Германии почти 46% тепловой энергии кокса в доменных печах практически используется в форме колошникового газа, у нас же только 44%. Отсюда вытекает, что доменные печи б. Югостали потребляют на 25% больше топлива, чем германские; они хуже используют тепловую энергию этого топлива во время доменного процесса; они теряют значительно большую часть тепловой энергии в форме газа и получают обратно для полезного использования в процентном отношении меньшую часть этого газа.

Эти потери газа являются теми потерями, которые происходят самым примитивным образом — именно у колошника доменной печи. Не менее значительными являются те потери, которые получаются для топливного хозяйства вследствие нерационального и расточительного использования полученного обратно колошникового газа.

Как в самом деле распоряжаются на заводах б. Югостали с остающимися 12 млрд. м³ колошникового газа, представляющими более 1,5 млн. т условного топлива?

В Германии около 60% колошникового газа употребляется в самом доменном производстве и в силовых установках (главным образом в газовых машинах), остальные 40% используются в технологических процессах (в мартеновских печах и др.) и в коксовальнях. Особенно выгодным является применение колошникового газа на коксовых заводах, так как благодаря этому освобождается ценный коксовый газ, который иначе применялся бы для разжигания коксовых печей. Газ этот передается сейчас для более рационального использования на сталелитейные и прокатные

заводы, где он заменяет собою твердое топливо, нефть или генераторный газ, и на химические заводы. Вместо твердого или жидкого топлива и вместо генераторного газа, требующего дорогих сооружений, в настоящее время на мартеновских и прокатных заводах все больше и больше применяется смесь из колошниково-го и коксового газа (иногда из колошниково-го, коксового и генераторного газа). Между доменной печью и коксовым заводом происходит таким образом обмен газом, благодаря которому, во-первых, металлургические заводы совершенно освобождают свои коксовые печи от потребления коксового газа, во-вторых, достигается экономное использование колошниково-го газа под коксовыми печами и, в-третьих, во многих случаях мартеновские и прокатные заводы освобождаются от необходимости расходовать добавочный уголь.

Развитие уже упомянутых заводов Август-Тиссе (с продукцией около 6 тыс. т чугуна в день) может в этом отношении служить образцом. В 1901 г. эти заводы употребляли на каждую тонну стальной продукции 500 кг добавочного угля. В 1911 г. этот расход снизился до 200 кг угля (благодаря введению усовершенствованных газовых машин). В 1919 г. количество добавочного угля на тонну стали опять поднялось до 460 кг в связи с переходом заводов на производство тонких объектов, но в 1926 г. произошла коренная реорганизация теплового, газового и силового хозяйства, был организован обмен между колошниковыми и коксовыми газами, была введена широкая электрификация и пр. Благодаря всему этому расход добавочного топлива свелся к нулю. Правда, эти заводы еще и теперь употребляют незначительные количества угля и смолы. Отчасти этот уголь и смола нужны для технологических процессов; эта часть расхода угля и смолы на данной ступени металлургической техники является зачастую неизбежной и даже не может быть принята в расчет как часть топливного баланса. Другая же часть добавочного расхода угля и смолы на заводах Август-Тиссен с избытком возмещается излишком энергии в форме газа и тока, отдаваемым на сторону, вне заводов Тиссена. В 1929 г. тепловой баланс (выключая и технологически необходимый расход угля и смолы) состоял (в процентах):

Колошниковый газ	87,11
Коксовый газ, уголь и смола	12,89

100

Объем массы коксового газа составлял 270 тыс. м³ ежедневно и составил приблизительно 60% общего теплового баланса. Часть же не газообразного добавочного топлива (т. е. только угля и смолы) едва достигала 7% общего теплового баланса. Но вместе с тем вне заводов Тиссена сбывается около 9,57% теплового баланса в виде газа, т. е. на 2,57% (9,57 — 7) больше, чем составляет дополнительный расход топлива. Заводы Тиссена сбывают в виде тока свыше 37 млн. квтч тока, что составляет около 10,60% общей массы электроэнергии, производимой на заводах Тиссена. Таким образом в конечном счете газовое, тепловое и электрическое хозяйство заводов Тиссена дает излишек, который вероятно в 2—3 раза превосходит общий расход угля и смолы. Заводы Дортмундер-Унион (с дневной продукцией в 2 500 т чугуна) также обходятся почти без добавочного топлива при расходе в 2 400 т доменного кокса (см. табл. на стр. 31).

Коксовый газ получается от ганзейских коксовален, которые получают в обмен колошниковый газ, употребляемый для толки коксовых печей. Добавочное топливо совершенно незначительно и не составляет даже 1% в тепловом балансе.

Тепловой баланс Дортмундер-Унион (в день)

	Количество топлива в тысячах м ³	В тоннах условного топлива	В процентах
Колошниковый	9 000	1 157	87,4
Коксовальный	275	157	11,8
Твердый уголь	—	10	0,8
Итого	—	1 324	100,0

Теперь рассмотрим для сравнения газовый баланс (колошниковый и коксовый газы) на наших заводах Югостали.

Расход колошникового и коксового газа на заводах б. Югостали (1929/30 г.)³.

	Колошниковый газ		Коксовый газ	
	В млн. м ³	В процентах	В млн. м ³	В процентах
Доменное производство	4961,0	33,5	—	—
Коксовое	—	—	310,6	63,2
Маргеновское	61,9	0,4	93,8	19,0
Прокатное	62,0	0,4	6,3	1,3
Сильные установки	6 564,5	44,3	11,3	2,3
Разные другие	305,3	2,1	60,9	12,4
Потери	2 848,3	19,3	8,8	1,8
Итого	14 803	100,0	491,7	100,0

Из этой таблицы видно, что в доменном производстве и в собственных силовых установках расходуется на заводах б. Югостали 33,5 + 44,3 = 77,8% всего поступающего колошникового газа, т. е. на 30% больше, чем на тех заводах за границей, где заговое хозяйство реорганизовано по-новому. Коксовые печи на заводах б. Югостали разжигаются исключительно коксовым газом, что означает огромную расточительность. В то время как в мартеновских и прокатных цехах применение колошниково-го газа составляет только 0,8% и коксового газа 20,3%, т. е. 10,5% всего колошниково-го и коксового производства, что является относительно весьма незначительным расходом, под котлами силовых установок уничтожается у нас 11,3 млн. м³ коксового газа.

Если мы суммируем расход газа (колошниково-го и коксового) на заводах б. Югостали в доменных и коксовых печах и на силовых установках плюс потери, то мы увидим, что на это расходуется 97,1% колошниково-го газа и 67,3% коксового газа, т. е. более 1/3 всего производства газа; для других целей находит применение всего лишь 2,9% колошниково-го газа и 32,7% коксового газа или менее 1/3 всего газового баланса, т. е. наполовину меньше, чем за границей.

Недопустимой потерей и расточительным расходом газа еще не исчерпываются все отрицательные черты теплового хозяйства наших заводов Югостали. Параллельно этим потерям и этому расточительному расходу газа происходит огромный расход дополнительного топлива. Возьмем например мартеновские цехи заводов б. Югостали. В них расходуется всего 93,7 млн. м³ коксового газа (19% всего производства коксового газа) и всего 62 млн. м³ колошниково-го газа (0,42% производства колош-

³ Здесь не включены потери коксового газа завода им Ильича; на коксовых установках этого завода коксовый газ целиком пропадает в воздухе.

никового газа), но сверх того еще 405 624 т угля и 104 898 т нефти и мазута⁴.

Таким образом тепловой баланс мартеновских цехов заводов Югостали приобретает следующий вид:

	Количество топлива	В тоннах условного топлива	В процентах
Колошниковый газ	62 млн. м ³	около 8 070	1,42
Коксовый газ	3,7 » »	40 000	7,14
Нефть и мазут	104,9 тыс. т	147 000	26,25
Уголь	405,6 » »	365 000	65,19
Всего	—	560 000	100,0

Как мы видим, в мартеновском производстве заводов Югостали газ играет ничтожную роль. Тепловая потребность мартеновских печей покрывается газом всего лишь на 8,6%; 91,4% их тепловой потребности покрывается дополнительным топливом — 26,2% мазутом и 65,2% углем.

Такова же картина и в прокатном цехе.

Здесь также используется только 0,4% колошниковога и 1,3% коксового газа, но кроме этого сжигается еще 352 500 т угля, 29 531 т нефти и мазута и до 10 тыс. т других видов топлива.

Топливный баланс заводов б. Югостали складывается (в процентах) всего из:

колошниковога (округленно)	49
коковского	7
разных видов дозвочного топлива	44
	100

Но тогда как тепловая потребность заводов Югостали покрывается в таких размерах дополнительным топливом, на этих же заводах теряется, как мы видим, 2 848 млн. м³ колошниковога, или 19,3% всего производства колошниковога. Кроме того в коксовых печах для подтопки применяется, вернее растрачивается, 310,6 млн. м³ коксового газа (63,2%), еще более расточительно растрачивается 11,3 млн. м³ коксового газа (2,3%) под котлами силовых установок⁵; таким образом 322 млн. м³ коксового газа в месяц, или 65,5% всего производства коксового газа расходуется совершенно бесхозяйственно. Вместо этих 322 млн. м³ коксового газа было бы совершенно достаточно 1 300—1 500 млн. м³ колошниковога. Это значит, что при рациональной организации газового и теплового хозяйства заводов б. Югостали мы могли бы получить при помощи половины растрачиваемого понапрасну колошниковога 322 млн. м³ коксового газа (или 138 тыс. т условного топлива), которые, будучи смешаны с колошниковым газом, могли бы заменить и сэкономить в мартеновских и прокатных цехах значительную часть расходуемого там теперь дополнительного топлива.

Аналогичный анализ завода им. Петровского дает следующий еще характерный результат: при помощи 1/8 теряемого там колошниковога можно было бы освободить 14,4 млн. м³ коксового газа, который растрачивается под коксовой печью и паровыми котлами. Эта экономия равна будет 3,4 тыс. т условного топлива.

⁴ Мы не считаем другие расходы топлива, как кокс (3 595 т), антрацит (2 742 т) и т. д.

⁵ На отдельных заводах этот процент коксового газа, растрачиваемого под котлами на силовых станциях, повышается до 34,3 (как иногда на заводе им. Петровского).

Но если мы будем применять с пользой не только $\frac{1}{8}$ потерь колошниково-го газа, а снизим общие потери колошниково-го газа до уровня металлургических заводов Германии (3—5%) при нынешнем состоянии техники, то мы получим здесь еще 360 млн. м³ колошниково-го газа и тем самым сэкономим еще 48 тыс. т условного топлива, которые вместе с 8 400 т условного топлива, полученными благодаря экономленному коксовому газу, дали бы экономию в 56—57 тыс. т условного топлива. Это сократило бы почти на одну треть расход дополнительного топлива (уголь и мазут) на заводе им. Петровского.

Таким образом была бы достигнута лишь первая ступень рационализации газового и теплового хозяйства. Если же поднять на заводах б. Югостали на должный уровень работу кауперов и воздуходувок, если осуществить затем тщательное и экономное расходование газа в силовых установках, то можно добиться дальнейшего дохода от колошниково-го газа и еще больше снизить, а может быть в некоторых случаях и совсем устранить расход дополнительного топлива.

Следует разумеется ожидать, что одновременно с этим поднятием уровня газового и теплового хозяйства естественно улучшится работа самых доменных печей. Это улучшение прежде всего выразится в сокращении потребления кокса в доменном процессе и тем самым в сокращении поступления соответствующего количества колошниково-го газа. Но меньшее производство газа не должно неизбежно означать того, что потребность завода в газе не сможет быть покрыта.

Улучшение работы доменных печей фактически будет сопровождаться сокращением расхода на дутье. Это значит, что работа кауперов и воздуходувок будет облегчена и тем самым сократится расход газа в них (который составляет 50% всего расхода колошниково-го газа). Но, с другой стороны, улучшением организации газового хозяйства сократятся потери газа у доменных печей и в различных пунктах распределения и расхода газа до нескольких процентов. Таким путем сокращенное производство газа могло бы полностью покрыть даже возросшую потребность заводов.

В этом направлении идут также работы по переустройству наших заводов б. Югостали. Нарисованная нами картина газового хозяйства относится к 1929/30 г. Но уже в текущем (1932) году эта мало отрадная картина значительно меняется к лучшему. Само собой разумеется, что на новых заводах Урала и Сибири газовое производство с самого начала уже поставлено по последнему слову техники. Так например газовое производство Нижнетагильского завода по проекту Гипромеза представляется в следующем виде:

Основные показатели Нижнетагильского завода

Расход кокса на 1 т чугуна	1 020 кг
Добыча колошниково-го газа на 1 т чугуна	4 000 м ³
Газ в условном топливе	514 кг
Коефициент возврата топлива на 1 т чугуна	51,4

Распределение расхода колошниково-го и коксово-го газа

(в процентах) производительности 1800 тыс. т чугуна, 1876 тыс. т кокса]

	Колошник, газ	Коксовый газ
Кауперы	23,0	—
Мартеновский цех	7,9	47,1
Прокатный «	10,2	38,2
Ремонтный завод	0,2	—
Смолопегонный завод	—	1,9

	Колошник. газ	Коксовый газ
Завод огнеупорных ма- териалов	2,8	3,7
Коксовая ясная	34,8	—
Силовая станция	16,1	5,2
Соцгород	—	0,8
Потери	5,0	3,1
	100,0	100,0

Как можно усмотреть из данной схемы проекта, коксование на Нижнетагильском заводе, которое должно дать около 1870 тыс. т кокса, устраивается всецело на поджигании колошниковым газом. Ни единого кубометра самого коксового газа не будет здесь сожжено в отличие от заводов Югостали, которые расточают почти две трети коксового газа в тех же коксовых печах. Громадное количество добытого коксового газа будет использовано вне коксового цеха, частично даже вне металлургического завода: 3,7% — огнеупорным заводом, 1,9% смолперегонным и 0,8% — в соцгороде. Мартеновские и прокатные цехи работают на двухсоставном газе (колошниково-коксовый газ); вместе они потребляют 18,1% получаемого колошникового газа и 85,3% коксового газа, в то время как на заводах Югостали соответствующие цифры составляют только 0,8% и 20,3%. Доменный цех и силовая станция Нижнетагильского завода будут расходовать вместе только 39,1% колошникового газа, в то время как на заводах Югостали они потребляли в 1929/30 г. 77,8%. Эта схема, представляющая собой только один из вариантов проекта, дает потери газа: 5% по колошниковому и 3,1% по коксовому. Непонятным является тот факт, что на силовой станции применяется коксовый газ (5,2%). Возможно, что получаемого колошникового газа не хватает для всех нужд завода и тогда применяется под котлами силовой станции незначительное количество коксового газа, от которого получается небольшой перерасход⁶.

Проблема «замкнутого» энергохозяйства в металлургии

Таким образом при рациональном энергетическом хозяйстве колошниковый и коксовый газ (плюс отработанный газ, отработанный пар и отработанная теплота) могут являться базисом для создания так называемого «замкнутого» энергетического баланса металлургического завода. Но этим мы совсем не хотим сказать, что каждый отдельный завод должен непременно стремиться достичь такого «замкнутого» энергетического хозяйства. Задержимся немного на этом вопросе.

На металлургических заводах в капиталистических странах сплошь наблюдается стремление построить таким образом свое энергетическое хозяйство, чтобы кроме того количества кокса, которое вырабатывается в коксовых печах и сжигается в доменных печах, производство в целом, все установки не расходовали бы никакого дополнительного топлива. Таким образом все энергетическое хозяйство строится на основе коксового газа, вырабатываемого в качестве побочного продукта в коксовых печах, колошникового газа, получаемого тоже как побочный продукт в доменных печах, и прочих энергетических отбросов (отработанный газ, отработанный пар, уходящее тепло). Правда, не везде есть возможность достигнуть этой цели. Возможность существования «замкнутого» теплового хозяйства зависит от структуры завода, от его производственной программы, от ассортимента его продукции. Например заводы, предназначенные для тонкой обработки, требуют больше тепла, чем те, которые производят полуфабри-

⁶ Как нам известно, проект Нижнетагильского завода подлежит пересмотру в Гипромечте. Приведенную схему газового производства нужно поэтому понимать как предложение.

каты; точно так же производство электростали требует больше энергии, чем производство томассовской стали. При тонкой обработке или при производстве электростали одна лишь собственная энергетическая основа не может покрыть потребности завода в энергии. Но постройка или перестройка заводов на основе «замкнутого» теплового и энергетического хозяйства в металлургии капиталистических стран является почти всеобщим стремлением, которые принимают иногда нелепые формы. Так, буржуазные специалисты выступают против замены на металлургических заводах газовых машин паровыми турбинами, которые стоят на 30% меньше, только потому, что эти последние потребляют больше газа, чем газовые машины, и потому одно лишь собственное производство газа не может обеспечить работу паровых турбин. Из этого следует, что иногда приходится прибегнуть к расходованию дополнительного топлива. «Те заводы находятся в преимущественном положении, — говорит один из этих буржуазных специалистов⁷, — потребление тока и газа которых основано не на получении извне. Если это так, на металлургических заводах, которые работают со 100-процентной нагрузкой, то при несколько нерегулярной работе доменных печей, которой нельзя избежать, часто наступает чувствительный недостаток газа. Поэтому нужно ориентироваться на экономию газа, особенно в такое время, как теперь (1930—1931 гг. — Г. Б.). Иногда вследствие тяжелого экономического положения (кризис) доменные печи работают на 50% своей нормальной производительности... При недостатке газа даже самый лучший хозяйственный расчет не может заставить завод продолжать работу».

Надо «экономить» колошниковый газ, думает этот специалист, ибо в противном случае придется прибегнуть «к получению извне». Стремление к «замкнутому» энергетическому хозяйству на основе собственной выработки газа носит здесь характер специфического буржуазного стремления, свойственного капиталистическим предприятиям, стремления к замыканию в себе, к тому, чтобы оградить и обеспечить себя от технико-экономической зависимости от «внешнего мира». Но это стремление к «замкнутому» энергетическому хозяйству не имеет ничего общего со стремлением к рациональному использованию энергетических источников самого металлургического завода и рациональному расходованию энергии, которую производит сам металлургический завод. Поэтому было бы нелепостью воспринять без критики взгляд, господствующий в капиталистической металлургии относительно «замкнутого» газового, теплового и электрического хозяйства, и механически применить его к экономике нашей социалистической металлургии.

Но к сожалению у нас нередко встречаются люди, которые исходят заранее из принципа «замкнутого» энергетического хозяйства металлургического предприятия и, поскольку это возможно, технически стремятся строить или перестраивать наши заводы на основе удовлетворения энергией собственных источников, на основе энергетической замкнутости. Это не диалектическая, а метафизическая постановка вопроса. Впрочем мы нигде не находим в абсолютном смысле «замкнутого» энергетического хозяйства. Ибо, как мы уже отметили, в зависимости от структуры того или иного предприятия, всегда является незаменимым некоторое, иногда очень незначительное количество твердого или жидкого топлива (угля, смолы, нефти) для технологических целей. Затем по линии комбинирования в химической промышленности значительная часть газовых поступлений дается «на сторону». Потом нередко оказывается, что в каком-либо пункте производственного комплекса, применение например мелкого угля или угольной пыли, кото-

⁷ Инженер Фройцман в «Stahl und Eisen», стр. 525.

рые так или иначе имеются на месте, выгоднее, чем подводка в данный пункт колошникового газа, связанная с необходимостью капитальных сооружений (для трубопровода, аппаратуры, хранения). Наконец в связи с необходимостью в капитальных сооружениях иногда для небольшого потребителя, расположенного на периферии производственного комплекса, транспорт угля оказывается выгоднее, чем подводка газа.

Даже если мы и не будем касаться таких случаев, все же недопустимо рассматривать вопрос о замкнутом тепловом хозяйстве абстрактно и априорно. В капиталистической металлургической промышленности взгляд на замкнутое тепловое хозяйство связан с взглядом на завод как на отдельное, изолированное предприятие, строго отгороженное от других и замкнутое в технико-экономическом отношении. В капиталистических странах при организации теплового хозяйства того или иного предприятия, это предприятие не рассматривается как звено более крупной, высшей единицы — промышленного района или всей окружающей экономики. Поэтому «рационализация» теплового и энергетического хозяйства в металлургии при капитализме носит яркий отпечаток индивидуалистической капиталистической философии: всякое предприятие должно иметь собственное тепловое и силовое хозяйство, начиная с центрального отопления собственного завода и конторы и кончая собственной электрической станцией. Идеалом капиталистического рационализатора теплового хозяйства является превращение собственных энергетических отбросов в такую полезную энергию, которую было бы возможно потреблять самим.

Тенденция к действительно рациональному применению энергетических ресурсов металлургического завода на нынешней ступени развития наталкивается однако на узкие границы индивидуально и индивидуалистически работающих предприятий. Технический прогресс в области организации энергетического хозяйства в металлургии требует, чтобы отдельные металлургические заводы вошли в технико-экономическую единицу высшего порядка. На низкой ступени развития энергетического хозяйства приходится комбинировать производство. Завод, состоящий из доменных печей, превращается в металлургический завод, который состоит кроме того, с одной стороны, из коксовых печей, а с другой — из сталелитейного и прокатного заводов на базе использования колошникового и коксового газов в качестве энергетического источника. Но уже здесь противоречие между тенденцией развития энергетического хозяйства и технико-экономической изолированностью капиталистических предприятий приводит к задержке технического прогресса. Так американский журнал «Blact Furnace» (1927 г. № 2) пишет:

«Несомненно в САСШ имеется ряд изолированных доменных печей; сюда относятся главным образом домы, непосредственно не связанные со сталелитейными предприятиями, которые не находят надлежащего применения для избыточного газа в пределах данной установки, и в силу этого вынуждены использовать газ под котлами. Такие установки должны искать связи с близлежащими промышленными или коммунальными предприятиями и компаниями, а в случае невозможности установления подобной связи выяснить, не обеспечивает ли источник дешевой энергии, находящейся в их распоряжении, дальнейшее развитие их производства. Обратное положение обычно создается на интегральных (комбинированных) сталелитейных предприятиях, где доменный газ получается в количестве, недостаточном для нагревания коксовых и металлургических печей, и где поэтому часть газа приходится получать от генераторов».

Но комбинация различных производственных стадий металлургического производственного процесса в одном заводе, в металлургическом комбинате, более недостаточна при нынешней стадии развития даже там, где

она проводится. Энергетическое хозяйство перерастает капиталистически комбинированное металлургическое производство. Противоречие между тенденцией развития энергетического хозяйства и капиталистическими отношениями достигает теперь такой остроты, что оно доходит даже до сознания буржуазных специалистов. «Если в прежние годы стремление железодельных заводов было направлено на централизацию снабжения энергией внутри завода, то теперь техническое и экономическое развитие толкает к соединению и наконец к объединению соседних силовых станций, насколько это допускает дальняя проводка колошниковога газа... Но против этого развития выступают еще многочисленные частные интересы отдельных заводов»⁸.

Это перерастание свойственно конечно не одному только газовому хозяйству. «Паровая турбина, — пишет тот же инженер, — играет теперь огромную роль в производстве больших масс энергии. Необычайное повышение производительности, достигаемое одним агрегатом, пока имеет однако для металлургических заводов лишь ограниченное значение, ибо оно связано с объединением силовых станций соседних крупных металлургических заводов и превращением их в одну мощную силовую станцию».

Правда, капиталисты пытаются по-своему приспособиться к этой тенденции развития. Заводы Гутенгофнунгсхютте например разработали план уже упоминавшегося обширного газохранилища для колошниковога газа не только для того, чтобы избежать больших потерь газа ради самого газа. Они сами не нуждались в этих теряющихся излишках. Они приступили к постройке этого газохранилища только тогда, когда появилась возможность извлечь из него прибыль: излишек колошниковога газа подводится сейчас соседним коксовым заводом Остерфельд для подтопки коксовых печей; тем самым освобождается здесь коксовый газ, который дальше отдается соседним химическим заводам Гельтен для получения водорода. В данном случае технико-экономическая связь различных предприятий проводилась, несмотря на то, что эти предприятия принадлежат разным владельцам. Но такие случаи являются исключениями. Кроме того всякое структурное или конъюнктурное изменение в производстве одного завода вызывает диспропорции и «недоразумения» среди «сторон».

Другую попытку использовать энергетические излишки отдельных капиталистических предприятий в масштабе, выходящем за пределы предприятия, представляют рейнско-вестфальские электрические станции. Источниками энергии рейнско-вестфальских электрических станций являются не столько собственные немногочисленные шахты бурого угля, но и избыток коксовальных или доменных газов различных металлургических заводов, к которым присоединяются еще отбросы угля, пылевидный уголь, угольная грязь, отходы пара и электричества различных промышленных предприятий, обладающих собственными силовыми станциями, различные горючие, отбросы промышленного производства, водяная энергия и т. д. Наряду с огромными станциями (например Goldenbergwerk в 400 тыс. квт мощности) используются и мелкие станции. Эти последние лишь покрывают пики, возникающие в различные часы дня. Не менее 30 шахт передают сети РВЭС свою резервную и избыточную энергию. Рейнско-вестфальские электростанции забирают например у доменных печей Bergwerk доменный газ и со своей стороны снабжают энергией сталелитейные заводы той же фирмы. В Гельзенкирхен электростанции забирают 10 тыс. квт избыточной энергии у Vereginigte Stahlwerke и снабжают 5 тыс. квт предприятия тех же Y S W в Bergischen Lande. Заводы Вильдемарус (ка-

⁸ D-r Ing. H. Wolf, «Archiv für Eisenhüttenwesen» № 4, 1927 г.

лийная щелочь и патршелок) связаны с Goldenbergwerk для использования ночной энергии, и т. д. и т. п.

Структура рейнско-вестфальских электрических станций разумеется полна противоречий, ибо стремление к приспособлению друг к другу вырабатывающих и потребляющих энергию предприятий, с одной стороны, и силовых станций и сетей РВЭС—другой, происходит вслепую и является в сущности только реакцией против постоянной диспропорции. Рейнско-вестфальские электрические станции отнюдь не являются рационально организованной системой.

Отдельные попытки справиться с тенденцией развития энергетического хозяйства переработки капиталистическое металлургическое производство остаются случайными, крайне ограниченными тесными рамками и носят всегда противоречивый и антагонистический характер.

Нередко капиталистические предприятия тотчас же отказываются применять технические и организационные достижения в области энергетического хозяйства. В крутом падении экспортных цен, пишет например директор Национальной Федерации британских фабрикантов железа и стали, отражаются усилия западноевропейских стран поддержать их рационализированные заводы на ходу. Организованные на основе использования коксового и доменного газов в сталеплавильных цехах и для производства энергии для прокатных цехов и т. д., они должны работать с нагрузкой не меньше чем в 70—80% по отношению к их производственной мощности, иначе это вызывает весьма значительное увеличение накладных расходов благодаря несбалансированному производству, нарушению бесполезной потери топлива в газообразном виде. Этот рост накладных расходов может достигнуть таких пределов, при которых закрытие всех цехов (при падении нагрузки завода ниже 70% его производственной мощности) становится необходимостью. Но то, что непосвященные критики называют «нерациональной организацией британских заводов», помогло им в большей степени в тех условиях работы, в которые они были поставлены благодаря экономической политике страны. Почти несомненно, что в периоды депрессии работа технически рационализированной промышленности обходится дороже, чем промышленности, организованной таким образом, что производство может быть урегулировано закрытием отдельных агрегатов, вместо того чтобы закрывать целые заводы⁹.

К этому нужно откровенно прибавить, что интересы частного капитала сковывают или задерживают применение технических усовершенствований. Это несовместимость технического замыкания отдельных частных хозяйственных предприятий и технического прогресса в области энергетического хозяйства исчезает только с уничтожением капиталистических отношений. Газовое, тепловое и электрическое хозяйство советских заводов, будучи рационализировано и поднято на уровень последних технических и технико-экономических достижений, не наталкиваясь ни на какие частнохозяйственные интересы, будет включаться в общее энергетическое хозяйство нашей социалистической системы. У нас энергетическое хозяйство отдельных металлургических предприятий не должно ориентироваться заранее на «замкнутое» энергетическое хозяйство, на замыкание в себе Колошниковый газ металлургических заводов должен рассматриваться как местное топливо (и в дальнейшем развитии как сырье для химической промышленности и как вспомогательное вещество для с. х.) и соответственно этому с ним и надо поступать, включая его как таковое в общий топливный баланс промышленного района и в дальнейшем развитии в сырьевой баланс всего нашего народного хозяйства. Ввиду того, что ко-

⁹ В. Ларк «Iron und Coal Trade Review» от 23 января 1931 г.

дошниковый газ будет использован у нас не в рамках отдельного изолированного завода, а в рамках планомерно работающей промышленности района в ряду других неэффективных и не поддающихся транспорту горючих веществ, вопросы газового энергетического хозяйства металлургии связаны здесь с вопросами энергетического хозяйства вообще и прежде всего с вопросами электрификации. В социалистических условиях вопросы энергетического хозяйства в металлургии превращаются таким образом в частичные проблемы общей системы электрификации.

* * *

Вопросы газового хозяйства на наших металлургических заводах, связанные таким образом с вопросами общего энергетического хозяйства нашей социалистической промышленности, являются одновременно и вопросами общего топливного хозяйства. С точки зрения политики экономии топлива рационализация газового хозяйства, как мы видели, открывает значительные возможности. Одни лишь восемь заводов б. Югостали, о которых мы говорили выше, могли бы давать в год топливному балансу нашей промышленности по меньшей мере 500 тыс. т условного топлива и привести тем самым не только к соответствующей экономии угля (или нефти), но и облегчить транспорт, ибо 500 тыс. т вновь полученного топлива будут расходоваться в пунктах их добычи. Но поднятие газового хозяйства на наших металлургических заводах зависит также от нашей политики экономии металла, ибо поднятие газового хозяйства на уровень, требуемый экономией топлива, требует затрат металла на газохранилища, проводку, аппаратуру и т. д. Таким образом разрешение проблемы рационализации и поднятия газового теплового и энергетического хозяйства на каждом из наших металлургических заводов в отдельности должно быть результатом всех этих моментов. При этом должны быть приняты во внимание, с одной стороны, структура данных заводов, их программы, производственные задачи, с другой стороны комбинирование металлургии с другими отраслями промышленности (и сельского хозяйства), и кроме того должны быть приняты во внимание интересы всего энергетического хозяйства района и должны быть приведены в соответствие с требованиями политики экономии металлов, топлива и транспорта.

УЧЕНИЕ ТОМАСА ГОДГСКИНА О КАПИТАЛЕ

Промышленная революция конца XVIII и начала XIX вв. представляет собой знаменательную веху в истории английского народного хозяйства. Этот переломный этап в английском историческом процессе вызвал к жизни грандиозные производительные силы, мирно дремавшие в недрах старой земледельческой Англии. До половины XVIII в. Англия была по преимуществу страной аграрной с преобладанием домашней системы крупной промышленности, в результате промышленного переворота она быстро индустриализируется и превращается в страну промышленную. Происходит бурный рост фабричного производства, старая примитивная техника уступает место машине, фабрика выдвигается на авансцену хозяйственной жизни, вытесняя мануфактуру и домашнюю промышленность. Начинается эпоха расцвета английского народного хозяйства, эпоха мощного роста производительности труда и крупной индустрии, начинается триумфальное шествие промышленного капитала, который становится гегемоном хозяйственной жизни.

На основе процессов, происходивших в английском народном хозяйстве, осуществляются крупные сдвиги в социальном строе Англии того времени. Период промышленной революции в Англии сопровождался двумя параллельными процессами — аграрным переворотом и собственным промышленным переворотом. Если первый процесс в результате острого и мучительного кризиса, переживаемого английским крестьянством, создал большие кадры пролетариата, в которых нуждался промышленный капитал для применения в своих все растущих предприятиях, то второй процесс ухудшил положение рабочего класса, ставя его лицом к лицу с таким «конкурентом», как машина, которая «освобождала» значительные массы рабочих, применявших ручной труд, и ухудшала положение взрослых рабочих в результате широкого применения женского и детского труда. Хотя в конце XVIII и в начале XIX вв. и наблюдается некоторое повышение номинальной заработной платы, но реальная заработная плата, согласно данным крупнейших экономистов того времени, резко падала, что представляло собой абсолютное ухудшение жизненных условий пролетариата. Накопление капитала, рост производительных сил страны покупались дорогой ценой, — безграничной эксплуатацией, хищническим расточением жизненных сил пролетариата, — капитал справлял свои оргии.

Эти противоположные социальные последствия промышленной революции нашли различное отражение в общественной мысли того времени. Классическая политическая экономия, которая отражала идеологию промышленной буржуазии, представители которой были пиндарами восходящего капитализма, выдвигала на первый план прогрессивные тенденции капиталистического способа производства — рост производительных сил и общественного богатства. Правда, и классики в лице своих крупнейших представителей, отчасти Адама Смита и в особенности Давида Рикардо, понимали противоположность классовых интересов капитала и наемного труда, однако они полагали, что низкий жизненный уровень рабочего класса обуславливается не причинами социальными, а естественными; классики апеллировали не к внутренним противоречиям капитализма, который

они считали вечным, естественным способом производства, а «неумолимым, роковым, вечным законам природы». В противоположность классикам, которые развитие производительных сил мыслили только в капиталистической форме, которые исходили из капиталистического способа производства как чего-то данного и постоянного, для Англии эпохи промышленной революции характерно наличие крупного общественного течения, которое представляло собой раннюю форму английского утопического социализма. Представители этого течения выдвигали различные схемы общественного развития, давали различные оценки капиталистическому хозяйственному режиму, различным образом представляли себе тот идеальный общественный строй, который должен притти на смену капитализму. Однако всех их объединяло оппозиционное отношение к капиталистическому способу производства, они все полагали, что этот общественный строй не является естественной формой хозяйства, вытекающей из природы человека, а представляет собой формацию временную, преходящую, противоречащую естественному праву, они все строили идеальные схемы нового, гармоничного общественного строя¹. В английском утопическом социализме можно отметить три основных течения: 1) аграрное, 2) коммунистическое и 3) индивидуалистическое или антикапиталистическое. В произведениях представителей «аграрного» течения (Вильям Олигви, Томас Спенс и др.) нашли свое отражение настроения широких масс крестьянства, которые были обездолены аграрным и промышленным переворотом. «Аграрники», исходя из теоретических предпосылок рационализма XVIII в., предлагали заменить частную собственность на землю общинной собственностью, которая, как они полагали, восстановит естественное право каждого человека на землю. Представители второго направления, коммунистического (Оуэн, Грэй, и др.), объясняли бедственное положение рабочего класса нерациональным использованием имеющихся в наличии производительных сил страны. Роберт Оуэн предлагал «привести всех людей в целесообразное и выгодное сочетание, образовав опромные общины лиц на началах общего труда и общего потребления при преимущественном занятии земледелием, причем все будут иметь одни и те же общие интересы». Представители антикапиталистического или индивидуалистического направления (Равенстон, Годгскин и др.) в качестве своего общественного идеала выдвигали общество, состоящее из свободных, независимых сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Исходя из учений Локка, Годвина и Рикардо, представители этого направления считали простое товарное хозяйство соответствующим естественному праву людей на обладание продуктами своего труда, которое в ходе исторического процесса было нарушено вмешательством государственных законов и искусственной регламентацией. Представители этого направления призывают к возвращению к уже пройденным этапам хозяйственного развития, капитализм с его противоречивыми тенденциями они рассматривали как историческую случайность, как искажение поступательного хода исторического процесса.

Видным представителем индивидуалистического направления является Томас Годгскин, автор многих работ, по вопросам социологии и политической экономики. Наиболее оригинальная часть его экономического учения — анализ категории капитала — изложена в самой крупной его работе «Labour defended against the claims of capital». В этом произведении Годгскин выс-

¹ Исходя из теории Рикардо, писал Энгельс, в «Англии уже с 1821 г. делались социалистические выводы, и при том иногда с такой последовательностью и решительностью, что ныне почти совершенно забытая и в значительной мере вновь открытая лишь Марксом английская социалистическая литература того времени, оставалась непреодолимой до самого появления «Капитала» (предисловие Ф. Энгельса к «Ницше философии», К. Маркса, Гиз, 1928. стр. 3).

тупает не только в роли крупного ученого, давшего новую, своеобразную трактовку категории капитала, вытекавшую из его оппозиционного отношения к капиталистическому хозяйственному режиму, «Labour defended...» является не только выдающимся трактатом по политической экономии, но и мастерски написанным, с большой страстью и пафосом, памфлетом в защиту труда. Годгскин ставит свои изыскания на службу рабочему классу, он совершенно ясно и отчетливо увязывает свои теоретические построения со жгучими вопросами современности. Годгскин ведет горячую полемику не только с современными ему экономистами — Мак-Куллохом и Джемсом Миллем, этими вульгаризаторами Рикардо, однако рядившихся в тогу истинных носителей рикардианских традиций, он не только с большим искусством вскрывает апологетический характер их учения о капитале и прибыли, но он также дает бой видным государственным деятелям того времени — Гескиссону и Ленсдоуэну, которые на парламентской трибуне ковали цепи для рабочего класса, выступая защитниками капитала, левцами его производительной мощи.

Выход в свет «Labour defended...» связан с горячими спорами, которые велись в английском парламенте вокруг вопроса о рабочих коалициях. То обстоятельство, что «Labour defended...» представляет собой крупное явление в экономической литературе, отмечалось некоторыми исследователями экономических воззрений Годгскина, в особенности Марксом, который в своих «Теориях прибавочной стоимости» уделил Годгскину большое внимание, но то, что «Labour defended...» является также боевым памфлетом, отразившим один из любопытных эпизодов английского рабочего движения, — эта сторона вопроса почти не нашла отражения в немногочисленной литературе, посвященной Годгскину².

Промышленная революция, как отмечалось нами, привела к абсолютному ухудшению жизненных условий рабочего класса. Однако рабочие не оставались пассивными зрителями своего все более усиливающегося обнищания. Вторая половина XVIII столетия была периодом бурного стачечного движения, сопровождавшегося разрушением машин и фабричных зданий. Рабочие добивались воспреещения введения машин и легальным путем — подачей петиций в парламент.

Как указывают историки английского тред-юнионизма Сидней и Беатрисса Вебб, «с середины столетия (XVIII в.— А. Р.) протоколы палаты общин изобилуют петициями и контрпетициями, свидетельствующими о наличии в большинстве производств, применявших квалифицированных рабочих, ассоциаций поденщиков. И наконец, — заключают авторы, — мы можем признать широкое развитие движения, исходя из все время увеличивающегося количества законов, направленных против объединений рабочих в различных отраслях, что завершается изданием общего закона 1799 г., запрещающего какие бы то ни было объединения»³.

Закон 1799 г. рассматривал всякие коллективные выступления рабочих как «заговор», направленный против предпринимателей. Хотя этот закон запрещал сообщества предпринимателей в такой же мере как и рабочих, однако союзы предпринимателей, созданные с целью понижения заработной платы, фактически не подвергались преследованиям.

Отмена закона о коалициях связана с именем видного деятеля английского рабочего движения Фрэнсиса Плейса. В первый период своей деятельности Плейс занят пропагандой перед общественным мнением страны своих

² Несколько слов о социально-политической стороне «Labour defended...» имеется в бесцветной рецензии К. Каутского («Neue. Zeit», 1910, Bd II, S. 28—29) на немецкий перевод этой книги.

³ Sidney and Beatrice Webb, The History of trade unionism, London 1920, p. 22.

взглядов на современные ему драконовские законы против рабочих. Благодаря опубликованию в рабочей печати своей переписки с тред-юнионами, Плейс увеличивает круг сторонников отмены закона о коалициях, в частности он сближается с Дж. Р. Мак-Куллохом, впоследствии известным экономистом, и Джозефом Юмом, видным деятелем растущей либеральной группировки парламента. Мак-Куллох в «Edinburg Review» нападал на законы против коалиций, исходя из тех соображений, что они находятся в противоречии с единственно правильным принципом, что каждый человек должен обладать возможностью продавать свой труд по любой желательной для него цене⁴. В феврале 1824 г., после стадии предварительной обработки Плейсом общественного мнения в пользу отмены закона о коалициях, Юм предложил палате назначить комиссию для исследования вопроса. В своей речи в палате общин 12 февраля 1824 г. Юм указывал на несправедливость этого закона, который применялся различным образом по отношению к капиталистам и к рабочим. В то время как наниматели, говорил Юм, благодаря своему богатству могли объединяться против рабочих в целях понижения заработной платы, рабочие однако не могли совещаться и сговариваться относительно уровня заработной платы, не подвергая себя суровому наказанию. Это неравенство перед законом было, по Юму, источником постоянного недовольства⁵. В своей речи также и Гескиссон указал, «что законы против коалиций привели лишь к увеличению коалиций, эти законы в значительной степени увеличили, то зло, которое они должны были уничтожить»⁶. Таким образом и Гескиссон в 1824 г. склонялся к отмене закона о коалициях. Комиссия была назначена под председательством Юма. Она приняла ряд резолюций, которые были оглашены Юмом в парламенте 21 мая 1824 г., в пользу полной свободы объединений⁷. Обе палаты парламента в течение весьма короткого срока приняли закон, отменявший все ограничения против рабочих коалиций и легализовавший существование тред-юнионов. Но этим законодательным актом вопрос о рабочих коалициях не был еще окончательно разрешен. Так как 1824 год был годом бурного роста тред-юнионистских организаций и подъема стачечной волны, то в 1825 г. в начале сессии парламента Гескиссон внес резолюцию о назначении комиссии для расследования поведения рабочих и результатов применения акта, отменившего закон 1799 г. о рабочих коалициях. Остановимся на речи Гескиссона, которую он произнес 29 марта 1825 г. в защиту предложенной им резолюции. Покушение рабочих на право собственности предпринимателей, говорил Гескиссон, если оно останется безнаказанным, причинит стране огромный вред. Как общий принцип Гескиссон признает, что каждый человек обладает врожденным правом выносить свой труд на любой желательный для него рынок и что труд является капиталом неимущих, но, с другой стороны, он настаивает на полной свободе предпринимательской деятельности, приводящей труд в движение. Рабочие же коалиции, по Гескиссону, который на парламентской трибуне оперировал тенденциозно подобранными документальными данными, являются покушением на собственность капитала.

Гескиссон говорил: «Им (т. е. предпринимателям. — А. Р.) принадлежит собственность, благодаря которой труд рабочих становится необходимым; им принадлежат машины, к которым прилагается этот труд; им принадлежит капитал, которым он должен быть оплачен. Поэтому они имеют по крайней мере такое же право на свободу действий, как и рабочие, и собст-

⁴ Alexander Brady, William Huskisson and liberal reform, Oxford — London 1928, p. 107.

⁵ T. C. Hansard, The parliamentary debates, vol. X, London 1824, p. 146.

⁶ Ibid, 149.

⁷ Ibid, vol. XI, London 1825, p. 813.

венность машины и капитала должна быть также священна и свободна, как и труд, который признан собственностью рабочих. Если не будут гарантированы права и свобода предпринимателей, то страна вскоре окажется лишенной возможности применять труд, и сами рабочие станут жертвами более чем сомнительной системы — запугивания предпринимателей»⁸. В заключение он предложил назначить комиссию для исследования вопроса о поведении рабочих в различных частях королевства, которая должна представить свои соображения относительно закона о рабочих коалициях⁹. В изложенной нами речи Гескиссона, в которой он, по словам Плейса, «нарисовал неверную и искаженную картину положения страны»¹⁰, любопытна аргументация в защиту собственности. Капитал производитель, капитал нуждается в защите от притязаний труда, эти доводы черпались Гескиссоном из богатого арсенала современной ему вульгарной политической экономии, претендовавшей на преемственность великого наследства классиков.

В результате работ комиссии, в которой принимали также участие Гескиссон, Пиль и Юм, актом 1825 г. парламент признал за рабочими право коллективного сговора в целях отказа от работы, но разрешал лишь коалиции для определения величины заработной платы и продолжительности рабочего дня, угрожая в то же время принудительными работами за агитацию в пользу повышения заработной платы. Таким образом закон 1825 г. создал предпосылки легального возникновения и развития тред-юнионистских организаций.

Таковы были некоторые черты той социальной обстановки, в которой создавалась работа Годгскина «Labour defended against the claims of capital», вышедшая в свет в 1825 г. Уже первые страницы этого произведения вводят нас в атмосферу социально-политической жизни Англии того времени, в круг злободневных вопросов английского рабочего движения. «Во всей стране в настоящее время,— пишет Годгскин,— происходит серьезная борьба между капиталом и трудом... Это не только борьба физической выносливости, в которой все зависит от того, кто дольше в ней может устоять, но это борьба аргументов и доводов. Рабочие могут конечно принудить своих хозяев пойти на уступки, но они должны убедить общество в справедливости своих требований. Пресса имеет в настоящее время большое влияние на общественные вопросы; значительно большая и самая влиятельная часть ее стоит на стороне капиталистов. И тем не менее рабочие должны через прессу и через общественное мнение проложить себе путь к законодательству... Моим главным мотивом для опубликования этого памфлета является приведение некоторых аргументов в пользу труда против капитала»¹¹. В противовес взглядам некоторых государственных деятелей Англии, как например Гескиссона и Ленсдоуэна, которые в качестве довода о необходимости воспретить рабочие коалиции указывали на производительную помощь капитала, Годгскин выдвигает противоположный тезис — капитал непроизводителен. «Во всех дебатах,— пишет Годгскин,— по поводу проведенного во время последней сессии парламента закона о рабочих союзах сильно подчеркивалась необходимость защиты капитала... В этом вопросе автор отрицает всякое законное право капитала на ту огромную долю национального продукта, которую он в настоящее время присваивает себе. Он считает нужным показать, что эта огромная

⁸ «The annual register of a view of the history of politics and literature by the year 1825», London 1826, p. 92.

⁹ Ibid, p. 98.

¹⁰ Alexander Brady, William Huskisson und liberal reform, Oxford — London 1928, p. 108—109.

¹¹ Thomas Hodgskin, Labour defended against the claims of capital, London: 1922, p. 21—22. Мы пользуемся изд. 1922 г., так как изд. 1825 г., в Институте Маркса—Энгельса — Ленина не имеется.

доля является причиной бедности рабочих; и он осмеливается утверждать, что положение рабочих не может существенно улучшиться до тех пор, пока им не удастся опровергнуть эту теорию и пока они не воспротивятся отдаче всего капиталу»¹². Таким образом Годгскин полагает, что рабочие должны заручиться поддержкой влиятельных лиц, убедить общественное мнение в справедливости своих требований и мирным путем, проложить себе дорогу к законодательству, добиваться улучшения своих жизненных условий.

Интересна аргументация Годгскина в защиту рабочих коалиций. «Союзы сами по себе,— пишет Годгскин,— не являются преступлением; наоборот, это принцип, на котором держатся все общества. Когда правительство предполагает, что его существованию угрожает опасность, или если вся страна находится в опасности, оно предлагает нам всем объединиться для защиты его. Но рабочие союзы, говорит он однако устами Гескиссона, «должны быть уничтожены». С точки зрения правительства, кроме наших союзов для получения справедливого вознаграждения за наш труд, никакие другие союзы не являются несправедливыми и вредными. По мнению законодательства, составленного исключительно капиталистами и лендлордами и не представляющего ничьих других интересов, кроме их собственных, мы совершаем гнусное преступление, стараясь какими бы то ни было средствами получить для себя и для безбедного существования наших семейств большую долю наших собственных продуктов, кои благоволят нам давать наши хозяева... Для уничтожения наших союзов они (правители.— А. Р.) отказались от принципов, которые более двухсот лет считались священными»¹³. По Годгскину, положение рабочих не лучше, чем положение рабов, между тем как производительность труда современной ему эпохи по сравнению с периодом господства рабского хозяйства далеко шагнула вперед. «Благодаря росту нашего искусства и наших знаний,— пишет Годгскин,— труд в настоящее время по крайней мере в десять раз более производителен, чем двести лет назад; и мы тем не менее должны довольствоваться таким же вознаграждением, какое в то время получал раб. Все выгоды от наших усовершенствований достаются на долю капиталистов и лендлордов»¹⁴. Одной из причин низкой заработной платы английских рабочих Годгскин считает, с одной стороны, низкую оплату рабочих континентальных стран, с другой стороны, происхождение рабочих от крепостных и рабов. «Я нахожу,— утверждает Годгскин,— что большим несчастьем для рабочих является то обстоятельство, что мы окружены нациями, находящимися в гораздо худших политических условиях, чем мы; в некоторых из этих стран труд оплачивается еще хуже, чем у нас. Рабочие еще более несчастны от того, что они происходят от крепостных и рабов. В Британии прежде существовало личное рабство или крепостное состояние, и все живущие в настоящее время рабочие страдают благодаря крепостному состоянию и рабству их предков. Наши требования следовательно никогда не определялись принципами справедливости. Законодатель и капиталист всегда сравнивают нашу заработную плату с заработной платой других рабочих, не считаясь с тем, кто их производит, а это, казалось, должно было быть единственным критерием для определения нашей платы...»¹⁵. Единственным критерием для определения оплаты труда является таким образом, по Годгскину, производительность труда. «Чтобы добиться лучшего обращения,— пишет Годгскин,— рабочие должны от практики перейти к принципам. Мы не должны считаться с тем, как труд оплачивался в преж-

¹² Thomas Hodgskin, *Ladour defended*, p. 19.

¹³ *Ibid.*, p. 23—24.

¹⁴ *Ibid.*, p. 22—23.

¹⁵ *Ibid.*, p. 22.

ние времена и как он оплачивается в настоящее время в других странах, а мы должны показать, как он должен был бы оплачиваться»¹⁶. Более того, Годгскин вообще считает, что рабочие имеют право на обладание полным продуктом своего труда. «...Политико-экономы, — пишет Годгскин, — которые сильно настаивают на гарантии собственности и умело доказывают, что эта гарантия содействует общему счастью, не колеблясь согласятся со мной, когда я говорю, что все, что производится трудом, должно принадлежать труду. Они всегда признавали принцип, что «право собирать плоды должно быть предоставлено тем, кто их посеял», и они всегда утверждали, что физический труд человека и произведение его рук должны считаться его исключительной собственностью. Я поэтому считаю доказанным, что они будут впредь признавать, что весь продукт труда должен принадлежать рабочим»¹⁷. Правда, Годгскин понимает, что осуществление этого принципа на практике встретит большие трудности. Однако Годгскин полагает, что «рабочие не должны допускать вмешательства государственных деятелей в это дело. Труд принадлежит им, продукт труда также должен принадлежать им, и только они одни должны решать, сколько причитается каждому из общего продукта». Государственные деятели считают, пишет Годгскин, что эмиграция капитала из Англии причинит огромный вред стране и прежде всего рабочему классу. Однако в основе этой точки зрения на роль капитала лежит, по Годгскину, неправильная политико-экономическая доктрина. «... Некоторые мудрые законодатели, — пишет Годгскин, — в верхней и нижней палате утверждали, что рабочие причинят себе огромный вред вытеснением капитала из страны. И один из мотивов, которые приводились в пользу нового закона, состоял в том, что он должен помешать рабочим приносить самим себе вред. Когда дьявол хочет сделать зло, он делает это под маской святости, а когда какой-нибудь класс людей хочет совершить более чем обычное вопиющее нарушение справедливости, он всегда делает это во имя гуманности... Рабочие однако сами лучше знают свои интересы, чем они известны законодателю; и они были бы богаче, если бы в стране не было праздных капиталистов»¹⁸. Годгскин ссылается на Гескиссона и Ленсдоуэна, которые утверждали, что капитал нуждается в защите, что если он будет находиться под контролем рабочих организаций, он от страха уйдет из Англии и перейдет в другую страну, где будут более благоприятные условия для его приложения¹⁹. В основе этих утверждений лежит, по Годгскину, тезис политико-экономов, что капитал производителен, что отсутствие капитала является причиной бедности различных наций. Против этой доктрины Годгскин и борется, выдвигая диаметрально противоположный тезис, что капитал непроизводителен, с большим искусством обнажая апологитический характер учения о производительности капитала. В приведенных нами цитатах из «*Labour defended...*» выступает своеобразие общественных взглядов Годгскина. Годгскин борется за рабочие коалиции, но Годгскин, отстаивая необходимость их существования, идет дальше, выдвигая требование осуществления такого общественного строя, где рабочим принадлежал бы полный продукт их труда. В борьбе со взглядами идеологов английского капитализма он черпает аргументацию из рационалистического учения XVIII столетия об естественном праве, трактуя его в виде права каждого производителя на полный продукт своего труда, своеобразно приспособив таким образом буржуазное учение об естественном праве для обоснования своей мелкобуржуазной утопии — общественного строя свободных товаро-производителей. Годгскин прекрасно понимает классовый характер англий-

¹⁶ Thomas Hodgskin, *Labour defended*, p. 26.

¹⁷ Ibid, p. 82—83.

¹⁸ Ibid, p. 92—93.

¹⁹ Ibid, p. 25.

ского парламента и вообще всего английского законодательства. Годгскин отчетливо представляет себе глубокую связь, существующую между идеологией господствующих классов и их материальными интересами, однако он сторонник мирной борьбы пролетариата за свою эмансипацию от капиталистов, мирной борьбы за организацию общественного строя свободных, независимых промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Годгскин верит в силу разума, Годгскин убежден, что все это зло коренится в неосведомленности пролетариата в ложных теориях апологетов капитала. Отсюда убеждение Годгскина в глубоко практическом значении его собственного учения о капитале, которое должно сорвать маску мнимой научности, в которую облачены теории капитала, враждебные пролетариату.

Перейдем к анализу учения Годгскина о капитале. Учение Годгскина о капитале характеризуется пестрым переплетом, различных определений этой категории, зачастую друг другу противоречащих, наслоением различных определений капитала, отражающих как взгляды современного ему состояния экономической мысли, так и элементы нового понимания этой категории, вытекавшие из его оппозиционного отношения к капиталистическому способу производства. Основной свой тезис о непроизводительности капитала Годгскин обосновывает как непосредственной критикой теорий производительности и сбережения капитала, так и построением своей собственной теории капитала, которая по существу является также критикой теории производительности. Из представителей современной ему экономической мысли Годгскин останавливает свое внимание на концепциях Мак-Куллоха и Джемса Милля. «Единственным моим мотивом,— пишет Годгскин,— при выборе этих авторов как представителей политико-экономов послужило то обстоятельство, что они наиболее активно и красноречиво поддерживают доктрину, с которой я не согласен»²⁰. Он приводит выдержки из статьи «Political economy», помещенной в Supplement to Encyclopedie Britannica», где Мак Куллох писал, что с ростом запасов или капитала, который приводит труд в движение, увеличиваются количество труда и его разделение в каждой стране, а также изобретаются новые и более сильные орудия и машины. Годгскин приводит следующие три положения Мак-Куллоха о роли капитала в облегчении труда. «Во-первых. Он дает нам возможность исполнять работу, которая не могла бы быть выполнена, или производить товары, которые не могли бы быть произведены без него. Во-вторых. Он сберегает труд в производстве почти всех видов товара. В-третьих. Он дает нам возможность лучше, а также и быстрее исполнять работы»²¹. «Если бы... капитал не находился во владении и не применялся,— писал Мак-Куллох в другой своей работе,— рабочие были бы лишены средств существования, а также инструментов и машин в помощь к своей работе и следовательно не были бы в состоянии наниматься в каких бы то ни было отраслях производства, которые не обещали бы почти немедленного вознаграждения, или они могли быть наняты в таких отраслях, где применяется лишь ручной труд, вне всякой помощи инструментов»²². В соответствии со своей точкой зрения на капитал Мак-Куллох определяет прибыль как своеобразную заработную плату. «Прибыль на капитал является лишь другим названием заработной платы за накопленный труд»²³. У Джемса Милля эти положения Мак-Куллоха были сформулированы в более совершенной и определенной форме. Джемс Милль рассма-

²⁰ Thomas Hodgskin, Labour defended, p. 32—33.

²¹ Ibid, p. 34.

²² J. K. Mac-Culloch, A discourse of rise, progress, peculiar objects and importance of political economy, Edinburg 1824, p. 96.

²³ Цит. Art. Political Economy, 263 no Edwin Cannan, History of the theories of production and distribution in english political economy from 1776—1848, London 1917, p. 209.

тривает капитал как активный фактор производства, он понимает под капиталом орудия производства, вступающие в контакт с трудом в целях производства товаров.

«Капиталом, — писал Джемс Милль, — называются материалы, которые применяются рабочими как результат предшествующего труда»²⁴. И в другом месте: «Капитал, начиная от его самого простого вида, кончая самым сложным, означает вещь, произведенную в целях ее применения для дальнейшего производства, он является очевидно результатом того, что называется сбережением»²⁵. Исходя из своей теории «сбережения» капитала, естественно, что и Джемс Милль дает апологетическую теорию прибыли как вознаграждения за «сбереженный» труд. «В большинстве случаев, — пишет Джемс Милль, — в наиболее усовершенствованных стадиях общества рабочий является одним лицом, собственник капитала — другим. Рабочий не имеет ни сырых материалов, ни орудий. Этими необходимыми для него вещами он снабжается капиталистом. За совершенное им снабжение рабочих капиталист получает вознаграждение»²⁶. В другом месте Джемс Милль дает более развернутую трактовку своей теории прибыли: «Капитал, — пишет он, — считается точно определенным под названием накопленный труд. Часть капитала, произведенная в течение 100 дней труда, является 100-дневным накопленным трудом. Но весь накопленный 100-дневный труд не оплачивается, когда вещь, составляющая капитал, не изнашивается. Часть оплачивается, но какая часть? Для того чтобы судить об этом, мы не имеем непосредственного масштаба, а лишь косвенный. Если капитал, приносящий ежегодный доход, дает 10 процентов его, одна сотая накопленного труда может рассматриваться как выплаченная в течение года»²⁷. Таким образом и Джемс Милль, подобно Мак-Куллоху, рассматривает прибыль как вознаграждение за труд, как своеобразную заработную плату, величина которой определяется окольным путем. Против вульгарно-апологетических теорий Мак-Куллоха и Джемса Милля Годгскин и направляет свою критику.

Годгскин исходит из учения Рикардо, что весь общественный продукт распределяется между тремя классами — рабочими, капиталистами и землевладельцами. «Каково бы ни было значение этой теории (т. е. теории Рикардо. — А. Р.), — пишет Годгскин, — в других отношениях правильность ее в этом специальном случае (в распределении общественного продукта. — А. Р.) не подлежит сомнению. Рабочие получают и всегда получали только то, что необходимо для их существования, землевладельцы получают излишек продукта от более плодородной почвы, а всю остальную часть продукта труда здесь и во всякой другой стране получают капиталисты под названием прибыли за пользование их капиталом»²⁸. Если богатство общества является результатом труда, то Годгскин недоумевает, почему продукты труда в руках капиталиста приобретают большую производительную силу, чем в руках рабочих, которые являются действительными творцами этих вещей. «Он (рабочий. — А. Р.), — пишет Годгскин, — никогда не должен соглашаться с той странной доктриной, что пища, которую он питается, и орудия, которыми он работает и которые представляют труд его собственных рук, получают большую производительную силу и что владелец их имеет право на большее вознаграждение, чем труд, умение и знание, которые производят и употребляют эти предметы»²⁹.

Любопытную аргументацию против теории производительности капитала развивает Годгскин, сопоставляя производительность оборотного и ос-

²⁴ James Mill, Elements of political economy, second edition, London 1824, p. 17.

²⁵ Ibid. p. 19.

²⁶ Ibid. p. 10.

²⁷ Ibid., Second edition, London 1824, p. 101—102.

²⁸ Thomas Hodgskin, Labour defended . . . , p. 31.

²⁹ Ibid. p. 90.

нового капитала. «Самые горячие почитатели оборотного капитала не станут однако утверждать, — пишет Годгскин, — что он в такой же мере, как основной капитал, увеличивает производительную силу рабочего. Самый большой фантазер не подумает, что оборотный капитал что-нибудь прибавляет к производительной силе. Степень и характер полезности обоих видов капитала совершенно различны. Рабочий существует на то, что называется оборотным капиталом, он работает с помощью основного капитала. Но одинаковые количества или одинаковые стоимости этих обоих видов капитала приносят их владельцу совершенно такое же количество прибыли. На основании одного этого обстоятельства мы можем быть совершенно уверены, что доля, которую капиталист требует за пользование основным капиталом, зависит не от орудий, увеличивающих производительность труда, не от полезности этих орудий»⁸⁰.

Возражения Годгскина, направленные против теории производительности капитала, чрезвычайно интересны. Первый аргумент: вы, трубадуры производительной мощи капитала, настаиваете, что капитал производителен, что он является источником прибыли. Но ведь капитал, т. е. средства производства и средства существования, создаются трудом рабочего. Где те причины, которые придают капиталу производительную силу лишь благодаря факту перемены владения? Второй аргумент: если апологеты капиталистического способа производства правы, выдвигая тезис, что капитал производителен, то, исходя из того обстоятельства, что основной капитал в значительно большей степени увеличивает производительную силу рабочего, чем оборотный капитал, они должны были бы признать, что равновеликие величины основного и оборотного капитала приносят неодинаковую прибыль. Однако факты свидетельствуют о совершенно ином, — равновеликие капиталы, независимо от того, являются ли они основным или оборотным капиталом, приносят своему владельцу равновеликую прибыль.

Годгскин конечно прав. Машины и средства существования рабочих, или как он их называет, капитал, сами являются результатом труда, и потому они не могут быть источником стоимости лишь в силу факта перемены владения. Годгскин конечно правильно рассуждает, что если бы учение о производительности капитала было бы действительно научной теорией, то равновеликие капиталы с различными соотношениями между основным и оборотным капиталами приносили бы различную прибыль. Все эти рассуждения Годгскина правильны однако лишь при одном условии, если согласиться с его исходными положениями. Однако в своих исходных положениях Годгскин совершает крупную методологическую ошибку, он становится на позиции взглядов критикуемых им авторов, что капитал это вещь, и в приведенных рассуждениях обнаруживает смешение потребительной стоимости со стоимостью. Как ставит вопрос о производительности капитала К. Маркс? «В действительном процессе труда, — пишет Маркс, — ...вещи служат как потребительные стоимости в их отношении к прилагаемому к ним труду, не как меновые стоимости и еще менее как капитал. Их свойство как объективных условий действительного труда, не их общественное бытие, как самостоятельно противостоящих рабочему, отчужденных условий, как воплощенного в капиталисте господина над живым трудом, есть то, благодаря чему они оказываются здесь производительными или лучше — производительность труда осуществляется в них, как его объекте»⁸¹. О производительности капитала, по Марксу, можно говорить лишь тогда, когда он рассматривается как производственное отношение, как при-

⁸⁰ Thomas Hodgskin, *Labour defended...*, p. 69—70.

⁸¹ К. Маркс, *Теория прибавочной стоимости*, т. III, стр. 219. Ленинград 1924.

нудительная сила, побуждающая наемный труд производить стоимость и прибавочную ценность, когда речь идет не об отношении вещественных условий к труду, а об отношении между трудом и капиталом, о господстве вещей над трудом, о господстве прошлого труда над настоящим.

«Капитал производит стоимость,—писал Маркс,—только как отнятая у труда и направленная против него сила его же собственных вещественных условий, т. е., вообще говоря, только как одна из форм самого наемного труда, как условие наемного труда. В обычном же политико-экономическом смысле, как накопленный в виде денег или товаров труд, капитал — как все условия труда, а равно и даровые силы природы — является производительным в процессе труда, в производстве потребительных стоимостей, но никогда не служит источником стоимости»³².

Таким образом черты различия в трактовке производительности капитала между Годгскиным и Марксом очевидны. Годгскин полемизирует со сторонниками теории производительности капитала, становясь на их точку зрения смещения потребительной стоимости со стоимостью. Годгскин понимает под капиталом не исторически обусловленное производственное отношение, опосредствованное через вещи, а самые эти вещи в их натуральной форме, в совокупности их естественных свойств. Ту же методологическую ошибку совершает Годгскин и в своих определениях оборотного и основного капиталов, когда он согласно традициям политической экономии, вслед за Адамом Смитом и Джемсом Миллем, понимает под этими категориями машины, здания, сырье, средства существования и т. п.

На трактовке Годгскиным категорий оборотного и основного капиталов мы остановимся далее более подробно. Пока лишь отметим, что в своей критике современных ему вульгарно-апологетических теорий производительности капитала Годгскин дает натуралистическое определение этой категории, понимая под капиталом совокупность вещей, находящихся в прямой или косвенной связи с процессом производства.

Перейдем к позитивной трактовке категории капитала у Годгскина. При всем разнообразии его определений категории капитала, при всей причудливости переплета различных определений этой категории, находящихся часто в непримиримом противоречии между собой, все они пронизаны единой идеей, направленной против теорий производительности капитала современных ему представителей вульгарной политической экономии, — идеей, что капитал непроизводителен. Наряду с отмеченным нами натуралистическим определением капитала мы встречаем у Годгскина и другие формулировки этой категории, где он пытается синтезировать натуралистическое определение с общественным, с процессом образования стоимости. Не всякая вещь, по Годгскину, является капиталом. Вещи, входящие в состав капитала, составляют, по Годгскину, часть более обширного определения богатства³³. Годгскин полемизирует с Мак-Куллохом, который стирает всякие грани между капиталом и богатством. Мак-Куллох писал: «Капиталом страны может быть названа та часть продукта промышленности, наличной в стране, которая может быть использована или для поддержания человеческого существования, или для облегчения производства. Это определение отлично от определения А. Смита, принятого большинством экономистов. Он разделяет весь продукт промышленности страны, или ее имущество, на

³² К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 111—112, изд. «Прибой», Петроград 1923.

«...Так называемая «производительность капитала»,—писал Энгельс,—есть не что иное как приваляжащая ему (при нынешних общественных условиях, вне которых не было бы вообще капитала) способность присваивать себе неоплаченный труд наемных рабочих» (Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, стр. 31. Петроград 1919).

³³ Thomas Hodgskin, Popular political economy, London 1827, p. 240.

капитал и доход; капитал состоит исключительно из частей имущества, употребляемых в целях производства некоторых сортов товаров; доход составляется из частей, употребляемых для поддержания или для удовлетворения жителей, без всякой дальнейшей цели (?). Согласно Смиту вся последняя часть потребляется непроизводительно и ничем не содействует увеличению богатства»³⁴. Годгскин не соглашается с этим широким определением капитала Мак-Куллоха. Годгскин полагает, что должен быть выдвинут специальный признак в целях разграничения капитала и национального богатства. «Мне представляется, — пишет Годгскин, — что единственным обстоятельством, которое придает какой-либо части продукта труда признаку, приписываемые термину капитала, — это то, что он может быть применен или потреблен не в целях предоставления наслаждения своему обладателю... но для получения известной прибыли. Капитал является частью национального богатства, применяемого, говоря языком доктора Смита, для «доставления своему собственнику дохода»³⁵. В другом месте мы у Годгскина читаем: «Деньги или блага, которые капиталист или их собственник уплачивает за труд рабочих, он их дает рабочим... за их способность производить для него большую стоимость, чем их заработная плата... Эта заработная плата, напротив, не является капиталом для тех, кто потребляет ее для поддержания жизни или в целях наслаждения. Всякая собственность, переданная взаймы одним человеком другому или государству, за которую работодатель получает процент, называется его капиталом, потому что она не употребляется для его немедленного удовлетворения, но передается для получения дохода... Все то, что отдельное лицо делает или приобретает в целях дальнейшего производства, все то, что он дает взаймы в целях получения процента, все то, что полезно и применяется в целях получения прибыли, подходит под название основного или оборотного капитала»³⁶.

Изложенные нами взгляды Годгскина на капитал сводятся к следующим определениям: 1) совокупность имеющихся в обществе продуктов труда, служащих для дальнейшего производства; 2) имущество, приносящее владельцу доход; 3) стоимость или деньги, способные к возрастанию. Эта гамма приведенных нами определений капитала у Годгскина весьма близка почти совпадает с общим определением капитала у Адама Смита, со всеми противоречиями его учения о капитале, положительными и отрицательными его сторонами. Положительные стороны: связь категории капитала с учением о прибыли, определение капитала как самовозрастающей стоимости. Отрицательные стороны: смешение натуральных элементов производства с их общественной формой, вытекающей из специфической структуры капиталистического способа производства. В изложенных нами определениях капитала Годгскин целиком стоит на плечах классической школы.

Констатированную нами методологическую ошибку смешения натурального содержания капитала и его общественной формы, смешения потребительной стоимости со стоимостью совершает Годгскин и в своем центральном определении капитала как сосуществующего труда (Colexisting labour). Мы разобрали выше ту критику, которая дана была Годгскиным теории производительности капитала, рассматривавшей прибыль на капитал как своеобразную заработную плату за накопленный труд. Против этой концепции была выдвинута Годгскиным своеобразная теория капитала, которая по существу отвергает значение прошлого труда, а признает лишь наличие сосуществующего труда, наличие параллельных, находящихся в

³⁴ J. K. Mac-Culloch, The principles, of political economy, second edition, London, M. D. CCC. XXX, p. 97.

³⁵ Thomas Hodgskin, Popular political economy, London 1827, p. 241.

³⁶ Ibid., p. 242.

своеобразной связи трудовых процессов, происходящих в различных отраслях производства. «Те, которые наиболее горячо защищают притязания капитала, — писал Годгскин, — признают, что все орудия и машины составляют продукт труда. Но они прибавляют однако, что это продукты предыдущего труда и что они дают право на прибыль на основании того, что они являются продуктами сбереженного или накопленного труда»⁸⁷.

С этой теорией Годгскин, как мы видели, не согласен. По Годгскину: «...Не существует никакого накопления продуктов прежнего труда для пользования... капиталист приобретает возможность содержать рабочих, а следовательно и нанимать других рабочих не потому, что он обладает запасом товаров, а потому, что он командует над трудом некоторых людей»⁸⁸. И в другом месте: «...Капитал, или право употреблять труд, и существующий рядом с ним труд представляют одно и то же, и что производительный капитал и квалифицированный труд тоже представляют одно и то же: следовательно капитал и трудящееся население синонимы»⁸⁹.

Таким образом по Годгскину, капитал является трудом не прошлым, а настоящим, капитал является средством приобретения командования над трудом, т. е. капитал является производственным отношением. В приведенных цитатах мы имеем два новых определения капитала: 1) капитал — сосуществующий труд, 2) капитал — производственное отношение. Общим для этих двух определений капитала является объединяющая их идея непроизводительности капитала. Вульгаризаторы учения Рикардо на основании тезиса, что капитал является накопленным трудом, обосновали апологетическую теорию прибыли как своеобразной заработной платы за этот накопленный труд. Годгскин в целях защиты прав рабочих на полный продукт их труда нападает на сердцевину учения эпигонов классической школы, на их взгляд, что капитал является трудом накопленным, результатом прошлого труда. Он отрицает вообще наличие прошлого труда, выдвигая вместо него сосуществующий труд, наличный текущий труд производителей. Во втором определении капитала как средства приобретения командования над трудом идея непроизводительности капитала выступает в еще более обнаженной форме. Если благодаря капиталу осуществляется господство над трудом людей, если капитал есть производственное отношение, то, конечно, не может быть и речи о прибыли как об оплате накопленного труда. Повторяем, общим для этих двух определений капитала является лежащий в их основе тезис о непроизводительности капитала. Но наряду со сходством мы имеем и различие этих двух определений капитала, различия их методологических принципов. Если в первом определении капитала как сосуществующего труда Годгскин по существу стоит на тех же позициях, что и критикуемые им авторы, что капитал является вещью в многообразии своих естественных свойств, то во втором определении капитала как средства приобретения командования над трудом Годгскин порывает с натуралистической трактовкой этой категории, рассматривая капитал как производственное отношение. Если в первом определении капитала различие между Мак-Куллохом и Джемсом Миллем, с одной стороны, и Годгскиным, с другой стороны, сводится к тому, что первые в производстве вещей отдают первенство прошлому, накопленному труду, а Годгскин

⁸⁷ Thomas Hodgskin, Labour defended..., p. 54.

⁸⁸ Ibid., p. 52.

⁸⁹ Ibid., p. 105 (разрядка Годгскина).

«Владеть большим капиталом, — писал Годгскин Плейсу, — это означает обладать большой властью над трудом других людей» (письмо Годгскина к Плейсу от 20 апреля 1820, цит. Carl Коерр, Das Verhältniß der Mehrwerttheorien von Carl Marx and Thomas Hodgskin, Wien 1911, S. 109.

сосуществующему, текущему труду, то во втором определении капитала как производственного отношения Годгскин становится на совершенно иные методологические рельсы, чуждые вульгарно-апологетической концепции критикуемых им «рикардианцев»⁴⁰. Таким образом в приведенных нами цитатах и Годгскина мы видим лобопытное сочетание друг друга исключаящих, друг другу противоречащих взглядов на капитал — натуралистического и общественного. Свое учение о капитале как о существующем труде Годгскин наиболее подробно разворачивает в своем анализе основного и оборотного капиталов, о которых речь будет ниже, пока лишь в общих чертах остановимся на этом учении о капитале, которое рельефно выступает в приведенных выше цитатах из «*Zabour detended...*».

Основной ошибкой которую совершает Годгскин в трактовке капитала как сосуществующего труда, является отрицание значения прошлого труда, отрицание существования накопленного труда. А между тем без употребления продуктов прежнего труда, без производительного потребления овеществленного, накопленного труда в средствах производства, невозможен процесс воспроизводства, невозможно существование человеческого общества вообще. Годгскин конечно прав, когда он отрицает за накопленным трудом способность быть источником стоимости, но он совершает крупную ошибку, отрицая наличие вообще накопленного, т. е. прошлого труда. Любой товар, рассматриваемый как капитал, представляет собой накопленный труд, так как он существует в овеществленной форме, и стоимости товара как капитала определяется трудом накопленным. Если этот же самый товар рассматривается не как капитал, а как результат производственного процесса, его стоимость определяется, как говорит Маркс, не трудом, накопленным в нем самом, а трудом, накопленным в условиях производства. Годгскин же, как мы видели, вообще отрицает наличие накопленного труда. Поэтому неслучайным является то обстоятельство, что по вопросу о составных частях годного продукта Годгскин⁴¹ стоит на ошибочной точке зрения Джемса Милля, что «то, что ежегодно производится, также и ежегодно потребляется»⁴². Этот тезис представляет собой по существу старое положение классической политической экономии еще времен Адама Смита о том, что весь годичный продукт сводится к доходу, к заработной плате и прибыли, т. е. ко вновь прибавленному труду, старое учение классиков, которое не различало между стоимостью годового продукта и вновь созданной годовой стоимостью. Если последняя является только результатом истекшего года, то в стоимость годового продукта входят еще те составные части стоимости, которые отнюдь не были ни произведены, ни воспроизводимы трудом, затраченным в течение истекшего года, а представляют собой результат производственной деятельности предшествовавших лет. Таким образом учение Годгскина о существующем труде страдает серьезными погрешностями. Однако выдвинутая Годгскиным концепция капитала как сосуществующего труда имеет значительный исторический интерес, ибо она представляет собой своеобразную критику апологетических учений капитала и прибыли вульгарной политической экономии со стороны экономиста, выступавшего в защиту труда, со стороны

⁴⁰ Поэтому неправ Carl Коерр, когда он пишет, что определение капитала как производственного отношения у Годгскина нигде не встречается в отчетливо выраженной форме (Carl Коерр, *Das Verhältnis der Mehrwerttheorien von Karl Marx und Thomas Hodgskin*, Wien 1911, S. 83). На ошибку Коерр'а правильно указывает Густав Экштейн в своей статье, посвященной книге Коерр'а «*Thomas Hodgskin als Theoretiker der politischen Öconomie*» («*Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung...*», heraus gegeben von Carl Grünberg, Sechster Jahrgang, Leipzig 1916, S. 293.

⁴¹ Thomas Hodgskin, *Labour defended...*, p. 47.

⁴² James Mill, *Elements of political economy...* second edition, London 1824, p. 260

идеолога, враждебного господствующему эксплуататорскому хозяйственному режиму.

Вещи — это все, человек — ничто, капитал — гегемон производства, рабочий — жалкий придаток капитала — вот формула, провозглашенная вульгарной политической экономией, возвысившая прошлый труд над настоящим в целях оправдания прибыли как своеобразной заработной платы за накопленный труд. Вместо того, чтобы показать, что накопленный труд при капиталистическом способе производства принимает общественную форму капитала, вместо того, чтобы показать, что в определенных условиях, исторически обусловленных, накопленный труд, этот неизбежный элемент процесса воспроизводства в любой общественной формации, становится средством господства над трудом настоящим, средством эксплуатации и создания прибавочной стоимости, — Годгскин отрицает значение прошлого труда вообще. Годгскин хотел возратить рабочему ту роль в производстве, которая похищена была у него идеологами и апологетами капитализма, но он впал также в крайность, провозгласив противоположный лозунг: прошлый труд — фикция, реальность лишь труд текущий, сосуществующий, вещи — ничто, человек — все. Приведем цитату из Маркса, где он вскрывает методологические корни учения Томаса Годгскина о капитале как о осуществляющем труде: «Так как экономисты, — пишет Маркс, — отождествляют прошедший труд и капитал, — прошедший труд здесь в смысле конкретного, реализованного в продуктах труда, так и в смысле общественного труда, материализованного рабочего времени, — то понятно, что они, как Пиндары капитала, выдвигают значение вещественных элементов производства и переоценивают их роль в сравнении с субъективным элементом, живым, непосредственным трудом... Чтобы и технологически оправдать специфически общественную форму, т. е. капиталистическую форму..., экономисты неправильно придают слишком важное значение вещественному элементу в противоположность самому труду. И поэтому Годгскин, наоборот, заявляет, что этот вещественный момент чрезвычайно незначителен сравнительно с живым процессом производства и в действительности имеет место только как его момент; сам по себе он следовательно ценности не имеет. Однако при этом он кое-что недооценивает, но это делается в противоположность экономическому фетишизму; — именно он умаляет значение ценности, которое имеет прошлое труда для его настоящего»⁴³. Интересно отметить следующее место из «Labour defended...», где сам Годгскин обнажает методологические корни своего учения о капитале как существующем труде. «Орудия, которые он (человек. — А. Р.) употребляет, чтобы помочь своим слабым силам, и которыми он пользуется посредством своих рук и своего искусства, были названы основным капиталом. И устранив из поля зрения самого человека для оправдания существующего общественного строя, основанного на собственности или владении и на угнетении рабочих, которые, к несчастью, составляют часть этого владения, все эти блестящие результаты применения орудий были приписаны основному и оборотному капиталу. Умение и искусство рабочего были оставлены без внимания и сам он был принижён; но дело его рук было сделано предметом поклонения»⁴⁴.

Приведенная цитата вдвойне интересна. С одной стороны, Годгскин указывает на методологическую ошибку критикуемых им авторов, а тем самым и на методологические принципы своего учения о капитале; с другой

⁴³ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 229.

⁴⁴ Thomas Hodgskin, Labour defended..., p. 66, разрядка моя. — А. Р.

стороны, он выдвигает новые элементы трактовки категории капитала как субъективной иллюзии и заблуждение людей, находящихся в идеологическом плену у теоретиков господствующих классов.

У Годгскина мы встречаем целый ряд высказываний о капитале как субъективном заблуждении, как об иллюзии, созданной идеологами капитализма для одурачивания народных масс в интересах защиты капитала, в угоду господствующих классов. «Капитал, который таким образом присваивает себе продукт страны, за исключением того, что нужно для скудного существования рабочих, и излишка продукта плодородной почвы, есть «продукт труда», «товары», «пища», которую употребляют рабочие, машины, которыми они пользуются»; таким образом мы принуждены отдавать ту огромную часть всего продукта страны, которая остается, после того как мы были снабжены средствами существования, после уплаты ренты землевладельцам, за привилегию есть пищу, которую мы сами произвели, и за использование нашего собственного умения произвести больше. Капитал, может подумать читатель, должен обладать чудодейственным качеством, если рабочие так непомерно платят за него. И в самом деле его притязания основаны на его чудодейственных качествах, поэтому я хочу обратить на них особенное внимание читателя»⁴⁵.

В другом месте мы читаем: «Можно подумать, что капитал есть одно из тех кабалистических слов, как церковь или государство, или всякий другой общий термин, придуманный теми, которые заставляют человеческий род скрывать руку, обирающую их. Это своего рода кумир; и людям предлагают поклоняться этому кумиру в то время, когда хитрый жрец с высоты алтаря протягивает руку для получения и присвоения тех даров, к которым он призывал во имя религии, оскверняя бога, которому он якобы служит, и осмеивая нежные чувства преданности и благодарности или ужасные чувства страха и вражды, столь присущие всему человеческому роду, все равно, будут ли это мудрые и просвещенные люди или невежественные и низкие»⁴⁶.

В приведенных цитатах мы имеем весьма ценную идею — постановку вопроса о фетишистической природе капитала, существенные моменты понимания капитала как фетишистической категории. Капитал — иллюзия и заблуждение человеческого мозга, капитал — произвольное построение апологетов капитализма для затемнения сознания эксплуатируемых народных масс. Однако эта сама по себе ценная идея остается у Годгскина висеть в воздухе, она у него отнюдь не связана с анализом объективных тенденций капитализма. И Маркс говорит о капитале как о форме мышления агентов капиталистического способа производства, и Маркс говорит о своеобразной, фетишистической идеологической надстройке капитализма. Но у Маркса эта надстройка является оборотной стороной исторически обусловленных материальных производственных отношений. По Годгскину же, мистифицированная фетишистская природа капитала отнюдь не вытекает из особенностей, имманентных капитализму, она является результатом злой воли идеологов капитализма, сознательно строящих научные теории в интересах господствующих классов. Различие между Марксом и Годгскиным очевидно. Маркс дает объяснение субъективного фетишизма, исходя из объективных условий функционирования капиталистического способа производства, Годгскин же — исходя из злой воли идеологов и апологетов капитализма; как говорит Маркс, «он не видит, как этот способ мышления сам обуслов-

⁴⁵ Thomas Hodgskin, *Labour defended...*, p. 31—32, разрядка моя. А. Р.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 60.

лен реальным отношением, как последнее служит не выражением первого, а наоборот»⁴⁷, Маркс дает материалистическое объяснение, Годгскин — рационалистическое. То обстоятельство, что в учении Годгскина отведено большое место капиталу как иллюзорной форме мышления, отмечается целым рядом исследователей. Так например биограф Годгскина Halevy пишет: «Уничтожение этого идола (капитала,— А. Р.), критики этой словесной иллюзии... является основным положением экономической доктрины Годгскина»⁴⁸. Однако некоторые исследователи неправильно представляют себе эту сторону учения Годгскина о капитале. Carl Коерр пишет: «Подобно Годгскину, и у Маркса капитал изображается как «чудодейственная», самостоятельная и отчужденная власть, противостоящая рабочим. Магичность и загадочность фетиша капитала облекаются Марксом в те же самые краски и формы, как и у Годгскина»⁴⁹. Противоположную ошибку мы встречаем у Рубина. Рубин пишет: «Насколько тщательно Маркс отмечал зачатки теории трудовой стоимости у всех своих предшественников и в трех томах «Теорий прибавочной стоимости» дал длинный ряд их теорий, настолько скуп был он в замечаниях о теории фетишизма (В т. III «Theorien über den Mehrwert» Маркс отмечает зародыши теории фетишизма у Годгскина, по нашему мнению совершенно ничтожные и выраженные по частному случаю»⁵⁰.

Если Коерр стирает всякие грани между трактовкой фетишизма капитала у Маркса и Годгскина, то Рубин совершенно отрицает зародыши теории фетишизма у последнего. Приведенный нами выше целый ряд высказываний Годгскина не оставляет никаких сомнений в этом вопросе. Годгскин говорит о фетишистической природе капитала отнюдь не по частному случаю, как это изображает Рубин, а это является органической, существенной частью его учения о капитале. С другой стороны конечно и не прав Коерр, который превращает Годгскина в марксиста, который не понимает, что учение Маркса о товарном фетишизме, в частности о фетишизме капитала, теснейшим образом связано с диалектическим материализмом, с материалистическим пониманием истории.

Итак по Годгскину капитал — вещь, капитала — вещь, приносящая доход, капитал — самовозрастающая стоимость, капитал — сосуществующий, труд, капитал — производственное отношение, капитал — иллюзия и заблуждение народных масс, — вот целый ряд определений капитала у Годгскина, определений, в своих методологических принципах не согласованных друг с другом, зачастую друг другу противоречащих. Однако при всей противоречивости определений капитала у Годгскина следует отметить их внутреннюю последовательность, их своеобразную стройность и единство. Мы уже отмечали, что все они пронизаны центральной идеей — идеей непроизводительности капитала. В самом деле, Годгскин не согласен с определением капитала как накопленного труда, он под капиталом понимает труд сосуществующий. Исходя из взгляда на капитал как сосуществующий труд, исходя из взгляда, что прибыль является результатом команды капиталиста над трудом рабочих, Годгскин естественно должен был рассматривать теории капитала своих противников как идеологический обман в интересах господствующих классов, как иллюзорную форму мышления. Изложенные нами особенности учения Годгскина о капитале воспроизводятся им также и в анализе категорий оборотного и основного капитала.

(Окончание следует)

⁴⁷ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 246.

⁴⁸ Elie Halevy, Thomas Hodgskin, Paris 1903, p. 95.

⁴⁹ Carl Коерр, Das Verhältniss der Mehrwerttheorien von Karl Marx und Thomas Hodgskin, Wien 1911, S. 82—83.

⁵⁰ И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 51, изд. 4-е, Гив, 1929.

II. КРИТИКА МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ВУЛЬГАРНОЙ ЭКОНОМИИ

«Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение и развитие, как единство противоположностей... При первой концепции движения остается в тени само движение его — двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне: бог, субъект и т. д.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения». Первая концепция мертва, бедна, суха. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению» в «противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» («XII Ленинский сборник», стр. 324).

Современная вульгарная политическая экономия знает только «развитие как уменьшение и увеличение, как повторение». Вечные повторяющиеся законы обмена: Робинзона и Пятницы, этрусских и кельтских племен и современного капиталистического общества, вечный закон убывающего плодородия, действовавшего во времена Авраама и Лота и в современном буржуазном обществе (Маршалл), вечные законы частной собственности и конкуренции (Штольцман), вечная эксплуатация (Штольцман, Шпанн), кризисы как вечное явление (Кассель) и т. д., и т. д., — все это только повторение, уменьшение, увеличение» (Ленин).

Вульгарная экономия отрицает развитие единства противоположностей и борьбы противоположностей как источника самодвижения, двигательной силы развития, противопоставив этому свою концепцию развития, переносящую сей источник «во вне: бог, субъект» (Ленин).

Она всеми силами отделяется от тех мыслей, в которых содержатся «реальные противоречия» (Маркс). Иррациональное, противоречивое она «превращает» в рационально-гармоническое, и в основе этого лежит ее извращенное понимание действительности.

Метод вульгарной политической экономии непосредственно находится на службе апологетики современного капитализма и борьбы за его спасение.

Буржуазная экономическая наука, как и буржуазная философия (методология вообще), имеет дело с мнимыми, ложными истинами, изображающими действительность в ее превратной форме» (Маркс). Эти «истины» бывают у них двоякого вида: или они непосредственно фиксируют обманчивую, внешнюю форму проявления, отчужденную настолько от действительности, что даже внешне она ее только напоминает насильственно путем аналогии и т. д., например абстрактный homo economicus, абстрактная концепция равновесия, «героическая концепция» Кларка, совершенно чужды действительности. (Первая суть — абстракция, ложная фантазия отъединившегося индивидуума в конкуренции, вторая — ложная фантазия «метафизического равновесия» спроса и предложения); или они непосредственно гипертрофируют, искажают действительность на основе «извращенных форм, в которых выражается действительное извращение»

(Маркс), в ложных призраках которых внешне изображает якобы действительное развитие, например «точка зрения развития», «историзм», «объективизм» и т. д. Эти «истины» также чужды действительности, искажают ее, делая ее более соответствующей целям защиты буржуазного строя, в форме «общественных интересов», интересов целого, нации и т. д.

Строй буржуазных концепций очень прост с точки зрения действительного анализа, хотя по своей ложной учености они могут быть сложны, например обилие всяких «принципов», математических формул, сложных терминологий, «дефиниций» и т. д. Все направления вульгарной экономики, «все апологетические увертки вульгарной экономики» (Маркс) находят адекватный ее интересам объект во внешней форме проявления, «скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного» (Маркс). Поэтому все вульгарные экономисты воцарают на божественный трон вульгарной экономики (кроме бога и полицейского) эту обманчивую форму, представляющую все отношения действительности в обратном виде (Маркс).

К иллюзиям свободы и равенства, порождаемым этой внешней формой проявления, вульгарный экономист присовокупляет иллюзии буржуазной свободы — буржуазного правопорядка; этой последней он вверяет судьбу всех отношений, выведенных из внешней формы проявления экономических явлений, и на этой основе он превращает строй «наемного рабства» и организацию труда, покоящуюся «на дисциплине голода» (Ленин), в «социальный» строй, где господствует «царство свободы» (Штольцман) — таковы особенности «социального» направления современной вульгарной экономики.

Но этот путь для нее не единственный, поскольку речь идет о приобщении к явлениям извращения экономических отношений, представлений, освящающих буржуазный правопорядок (государство, полиция и т. д.) и поскольку эти представления являются основой для ее «социологической» «экономической» концепции.

Вульгарный экономист может приспособлять свою «экономическую» концепцию к поставленной себе цели. Он ставит себе цель «преобразования» современного государства в государство фашистское. Отсюда — вся его экономическая концепция будет «критикой» методов «эволюционной» фашизации и проповедью о подчинении фашистскому государству и созданной им иерархии всей нации (т. е. о подчинении концентрированной власти монополистических магнатов капитала рабочего движения, всех революционных сил страны); поскольку фашистское государство есть наиболее полное выражение концентрированной власти деспотической реакции буржуазии против коммунистического движения, борьба за это фашистское государство и создаваемое им корпоративное хозяйство «есть экономическое credo идеологов фашизма (Шпанн, Хр. Эккерт и др.). Таковы пути, которыми идет современная вульгарная экономика к своей цели защиты и борьбы за спасение буржуазного общества.

«Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба противоположностей» (Ленин).

Товарное хозяйство означает такую организацию общественного труда, когда общественный характер труда устанавливается на базе противоречия между трудом частным и общественным. Труд общественный существует в данном обществе как «огромное скопление трудов частных» (латентно общественных вследствие общественно обусловленного производства индивидов), становящихся общественными через разрешение противоречия между трудом частным и общественным. Труд частный принимает форму своей противоположности: труда всеобщего — общественного.

На учении о двойственном характере труда покоится все понимание фактов в политической экономии (Маркс). Этого центрального пункта, политической экономии буржуазная классическая экономия понять не могла.

Классическая школа пыталась понять противоречие товара, но разрешить проблему противоречия товара она не сумела, благодаря метафизическому методу исследования категории стоимости, одностороннему количественному анализу меновой стоимости и т. д. Вульгарная экономия, поскольку ей пришлось унаследовать классическую школу, вернее будет сказать: поскольку она находит у классической экономии известный материал для своей размазни, она прежде всего отказывается от всех ее (классической школы) неприятных сторон» (Маркс), содержащих попытку действительного анализа, и увековечивает, развивает только вульгарные элементы ее концепции. Поэтому вульгарная экономия начинает с отрицания действительного экономического анализа в той мере, как он встречается уже у классиков. Противоречие между потребительной и меновой стоимостью она сводит к их тождеству (Сей, Бастиа, Кассель, Бем-Баверк), или эти противоречия рассматриваются как «дуализм» в противоположность к понятию «гармонического единства»¹ (Штольцман).

Действительное раздвоение единого, действительные противоречия, которые служили исходным пунктом научного исследования буржуазного способа производства, превращаются вульгарной экономией в «мнимые противоположности».

Вульгарная экономия двояко отвергает действительные противоположности единства:

а) Механистическим отождествлением противоположностей. Например, в вопросе об отношении индивида к обществу Бастиа пишет: «Экономические законы действуют по одному и тому же принципу, идет ли дело о многочисленном сообществе людей, о двух отдельных лицах или даже об одном человеке, обреченном судьбою жить в одиночестве».

Каждый человек, если бы он мог некоторое время прожить один, представлял бы собою и капиталиста и предпринимателя, и рабочего, и производителя, и потребителя. В нем совершалась бы вся экономическая эволюция»².

Джевонс пишет: «Общая форма законов политической экономии одинакова для индивидуалов и для наций»³. То же самое пишет Кларк: «Конечные силы общества, как и физической природы, атомичны; индивид — творец и цель каждого движения. Он микроскопичен подобно монаде Лейбница — зеркалу вселенной. Философия ценности и других общественных отношений может быть охвачена лишь такой точкой зрения, которая достаточно широка, чтобы включить целый общественный организм, и в то же время достаточно приспособлена к рассмотрению мелкого, чтобы постичь природу общественного атома»⁴.

б) Отрицанием в «раздвоении единого» действительных противоположностей, признанием «дуализма», находящегося в подчиненном отношении к «единству» вне раздвоения, на основе абсолютизации единства (Штольцман, Шпанн, Супино, Нафтали и др.).

Штольцман под формой «социальных отношений», движимых этикой,

¹ «Die Soziale Kategorie», S. 17.

² «Экономические гармонии», «Капитал», 4 раздел.

³ Цитирую по Бухарину «Политическая экономия рантье».

⁴ Цитирую по Келлеру «Англо-американская школа».

правом, нравственностью, уничтожает различия противоположности между классами»⁶, обществом и индивидуумом⁶.

Противоречие между общественным и частным тонет у него в метафизических абсолютных категориях, абстрактных «социальных целей».

«Природный» дуалист, последователь «кантовской философии», Р. Штольцман борется с «крайним индивидуализмом», атомизмом и «крайним социализмом». Эти «крайние элементы» он подчиняет своей «социальной теории», конструируемой на основе понятий этики, нравственности, права и т. д.

Шпанн также якобы формально признает различия между универсализмом и индивидуализмом, обществом и «классами» (сословиями), что по существу совершенно опровергается его учением о «капитале высшего порядка», представляющего такую иерархию связей высших и низших ступеней «капиталов разного порядка и ступеней чинов и сословий» (Standes), при которых низшие руководствуются обязательно высшими. Часть без целого мертва. Низшее (читай: рабочий класс) без высшего (буржуазия, полицейские, государство) мертво, безжизненно. Жить они могут только как «целое». Жизненный эликсир этому целому дает «капитал высшего порядка», высшие члены которого являются по существу «всеедиными», «всецелым»⁷.

К. Мус противоположность классов подменяет «диалектикой компромисса», Супино противопоставляет классовой борьбе «учение» о «сработанности труда и капитала».

В унисон с фашистской теорией вульгарной экономии выступают и социал-фашисты. Нафтали в своей Wirtschaftsdemokratie подменяет частные интересы отдельных лиц «интересами общественными».

Теория абсолютизации единства в идеях «целого», «нации», «компромисса» является идеологией, предназначенной служить отравлению революционного рабочего движения.

Современная вульгарная экономия всеми силами старается противопоставить действительным противоречиям экономического развития и классовой борьбы «мнимые противоречия» или сочиненные томы басен об отсутствии всяких противоречий. К постановке этих проблем она приходит различными путями.

⁵ «Классы теперь уже не кастообразны, не отделены друг от друга герметической стеной...» (Штольцман, «Grundzüge einer Philosophie»).

⁶ Право общества (общины, коллектива) охватывает право индивидуумов, в пользу которых оно и находит свое назначение (ibidem).

⁷ «Fürs erste eiget der rangordnungsmässige Aufbau der Stände (b. t. W. selbst der «Klassen» in individualistischen Sinne das Gesetz das jeden niedere Stand geistig im jeweils höheren befasst ist), например солдаты от офицеров . . . рабочие от инженеров и предпринимателей».

«Отсюда следует, что низшее состояние в каждом отдельном случае духовно руководится высшим состоянием (сословием)». «И все дальнейшие жизненные законы всех духовных общений (сообществ) могут быть обозначены: «Unterordnung des Geistig Niederen unter das Geistig Höhere» («Gesellschaftslehre, s. 385). О «кометозе высшего порядка» см. «Fundament», Die Wahre Stadt, «Weltwirtschaftliches Archiv», т. 30, Н. 2, 1929 г.

Рудольф Штольцман недаром претендует на почетную роль предшественника Шпанна, у которого Шпанн позаимствовал ряд мыслей и идей (см. его «Die Krisis in der heutigen Nationalökonomie»). Он подробно излагает свое «первородство» в ряде идей, развиваемых Шпанном. Он так же, как и Шпанн, понимает, что аполотетика не достигла бы цели, если бы не было сказано об особой «общественной «роли» капиталистов и о роли государства». Естественно, не всякий рабочий, пишет Штольцман, может стремиться вперед, к высшему; все простейшие социальные законы покоятся на той основе, по которой армия не состоит сплошь из генералов, количество конвоиров естественно должно превышать число руководителей («Grundzüge einer Philosophie», s. 155). Государственное насилие изображается как «обеспеченнейшее средство к доброй воле в рождественной и положительной сработанности обеих сторон (стр. 97), т. е. рабочего класса и буржуазии».

Первый путь. Необыкновенно глубокая острота классовых противоречий делает необходимым для буржуазной экономики (как и для ее социологии и философии) противопоставить теории классовой борьбы, объясняющей необходимость, неизбежность диктатуры пролетариата, теорию классовой гармонии. Отсюда ставятся проблемы общества и класса (сословия), нации и сословия (класса), проблема «моногенетического и полигенетического» целого и части и т. д. для доказательства, что действительные противоречия монополистического капитализма, как они раскрываются марксистско-ленинской революционной теорией, являются противоречиями мнимыми, «особенно для современного периода», связанного хозяйства (Супино, Браунталь, Мус, Каутский, Оппенгеймер и др.).

Проповедывать классовые гармонии приходится в зависимости от исторического развития классовой борьбы и всей совокупности противоречий капитализма разными методами. Вульгарная экономика всегда была и остается порождением времени в самом узком смысле слова. Она — идеология воинствующей апологетики капитала определенного сезона времени. Поэтому немудрено что каждый раз обновляется старый бог вульгарных гармоний в соответствующих только данному времени формах. Каков же теперь особый исторический сезон (период)? а) Небывалый по своей глубине, широте, остроте и продолжительности экономический кризис происходящий на фоне всеобщего кризиса капитализма; б) бешеное наступление капитала на рабочий класс; в) классовая борьба пролетариата принимает все более определенный характер борьбы за диктатуру пролетариата.

Чтобы ослабить борьбу рабочих за коммунистическую революцию и замаскировать наступление капиталистов на рабочий класс, — а в этом классовый смысл всех «теорий гармоний», — апологетика должна быть внешне «демократичной» и лжесоциалистичной⁸.

Социал-фашистские и фашистские идеологи в политической экономике готовы признать пороки юности капитализма, дабы представить его настоящее в розовом свете, в полном благополучии.

И Мус, и Супино, и Каутский, и Браунталь, и Нельтинги, и им подобные сочиняют историю капитализма, которую развивает прежде всего Ф. Оппенгеймер — «новатор» марксизма и даже такой коммунизмофоб, как Р. Лифман, и которую давно уже проповедывал вкупе с Оппенгеймером Эд. Бернштейн.

Создается такая басня. На заре развития капиталистического способа производства буржуазия извлекала монопольную прибыль⁹. Благодаря тому, что капиталисты представляли «монопольный спрос» на рабочую силу, а ее предложение носило «неорганизованный» характер, — на заре развития буржуазного способа производства классовая борьба между трудом и капиталом достигла своего апогея, другое дело — сейчас. Имевшее раньше место присвоение «прибавочной стоимости» как следствие «организованного» монопольного спроса со стороны капиталистов, в противоположность предложений (предложение рабочей силы), основанному не на принципе монополии, — в настоящее время благодаря организованности рабочего класса совершенно исчезает. Отныне «организованность» обоих факторов производства ведет к «сработанности» (Супино), к компромиссу

⁸ Национал-фашисты и социал-фашисты выступают в лжесоциалистической маске. Первые против «демократии» за «корпоративное целое», возглавляемое выдающимися «гениями народа» а ля Гитлер и ему подобными, которые действуют на благо народа; вторые цепляются за «демократию» — старый идол прошедшего времени, прошедшей эпохи капитализма, — обеспечивающую свободу фашизму и наступление капитала под маской «демократии и социализма».

⁹ Конечно речь идет не о статическом хозяйстве, там — согласен Оппенгеймер с Шумпетером — не может быть прибыли (Оппенгеймер, «Wert und Kapitalprofit».

(Мус), к общим интересам под'ема производительности (Браунталь, Супино).

Но эта теория была бы неполной, если бы она не базировалась на «теории равновесия» организованных сил (Machtverhältniss), являющейся опровержением всеобщего закона капиталистического накопления, закона народонаселения капитализма, раскрытого Марксом. Эта теория или игнорирует или «доказывает», что нет резервной армии труда; она отрицает, «что накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне того класса, который производит свой собственный продукт как капитал» (Маркс). «Теория равновесия» отрицает, что современное кровавое законодательство против рабочих бросает последних под «Джаггернатову колесницу» монополитического капитала. Они кричат об ассимиляции капиталистического духа, о том, что современный «связанный» капитализм несет с собою сокращение сфер действия частной собственности и ее применения и т. д., а также уничтожение эксплуатации¹⁰.

История, таким образом, поставлена на голову, но не на реальную, а призрачную, желаемую голову, отображающую чаяния, стремления и идейный багаж идеологов содрогавшегося капиталистического способа производства. Первоначальные, зародышевые формы классовой борьбы пролетариата об'являются апогеем классовой борьбы, а высшая форма классовой борьбы за диктатуру пролетариата подменяется воображаемым «классовым миром». Причем в евангельско-христианской роли носителя «классового мира» выступает современный капиталист. Он, оказывается, не хищник с окровавленной мордой, не эксплуататор и деспот, не борец «Der heutige Kapitalist ist keine Kampfnatur mehr, sondern eine Kompromissnatur» (К. Мус) — «Современный капиталист, человек будущего и реалист» (Мус).

За последнее время, особенно в Германии, стало модным кокетничанье с Гегелем. Гегеля выставляют в качестве теоретика «притупления противоречий». В его теории (системе) ищут формулы абсолютного единства координатных систем (Arthur Liebert).

Так например, К. Мус не прочь пококетничать «диалектикой». Но его «диалектика» есть не только отрицание действительной диалектики развития, а борьба против материалистической диалектики на основе гармонии, выдаваемой за «диалектику». Вот как К. Мус «диалектически» объясняет современную эпоху капитализма и классовой борьбы.

«Никогда исторические тенденции развития диалектики не выступают так радикально в своей действительности как здесь (в эпоху монополистического, по Мусу, «связанного» капитализма.— И П.). Как и в ходе производства, так и в процессе труда система конкуренции своим переразвитием отделяется от системы капитализма. Связанный капитализм выступает, во-первых, в социальном законодательстве, смысл которого в том, чтобы отнять часть народнохозяйственного дохода из свободного распоряжения индивидуумов и использовать для обеспечения нуждающихся»

¹⁰ Опровергнув «старого Маркса», социал-фашист Браунталь пишет: «Теперь уже эмпирически можно установить, что вместе с ростом предложения рабочей силы в общем и целом равномерно растет и спрос на нее. А 40 миллионов безработных? Но эмпирия и «теория» идентичны. «Теоретически представление о необходимости промышленной резервной армии держится на слабых ногах. Именно теоретически невозможно доказать ее закономерность, необходимость» (Браунталь). «В настоящее время отношения существенно изменились. Между работодателями и работополучателями создаются правовые отношения, заключаются договоры. В настоящее время мы уже вообще не можем говорить об эксплуатации рабочего его предпринимателем (экономический доклад АДГВ (цитировано по Линде «Социал-демократическая теория и политика зарплаты»)).

(действительное изъятие части народнохозяйственного дохода, кроме присвоения прибавочной стоимости, буржуазное государство производит в форме прямых и косвенных налогов на рабочий класс, и никаким наждающим, которых сейчас десятки миллионов, буржуазия давать их не думает, ибо во всех странах ярко выражена тенденция (?!) законодателей в кровавых законах против безработных, снижать пособия безработным; но об этом «теория» апологетов капитала знать не хочет.— И. П.).

«В регулировании зарплаты» закон спроса и предложения почти совершенно выключается. Вознаграждение рабочей силы выключается из рынка труда. Соотношение общественных сил и точка зрения народнохозяйственной продуктивности (сие означает на реальном языке конечно степень грабежа рабочего класса и трудящихся масс.— И. П.) ...решают вопросы величины зарплаты и доходов предпринимателей. В этом развитом социальном законодательстве, так же как и в новейшем хозяйственном и трудовом праве, воплощается тенденция к нарастающему сокращению сфер частной собственности на средства производства и их применение. Понятие о собственности стало другим. Индивидуальное понятие собственности эпохи конкуренции изменилось в социальное понятие собственности нашего времени, для содержания которого обязательны постулаты действительных или предполагаемых интересов целого, новый дух социального права... ассимилировал дух капитализма»¹¹.

В чем же суть «теории» радикальной «диалектики» современной эпохи? В том, чтобы в самой лживой и лицемерной форме прикрыть звериное наступление капитала на рабочий класс.

Современное «социальное» законодательство, которое тем замечательно для буржуазии, что оно открыто направлено против коммунистического движения, что оно под наглой, деспотичной формой, скрывает фальшивые, иллюзорные церемонии и институты буржуазного правопорядка (с его лжедемократией и лжесвободами),— изображается как «социальное право», ассимилирующее дух капитализма. Таков первый путь вульгарной экономики, который определяется глубиной и остротой современной классовой борьбы.

Чем сильнее наступление капитала, тем лживей, протитуированней становится вульгарная экономика, и поэтому она ищет соответствующих форм для своей маскировки. Этим объясняется у Муса, Шпанна и других идеологов фашизма поворот к Гегелю, но не к Гегелю-диалектику, а к Гегелю-реакционеру, у которого они берут идею «нации», государства, превращенную им в абсолюте. Хотя «диалектика» Шпанна даже по Зомбарту есть не гегелевская диалектика, а схоластика; в разделе, специально посвященном философии, Шпанн считает для себя приемлемым целиком из гегелевской философии следующее:

«Философия является не мудростью мира, но познанием не мирского, не познанием внешней массы, эмпирического бытия.. но познанием того, что вечно, что есть бог и вытекает из его природы». («Gesellschaftslehre», S, 351).

Путь второй, которым вульгарная экономика шла исторически.

Вульгарная экономика унаследовала определенный объект от классической школы буржуазной политической экономики. Этот объект в той части его, в которой он является научным, анализирует или, вернее, пытается анализировать реальные противоречия буржуазного способа производства, совершенно ей чуждые. Поэтому она начинает свою экономию *vulgatis* с критики научного анализа, т. е. анализа противоположностей, данных также в односторонней буржуазной форме. Превратив действительные

¹ Weltwirtschaftliches Archiv, B. 31, N. 1, 1930 г., январь.

противоречия в «противоречия мнимые», она (вульгарная экономия) тем самым создает себе логическую основу для построений всяких гармоний. Так она поступает с учением классиков о противоположности потребительной и меновой стоимости, с учением классиков (особенно Рикардо) о противоречии между прибылью и зарплатой.

Известно, что Сей не понимал различия между потребительной и меновой стоимостью. Старания Рикардо разъяснить ему значение этого противоречия для понимания экономических явлений, как их себе представляли классики, остались безрезультатными. Визер заявляет, что теория стоимости Смита и Рикардо есть одна из удивительнейших «научных ошибок», «беспристрастному уму» теория стоимости «решительно непонятна» («Über den Ursprung des Wertes», Y 79).

Отрицание противоречий между потребительной и меновой стоимостью в учениях современной вульгарной экономии идет в направлениях:

а) отождествления потребительной и меновой стоимости (Сей, Бем, Вальрас);

б) полного отказа от «всякой» теории стоимости (Парето, Амон, Зомбарт, Aupetit, Brouilhet Briot, Юровский, Шашников)¹²;

в) отождествления этих противоречий в «дуализме» цен и потребительных стоимостей (Маршалл, Шумпетер);

г) отождествления потребительной стоимости и цены (Кассель, Вальрас).

Противоречие между прибылью и заработной платой отрицается на основе «теории вменения», представляющей костюмированную триединую формулу вульгарной экономии. На этой точке зрения стоит вся современная вульгарная экономия.

Вот что пишет по этому поводу Штольцман:

«Капиталистический доход не стоит в противоположности заработной плате, он течет ей параллельно, как первоначальная и самостоятельная величина. Он (капиталистический доход.— И. П.) не стоит, как полагали классики, с заработной платой в железных отношениях дополняемости такого рода, что повышение заработной платы автоматически с собою принисит... соответственное понижение (Erniederung) капиталистического дохода... Капиталистический доход следует своим собственным законам»¹³.

Капиталистический доход непосредственно выводится из потребительной стоимости капитала (такова теория производительности капитала) (Кларк, Маршалл), или из цены на капитал (Бем, Аммон)¹⁴ или он выводится из «социально» полезных функций, социально необходимых функций капитала» (Штольцман). Последний настолько восхищен «социальной» ролью капитала, что ему мог бы позавидовать даже Бастиа. Если Бастиа говорил, что в капитале есть что-то похожее на закон скорости, «что капитал растит силу находу» «Vires aqùtrit eundo», то тольцман целиком присоединяется к Бастиа, добавляет, что капитал есть магнит, который

¹² Aupetit пишет: «Выражение стоимости в настоящее время целиком бессодержательно», поэтому «необходимо его совершенно выкинуть из научного словоупотребления» (дословно из словаря) (Die Wirtschaftstheorie der depennulart, S. 78). Brouilhet считает теорию стоимости совершенно фиктивной (vollkommen fiktiv), совершенно «не-нужной гипотезой» (ibid.).

¹³ «Theoretische Grundfrage».

¹⁴ Разницу между «благами настоящего и благами будущего» Бем связывает непосредственно с потребительной стоимостью, но выводит он эту разницу на основе цены на капитал (Амон в своем «Objekt und Grundbegriffe» также связывает процент на капитал с ценами; в своем «Grundzuge» он капитал рассматривает «как средства производства», т. е. со стороны их потребительной стоимости).

das Produzierende an sich zieht; капитал для него, так же как и для Германа, есть средство традиции¹⁵.

Третий путь. Борьба против марксистской политической экономии является центральным пунктом современной вульгарной экономики. Маркс вскрывает законы противоречивого развития капитализма, законы его неизбежной гибели. Он раскрывает противоречия буржуазного способа производства во всей их полноте, глубине и всесторонности — от самых элементарных, всеобщих для данного способа производства форм до его наивысшего развития и конечного состояния, от его исторического начала до его исторически неизбежного конца. «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товара. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия гегр., зародыш всех противоречий современного общества. Дальнейшие изложения показывают нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества и его отдельных частей; от его начала до конца^{15а}.

Апологетика буржуазного способа производства требует такого изображения его развития, чтобы оно не отражало, а фальсифицировало действительное «самодвижение» всех «противоречий и этого общества, и его отдельных частей, от его начала до его конца». Поэтому современная вульгарная экономия, фашистская и социал-фашистская в том числе, ставит своей главной задачей опровержение теории Маркса: теории трудовой стоимости, прибавочной стоимости, всеобщего закона накопления капитала, кризисов и теорий классовой борьбы и необходимости победы социализма.

Вся современная вульгарная экономия (повторяя зады вульгарной экономии à la 'Бастиа) объявляет себя надпартийной наукой (Шумпетер, Штольцман, Феттер, и т. д.). Ее «философский исходный пункт: уничтожить материализм, заменить его «лучшей системой здорового социального идеализма» (Штольцман), ибо «если наука хочет выполнить свой долг, тогда является недостаточным доказать ошибочность социалистической теории стоимости и материалистического мировоззрения» (Штольцман), а надо противопоставить марксизму свои идеи «социального идеализма».

Штольцман сам под видом новой нетенденциозной науки начинает решительную борьбу против марксизма: «Наука, — пишет он, — не должна довольствоваться критикой, — иначе дух Маркса будет вечен». Стрелы его «социального идеализма», как и идеализма национального, «универсального» (Шпанн, Супино и т. п.), направлены против критического, полемического характера марксизма, вскрывающего полемический, критический, антагонистический характер развития буржуазного способа производства.

Материалистическая диалектика «по самому существу своему критична и революционна» (Маркс). Против этой революционной критики капиталистического способа производства выступают все направления современной вульгарной экономики.

Теории классовой борьбы Маркса, как это показано выше, вульгарные экономисты противопоставляют теорию классовых гармоний, остальным вопросам они противопоставляют свои различные концепции, главной целью которых является «уничтожение» экономической теории Маркса.

В «теории стоимости» создаются различные теории предельной полезности (Grenz, Final, oder marginalnutzentheorie), теории интроекции в «объекте чувственного состояния субъекта», эклектические «теории»

¹⁵ «Der Zeck», S. 17.

^{15а} Ленин, т. XIII, стр. 302.

издержек производства и предельной полезности, предельной полезности и цен, статические теории цен, представленные в нескольких вариациях. (Оппенгеймер, Шумпетер и др.). Конструируются теории цен без всякой теории стоимости, дабы освободиться от «неприятных сторон» всяких там «субстанций стоимости» (Оппенгеймер, Юровский, Мус), марксистской политической экономии, и объявить фиктивность этих «постулатов». Социал-фашист Браунталь даже создает «общую философию» «преодоления» Маркса¹⁶. То же самое пишет в своем «Материалистическом понимании истории» К. Каутский.

Это «положительная» разработка концепции. За ней следуют «критическая». Начинается поход против «логических противоречий» Маркса. Е. Бем-Баверка «открыл», что III том «Капитала» ликвидировал I; то же повторяет Штольцман, добавляя, что «опубликование III тома «Капитала» было самоубийством для системы Маркса». Отныне она стала патологическим явлением. К Мус в своем «Анти-Марксе» тоже повторяет Бем-Баверка: «Таким образом, Маркс сделал последний шаг, отрицая существовавшие законы стоимости внутри капиталистического производства» («Anti Marx», S. 55).

Теория прибавочной стоимости Маркса есть краеугольный камень его экономической теории (Ленин). Поэтому против этой теории направлено ядовитое жало современной вульгарной экономики, яд которой должен служить отравляющим средством по отношению к пролетариату. Эта теория тоже «уничтожается» различными способами. То ее объявляют невозможной, бессмысленной (Кларк, Шпанн); то ее объявляют неприменимой для целей науки (Зомбарт: «Das Wort Ausbeutung ist also für wissenschaftliche Zwecke nicht verwendbar»). Зомбарт думает «освободиться от назойливой теории эксплуатации, выкинув только «das Wort Ausbeutung». Такая попытка тоже не нова, это старое оружие вульгарной экономики; то совсем объявляют теорию прибавочной стоимости выдумкой социалистов, и конечно в первую очередь К. Маркса: «То, что имеет место в виде пользования услугами человеком человеком, будет вечно, и поэтому в современном (читай буржуазном.— И. П.) обществе имеет место эксплуатация рабочих классом капиталистов» (Штольцман, Шпанн). Такова в общих чертах «критическая» сторона дела.

«Положительные концепции» построены в основном на следующих принципах:

а) «Раз капиталист получает доход, значит он ему следует» (Кларк, Шапошников); здесь отпадают всякие там теории (?— И. П.) не только прибавочной стоимости, но и дохода (синоним прибыли, прибавочной стоимости, вульгарная экономика вообще заменяет эти категории разговорами о доходах или о проценте). Такая незамаскированная апологетика (Кларка) вызвала даже «раздражение» у Е. Бем-Баверка, который свою «теорию» считает более приемлемой хотя бы уже на том основании, что она «объясняет» заслуги получателя дохода, ожидающего «блага будущего».

б) «Получаемый доход есть оплата из услуги» (социально полезные функции» и т. д.) (Штольцман, Шпанн).

¹⁶ Тот, кто еще придерживается того мнения, что картина, которую Маркс составил себе два поколения тому назад об общественных и особенно об экономических отношениях того времени, может быть перенесена на наши (современный капитализм — И. П.) экономические и общественные отношения, тот не понял марксизма. «Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze», S. 13).

Против чего же возражает Браунталь, против какой картины? Против марксовой теории стоимости, прибавочной стоимости, закона народонаселения, специфически присущего капиталистическому способу производства, кризисов, неизбежной гибели капитализма под ударами рабочего класса,— вот против чего восстает и борется социал-фашист Браунталь.

в) «Всякий получаемый доход есть первичный доход» (Браунталь, Нельтинги): «труд — зарплата, земля — рента, капитал — процент». Знаменитая «триединая формула» вуалируется в «теорию вменения, которая есть замаскированная теория услуг, выведенная из того, что раз я получаю, следовательно мне следует (Визер, Феттер и др.).

Во всех этих «теориях» ни о каких противоречиях, полюсах противоположностей даже в мнимой, замаскированной форме речи нет.

Или создается теория, которая может быть формулирована следующим образом: «Если на заре капитализма и имело место получение дохода капиталистами за счет рабочих, то это явление было продуктом того, что спрос на рабочую силу носил монопольный, а предложение — немонопольный характер. Но это явление есть уже исторический анахронизм. Современному обществу (т. е. монополистическому капитализму.—И. П.) она уже не присуща. Здесь никакой эксплуатации нет и быть не может, ибо и рабочие и капиталисты организованы в монопольные союзы (Оппенгеймер, Мус, Супино, Браунталь и др.)».

Чтобы скрыть идейное убожество своих концепций, современная вульгарная экономика облекает свои уродливые принципы в сложную терминологию: создаются теории «статического и динамического хозяйства», учения «о предельном доходе» и т. д. и т. п. Классовый смысл всех этих «теорий» — доказать правомерность эксплуатации, оправдать ее, вместе с тем решительно борясь против теории прибавочной стоимости Маркса, раскрывающей причины, источники, способы эксплуатации и порабощения буржуазией рабочего класса.

Эту теорию «прибавочной стоимости» Оппенгеймера разделяет и «левый» социал-фашист Фриц Штернберг.

Буржуазная экономика в своем действительном расцвете (Рикардо) и в своем длительном историческом похоронном шествии так или иначе отрицала необходимость, закономерность и неизбежность кризисов как экономических явлений, присущих капиталистическому способу производства или только буржуазному способу производства (Кассель).

Кризисы с исключительной силой раскрывают экономические противоречия капиталистического способа производства. Они выворачивают наружу все тяжелые недуги буржуазного общества. Теория кризисов Маркса—Ленина объясняет необходимость, закономерность, неизбежность кризисов для капиталистического способа производства, вытекающих из противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения. Буржуазная экономика создает различные «теории», чтобы доказать, что кризисы если и были, то это, во-первых, не кризисы, во-вторых, если они и были раньше, то теперь их не должно быть; в-третьих, если они есть, то не думайте, что это те кризисы, о которых говорят социалисты, а это «динамическое» явление, которое будет вечно.

Однако на горизонте капиталистических стран не всегда «спокойно», не всегда «просперити»; эпоха кризисов капиталистической системы никакого отношения не имеет к «спокойному», покою, но буржуа свои теории рассматривает и конструирует очень часто как интродукцию его чувственного состояния. «Спокойствия» в условиях «просперити» безусловно больше, чем в условиях кризиса, особенно современного кризиса, происходящего на базе всеобщего кризиса капитализма.

Отсюда из воображаемого, желаемого «просперити», как и из соотношения спроса и предложения и т. д., буржуа и его идеологи выводят теорию статичности и динамики. Первая есть закон покоя. Вторая — изменение покоя, его нарушение, но устанавливаемая законами покоя. Поэтому так облубована теория равновесия во всей вульгарной экономике, от ее «чистой науки» до экономической программы комиссии Гувёра. Еще бы!

Скорей бы вернуться к покою, к равновесию! Такой лозунг всякого буржуа и его идеолога в эпоху потрясенной капиталистического общества.

Но теория «равновесия» статичности, стационарного состояния только этим не ограничивается. Ее основа лежит в том, чтобы представить капитализм как «организованный», спокойный, нормальный, всегда неизменный по всем своим качествам «постоянства капитала» «рабочего населения» и т. д. Теория равновесия есть ключ к теории «организованного» капитализма.

Теория «статичности» и динамики тоже есть фиксация мнимых противоположностей, призванная извращать явления действительности, выражающих или метафизическое отношение спроса и предложения (ложная фантазия Джемса Милля) или ложную фантазию покоя и движения, подчиненного покою.

Четвертый путь. Вульгарная экономия может притти и другим еще путем, «не критическим», а созерцательным (диалектический, доктринерский перевод повседневных представлений капиталистических агентов производства) к анализу мнимых противоположностей, исходя из анализа... например внешней формы проявления действительного «раздвоения единого».

Так например, из отношения товаров, как они проявляются на поверхности, может возникнуть бесчисленное множество вульгарных школ. Главный принцип здесь — «смотря с какой стороны подойти».

Если фиксируется отношение индивида к вещи — одна концепция; вещи к вещи, как они выражены в отношении цен — другая концепция; отношения индивидов, реализующих свои священные права частных собственников — третья концепция; и т. д.

Сделаем некоторые выводы:

Предмет и метод неовульгарной экономии наделен одинаковыми чертами. Родовые признаки неовульгарной экономии одинаковы. Методологическим исходным пунктом, а следовательно и экономическим содержанием (неовульгарной) «субъективно психологической и «социальной», фашистской, социал-фашистской школ и направлений вульгарной экономии является извращенная форма, в которой выражается действительное извращение» (Маркс) капиталистического способа производства. Видовые различия существенны. Они целиком обусловлены тем различием эпох и стран, в которых «стяжали себе славу» и вели и ведут воинственную борьбу за капитализм и против социализма все эти направления вульгарной экономии. Общим этих «систем» является метафизический метод, типичным идейным арсеналом которого являются реакционное прошлое, закостенелое, консервативное настоящее.

Попытаемся проследить особенности различных направлений вульгарной экономии.

Обобщая методологические ухищрения основных направлений вульгарной экономии последней четверти XIX столетия и современной вульгарной экономии (XX века), необходимо оговорить, что внутри этих школ и направлений имеется много ответвлений, оттенков, носящих следы всей казуистической производительности, присущей вульгарной экономии.

Примечание. Так называемая «субъективная школа» в данном анализе охватывает не только австрийцев, но и англоамериканцев и математиков. Между этими направлениями есть существенные различия, вытекающие из характера возникновения этих направлений в различных странах, в различных условиях развития капитализма и классовой борьбы. Отсюда и естественно материалы и формы апологетики. Моменты единства направлений здесь сгруппированы на анализе ряда категорий вульгарной экономии.

Первая особенность

субъективной психологической школы (господствовавшей во второй половине, особенно в последней четверти XIX столетия).

Явления, подлежащие исследованию, абстрагируются от общественной среды¹⁷ и ее исторического развития и рассматриваются как явления вечные, неизменные (ценность, капитал, кризисы, закон падающей доходности и т. д.)— все это вечные и универсальные категории.

Исходным пунктом экономического анализа берется извращенная форма явления: отношения индивида к вещи, вещи к вещи как отношения цен.

Вторая особенность

Место исторически определенного буржуазного производства, который только и доступен кругозору вульгарного экономиста, благодаря его кристаллизации, в превратных явлениях в умах представителей вульгарной экономики занимает изолированный homo economicus, наделенный психикой маленького буржуазного мирка, который тождественен обществу, или «экономические феномены» рассматриваются как интроекция в объекте чувственного состояния субъекта (Оржешский). «Измерением богатства может заниматься изолированный человек. Больше того, это может делать только изолированный человек или лучше отдельное, самостоятельное существо» (Кларк, Философия богатства). «Wen sich der Mensch, die kleine Narren welt gewöhnlich für ein ganzes hält». Такова действительная философия ума, отражающая «философию богатства» вульгарной экономики.

Первая особенность

«социального» направления, распространившегося в XX столетии.

Явления, подлежащие исследованию, абстрагируются от действительного общественного обусловленного процесса производства и его исторического развития. Частная собственность, конкуренция, эксплуатация—вечные категории. Исходным пунктом анализа является извращенная форма явления: правоупорядка, этики, целей, идей и т. д., представляющих не что иное, как идеализацию частной собственности, эксплуатации в категориях «рабства», «свободы», духовных устремлений.

Вторая особенность

Место исторически определенного буржуазного способа производства с его реальными экономическими отношениями и противоречиями занимают «общественные отклонения», которые в своей бманчивой и поверхностной форме и образуют одностороннюю извращенную форму экономической действительности. Общественные отношения людей, овеществленные в товарах, проявляются на поверхности как ряд извращенных, повернутых «в обратном в де» явлений. В этом мире видимостей, извращающих действительность, находит все свои премудрствования вульгарная и неовульгарная экономика.

В самом простейшем отношении двух товаров: X товара $A = U$ товара B , так оно проявляется на поверхности, лежат уже все исходные позиции неовульгарной экономики.

В самом деле для неовульгарного экономиста X товара $A = U$ товара B есть отношение вещей друг к другу. Их приравнивание друг к другу происходит при помощи цен. Отсюда вульгарный экономист делает вывод: обмен вещей регулируется ценами (Юовский, Шапошников, Парето, Зомбарт, Кассель). Причем, так как цены выражают отношение вещей, вульгарный экономист ставит знак тождества между потребительской стоимостью и ценой (Кассель).

Но чтобы A приобрел вещь U , он должен ее «желать». Мера желания сплывающе находит свое измерение в цене. Отсюда «новая концепция»: цена и мера тся мерой желания, а мера желания—ценой (Маршалл). Дальше, эту вещь « X » или « U » вульгарный экономист «сценивает» с точки зрения ее «пользы». Критерием оценки здесь выступает уже не отношение только вещи к вещи, а отношение индивида к вещи. В основе его оценки лежат психические (идеалистические) субъективные «принципы» (австрийцы, Гossen).

¹⁷ Ценность предметов не зависит от социальных особенностей хозяйства... даже от самого существования общества. Менгер,— Основы.

На основе совпадения: X товара $A = U$ товара B , «цен спроса благ» и «цен предложения благ» (Шумпетер) математическая школа делает вывод о том, что это равенство вытекает и обусловлено функциональной зави-

симостью между полюсами этого равенства. Из этого простого равенства при метафизическом методе рассмотрения, которым пользуются математики, можно построить целый ряд уравнений с функциональными зависимостями различного рода: 1) спрос (F) цены; 2) предложение (F) цены; 3) предложение (F) спроса; 4) спрос (F) предложения; 5) цена (F) спроса; 6) цена (F') предложения; 7) цена ряда $A B C D$ (F), ряда цен $E F H K$ и т. д. Математики придают главное значение следующим моментам: а) доказательству функциональной зависимости спроса от цен и цены от спроса; б) что спрос (или цена спроса) является определяющей для цен предложения. Это вполне вытекает из того положения, что потребительная стоимость и цены друг друга объясняют; в) доказательству равновесия спроса и предложения. Правда, тут и «доказывать» не приходится, ибо исходным пунктом анализа является равновесие « X товара $A = U$ товара B ».

Нетрудно также заметить, что как закон максимума полезности, так и закон предельной полезности получается из разности цен спроса комбинированных с количеством спроса благ (причем оба момента устанавливаются совершенно произвольно и априорно) и цен предложения комбинированных с количеством предложения благ (тоже установленных априорно). Сравним хотя бы у Шумпетера объяснение цен и предельной полезности¹⁸, или теорему Тутан-Барановского о предельной полезности как функции им понимаемой «трудовой стоимости»¹⁹, или теорию цены Госсена, выраженную математически Вальрасом, и т. д.²⁰. Сами эти соотношения цен и количества благ спроса и цен и количеств благ предложения находятся в определенном состоянии равновесия, вытекающем из закона максимума полезности или предельной полезности. В самом деле. Даны два блага A и B . Если блага A имеется 19 единиц, и блага B 10 единиц, то разность цен спроса на блага A и цен предложения на блага A , а также разность цен спроса на блага B и цен предложения на эти же блага определяется тем значением, которое им придается на основе максимума полезности или предельной полезности. К примеру: 1-я единица $A = 10$, 2-я — 9, 3-я — 8 и т. д.; то же в отношении B , первая единица B рассматривается со значением 10, вторая — 9 и т. д.

Сами математики, как только они переходят от сложных кривых спроса и предложения к объяснению цен спроса и цен предложения и т. д., они сами расшифровывают изложенный здесь ход их рассуждений и построений. Вывод: у математиков все дело сводится к объяснению цены — ценой и цен — законами максимума полезности и предельной полезности, которые объясняются ими ценами.

Затем есть еще отношения A к B . Выступают они друг по отношению к другу как владельцы своих товаров, как их собственники. Отсюда вульгарный экономист делает вывод: A приобрел «вещь U », а B «вещь X » потому, что они заключили между собой определенную юридическую сделку купли-продажи. Сама эта юридическая сделка поконится на священном праве частной собственности. Именно это и пропанагирует вульгарный экономист «социального» направления. Подменяя экономическую науку правовыми отношениями, покоящимися на институте частной собственности, он тем самым выдает буржуазные отношения собственности за основу экономической науки и ее процветания. Но что толкает людей на юридические сделки? Цели, этика, идеи целостности, обмен услугами и т. д. Штольцман, Штаммлер, Шпанн и др.).

¹⁸ «Das Wesen und die Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie.

¹⁹ «Теоретические основы марксизма».

²⁰ Блюмин, Субъективная школа, т. II стр. 184, дана математическая формула Госсеновской теории цены.

Третья особенность

Явления, органически между собой связанные, отделяются друг от друга непроходимой пропастью, они изображаются как изолированные метафизические сущности, затем они соединяются в случайные взаимоотношения чисто рассудочным путем. Так соединяются homo есопотісис с природой, homo есопотісис с другими ему подобными, «изолированными» и «самостоятельными» «сущностями», homo есопотісис с его «неразлучной» (отчужденной от него насильственными, казуистическими рассуждениями о редкости благ и шкалах потребностей) потребительной стоимостью.

«Вообразим себе некоего субъекта, высаженного среди океана, на уединенную скалу» (Смирнов, Очерки теории ценности, стр. 17). Бемовский путешественник «по раскаленным пескам пустыни» и у «обильного источника пригоняй для питья воды» («Основы теории ценности хозяйственных благ», стр. 18) и т. д.

Третья особенность

Явления, органически между собой связанные экономическими отношениями (и противоречиями), отделяются друг от друга непроходимой пропастью; их соединение происходит под «формой» «общего» «единого целого».

В своем учении «целостности» вульгарные экономисты «социального» направления втискивают все явления в прокрустово ложе своей единой универсализированной цели, этической нормы идеи. Все явления станоятся друг другу тождественными. Рабочий и капиталист ничем не отличаются друг от друга. Классы при капитализме уже в настоящее время не кастообразны, не отделены друг от друга герметической стеной. Переход от одного класса к другому может происходить не только согласно правовым установлениям, но и фактически происходит... Такая схема помогает каждому занять то место, на котором он лучше всего служит целому (Штольцман). Все равны перед вечными идеями и т. д. Но исключение, оказывается, есть для более «способных», куда в первую очередь входят полицейские, «капитал высшего порядка» (Шпанн). Такое противоречие неизбежно. Избранный фетиш, которому служит вульгарная экономика, подобно богу Беркли сразу становится неравным всем вещам. Беркли все сводит к ощущениям своего. Весь мир есть его собственные ощущения. Только не бог. Все «равны» перед буржуазным законом, кроме полицейского всеильного буржуа. Таково учение «социального» направления вульгарной экономики.

Величайшим идолом вульгарной экономики является капитал, но не капитал вообще, а более конкретно — капитал высшего порядка, при фашистской форме государства. Об этом пишет не только Шпанн, Хр. Эккерт, но и Отто Бауэр:

«Государственный капитализм нарождается именно в фашистской Италии в удивительно чистой и развитой форме. Мировая история сыграла злую шутку тем, что она именно... Муссолини, олицетворение, главу, вождя антимарксизма избрала для решающих шагов на том пути, который должен привести к цели, указанной нам Марксом» («Arbeiter Zeitung», ноябрь 1931 г.).

Об этом же говорил Хр. Эккерт в 1929 г., только более решительно подчеркнув, в чем действительная особенность прикования рабочих к капиталу, осуществленной фашистской хартией труда и Т. Батя. О. Бауэр предлагает рабочим идти в кабалу фашистской реакционной деспотии капитала над рабочими, называя это шагом к цели, указанной нам Марксом²¹.

²¹ Социал-фашизм и фашизм выступают с одинаковой программой в разных ролях.

Четвертая особенность

Явления рассматриваются по их абстрактному тождеству. Связь между абстрактно тождественными явлениями, т. е. связь этих явлений, как они проявляются на поверхности и доступны теоретическому познанию вульгарной экономии, устанавливается при помощи аналогии.

«Один из важнейших принципов моей теории закл^дчается в том, что она п^дказывает, каким образом регулирующее хозяйственное поведение отдельного лица и организационный принцип менового оборота совершенно тождественны» (Р. Лифман). К. Менгер ставит знак тождества между обменом этрусских и кельтских племен и обменом в современном капиталистическом обществе. Сведен е различий, существующих между современной торговлей передовых капиталистических стран и более выгодным «экономическим обменом» этрусских и кельтских пл^дмен, а также между Робинзоном и Пятницей,—к их единству совершается при помощи аналогии, предполагающей явления, абстрагированные от их исторического развития, тождественными.

Пятая особенность

Своим «экономическим» категориям неовульгарная экономия приписывает только количественное значение. Причем, так как игнорируются качественные особенности (типы производственных отношений), то измерению количественному подвергаются наряду с прекрасными формами экономических явлений (цена, деньги) явления психики и физико-химических свойств вещей. «... хозяйственная ценность есть количественное значение, в отличие от других ценностей (?) означает исключительно и только количество» (Юровский).

«Законы предельной полезности, максимума полезности знают только «количество» как уменьшение, увеличение, повторение».

Закон предельной полезности имеет дело с единицами и совокупностями единицами, закон максимума полезности с единицами, их увеличением и уменьшением (бесконечная дробимость). Ни закон предельной полезности, ни закон максимума полезности не касаются анализа производственных отношений, производительности общественного труда.

Четвертая особенность

В обеих системах методология одинакова. «Социальники», так же как и «субективисты», вставляют все категории быть одного «социального» происхождения: этического, божественного, телеологического. Явления рассматриваются по их абстрактному тождеству. Связь между ними устанавливается при помощи аналогии.

Штольцмановский закон конкуренции—как такового космоза. То же и по поводу эксплуатации. Штольцман заявляет, что эксплуатация вечна и что в современном капиталистическом обществе рабочие эксплуатируют другие классы.

Пятая особенность

Австрийцы имели дело с абстрактным количеством. «Социальники», поскольку дело идет о количестве, повсюду заявляют о своем согласии с австрийцами; об этом говорят не только амонновские «grundzüge» но и штольцмановский «Der Zweck», то же у Дил и других. Поскольку же дело идет о качестве (т. е. об анализе различных экономических отношений), «социальное» направление целиком и полностью остается верным природе и духу вульгарной политической экономии. Однако ее особенность заключается в том, что каждую категорию действительно экономической науки она ликвидирует и извращает по-своему.

Вульгарная экономия испытывала и испытывает одновременн^д (все эти школы эклектизма) различные пути борьбы с марксизмом, с научным объяснением (и особенно с научным доказательством необходимости уничтожения буржуазного способа производства). Первый путь—отрицать все то, что говорят марксисты. Марксисты говорят, что эксплуатация есть, они говорят—ее нет и быть не может (Кларк, Бем-Баверк).

Второй путь—доказать, что все то, что говорят марксисты о капитализме, выглядит совсем не так плохо, как об этом они тенденциозно говорят, а наоборот, «все, что присуще капитализму, будет существовать вечно, а в капитализме все эти особенности проявляются исключительно «цивилизованно», «культурно» на основе полного господства «свободы», «равенства» перед законом».

Нельзя сказать, чтобы «социальное» на-

Шестая особенность

Мнимая каузальность (австрийцы) или полный отказ от причинного метода исследования, замена его метафизико-механистическим или «функциональным» методом. Все изложенные выше особенности показывают, что никакого закона причинности у субъективистов нет и быть не может. Понятие причинности, не заключающей в себе связи явлений в их развитии через противоречие, отражающей действительное развитие—есть мертвый принцип, пустой по своему содержанию. Таковы основные особенности методологии «субъективной школы». И предмет и метод «субъективной школы» характеризуются вышеизложенными чертами, и предмет и метод этой школы являются особой (извращенной) формой познания той непосредственной чувственности (данности), которая доступна восприятию буржуазной апологетической мысли.

«Вульгарная экономика,—пишет Маркс,— в действительности не делает ничего нового, как только доктринарски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления буржуазного производства, закованного отношениями этого производства». Неовульгарная экономика: австрийцы, англо-американцы, то, что известно в нашей литературе под именем «субъективной школы», выступает сознательно против научной политической экономии, окончательно разрывает с научной буржуазной экономией классиков под видом «новой теории». Только тогда, когда главной целью вульгарной экономики становится борьба против теории трудовой стоимости, теории прибавочной стоимости, исследованных и объясненных Марксом, только тогда наиболее ярко и рельефно выступает необходимость для буржуазной экономики враждебно противопоставить себя действительно научному экономическому объяснению явлений.

Шестая особенность

правление придерживалось одного пути. В борьбе с теорией трудовой стоимости они ее просто отрицают. В вопросах «качества» они идут вторым путем. Они заполученную только ими божественную истину проповедуют очень просто. Качество—такая же категория, как и все другие, поэтому наделим ее теми же титулами: телеология, этика, идеи, божественные премудрости.

«Социальная школа» отрицает наличие экономических закономерностей в развитии общества. Штольцман в «Der Zweck» начинает свое изложение «программы-метода», своей «социально-организмической концепции» делением «всех наук» согласно двум великим принципам—телеологии и каузальности. Об этих двух великих принципах, из которых один (телеологический) господствует в мире «духовных» (культурных) явлений, т. е. в обществе, а другой (каузальный)—в мире произвола и стихии, т. е. в природе, говорят все представители неовульгарной политической экономии, примыкающие к так наз. «социальной» и «универсалистскому», а также «Verstehende Nationalökonomie» (Зомбарт) направлениям (Штамлер, Штольцман, Шпанн, Зомбарт и т. д.). Там, где господствует телеология, там ни каких закономерностей нет, ибо все основано на свободном волеизъявлении творца «правопорядка». Там, где господствует каузальность, там господствуют произвол и стихия, и опять-таки ни о каких закономерностях не может быть речи, ибо объективных закономерностей для неовульгарной экономики не существует, а «закономерности», приравненной к «духовным» качествам вульгарного экономиста, «произвол» и стихия не подчиняются.

Вульгарная политическая экономика в сфере «науки» имеет один единственный способ борьбы против диалектического материализма, формулирующего железные законы необходимости развития и неминуемой гибели капитализма, вскрывающего путь исторического развития буржуазного способа производства и его неизбежного крушения под ударами пролетарской революции (восстающего и побеждающего пролетариата). Этот способ давно известен реакционной философии и всякому реакционному мировоззрению, а именно отрицание закономерностей общественного развития, подчинение всего произволу, почему-то на языке волеизъявлением духовного творчества, «творца правопорядка». «Социальная школа» уподобилась той реакционной философии которая в борьбе с материализмом ничего кроме своего «я» не признавала; ее отличие от этой философии состоит в том что свое «скромное» «я» она заменяет поцейским или другим, более представительным творцом современного буржуаз-

ного правопорядка, которого она наделяет всеми могуществами творца «социального» правопорядка. Переход от «я» к универсальному прекрасно объяснен Лениным. «А это значит, что очень простой или очень сложный идеализм берется за основу—очень простой, если дело сводится открыто к социализму (я существую, весь мир только мое ощущение); очень сложный, если вместо маски, представления ощущения живого человека берется мертвая абстракция (ничья мысль, ничье представление, ничье ощущение мысли вообще), абсолютная идея, универсальная воля и т. п.»²².

Что означает эта абсолютная идея, универсальная воля в идеологии современной философии и политэкономии также прекрасно вскрыто Лениным. Это идея—бог или замаскированный в форме «универсального» обожествленный капитал.

Анализ методологии социал-фашистской и фашистской (корпоративной) политической экономии вскрыт здесь неполно. Поэтому мы оставляем за собой право вернуться к этому вопросу в другой статье. В дальнейшем мы обратимся к критике системы современной вульгарной экономии на анализе отдельных категорий и всей их концепции в целом.

²² «Материализм и эмпириокритицизм», изд. 1930 г., стр. 272.

М. ЛЮЛИНЕЦКИЙ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТА

Марксо-ленинское учение дает нам единственно правильное понимание исторической обусловленности транспорта в зависимости от социально-экономической формации, в условиях которой он развивается. Исходя из этого положения, мы можем установить значение транспорта и его роль в капиталистической системе хозяйства. Мы рассматриваем транспорт вслед за Марксом как область материального производства. Маркс по этому поводу пишет:

«Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности существует еще четвертая область материального производства, которая тоже проходит различно ступени ремесленного, мануфактурного и механического производства — это транспортная промышленность... все равно перевозит ли она людей или товары. Здесь отношение производительных, т. е. наемных рабочих к капиталисту совершенно такое же, как в других областях материального производства»¹.

Производственные отношения на транспорте при капитализме ничем не отличаются от производственных отношений в капиталистической промышленности. И там и здесь действуют те же законы эксплуатации, основанные на присвоении прибавочной стоимости. Особенность транспорта в том, что он является «продолжением производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения» (Маркс).

Таким образом транспорт по Марксу не только особая самостоятельная отрасль производства, но он является вместе с тем обязательным продолжением производственного процесса промышленности и сельского хозяйства в сфере обращения.

С развитием производства и транспорта увеличивается и расширяется сфера приложения капитала, возрастает гнет капитализма. Маркс показал, как транспорт, и особенно железнодорожный транспорт, является оплотной материальной силой, с помощью которой капитализм разрушил феодальные устои хозяйства, преобразовав его по образу и подобию своему. Внедряясь в колониальные и аграрные страны, капитализм, используя развитие транспортных средств, все больше разоряет и закабалает там трудящиеся массы. «Китайские железные дороги, — писал Маркс, — означают разрушение всей основы китайского земледелия и домашней промышленности, причем здесь это зло не будет даже уравновешено хотя бы в некоторой мере развитием собственной крупной промышленности, и потому сотни миллионов народа будут поставлены в полную невозможность жить»².

Так как пути сообщения при капитализме являются как бы аванпостом для наступающего империализма по отношению к колониальным и зависимым странам, то вполне естественно, что буржуазные государства всемерно поощряют развитие транспорта. Известно, что железнодорожное строительство сопровождалось в ряде стран небывалым гондерством. В

¹ «Теории прибавочной стоимости», вып. 1. стр. 273.

² Маркс, Энгельс, Письма, изд. 1922 г., стр. 301.

САСШ например конгресс законами 1862 и 1864 гг. обеспечил за ж.-д. компаниями, которые должны были связать Миссури с Тихоокеанским побережьем, за каждую милю ж.-д. полотна 10 кв. миль земли. В период 1870—1890 гг. разным ж.-д. компаниям было роздано около 55 млн. акров, т. е. территория больше всей Германии. Постройка Южной тихоокеанской дороги фактически обоилась в $6\frac{1}{2}$ млн. долл., а банк, финансирующий это строительство, реализовал облигаций на 40 млн. долл. Строительство железных дорог везде сопровождалось выпуском вздутых акций и огромным количеством облигаций. Это делалось для привлечения легковерной публики, для установления «низкого» дивиденда и высоких ж.-д. тарифов. Естественно, что кроме усиленной эксплуатации рабочих, крестьян и мелких фермеров ж.-д. компания широко экспроприировала и мелких держателей этих акций и облигаций. Известно, что экономическая политика империалистических стран всей созвучностью своих мероприятий, и в том числе тарифной, налоговой, кредитной и таможенной политикой, способствует дальнейшей концентрации крупного капитала при разорении мелкой буржуазии. «Нет ни одной экспортирующей хлеб страны,— пишет буржуазный экономист Шульц,— в которой можно было бы с такой ясностью проследить влияние железных дорог на сельское хозяйство, как в России»³.

В царской России, как и во всех империалистических странах, мы можем проследить широчайшую помощь и покровительство со стороны правительства ж.-д. строительству. Чем объясняется такое покровительство ж. д. и другим видам транспорта? «В экономической борьбе народов,— пишет Лотц,— пути сообщения являются такой же частью вооружения, как в военной борьбе современное огнестрельное оружие»⁴.

Вполне понятно, что анархия капиталистического производства с его бешеной конкуренцией на внутреннем и международном рынках чрезмерно увеличивает необходимость в транспортных средствах. Огромное количество нерациональных перевозок (повторных, встречных, излишне дальних) приводит к тому, что транспортный аппарат используется крайне анархично. Основной капитал транспорта в 1913 г. оценивался свыше 100 млрд. долл., из этого количества более $\frac{1}{3}$ приходилось на железные дороги. Больше $\frac{1}{10}$ всех основных фондов было сосредоточено на транспорте. Идет усиленная конкуренция между различными видами транспорта, как и внутри каждого из этих видов транспорта. Конкуренция между железными дорогами и водным транспортом, который железные дороги не без успеха достигли до войны 1914 г., дополняется усиленной конкуренцией со стороны автомобильного и специальных видов транспорта. Газопровод, нефтепровод, электропровод отнимают у железных дорог все большую часть топлива — этот основной массовый груз. Автотранспорт, а частью авиотранспорт отнимает часть пассажирских перевозок и ценные грузы. Автотранспорт в последние годы успешно конкурирует с железными дорогами и в перевозке массовых грузов на значительные расстояния до 200—300 км и больше. Однако, когда мы рассматриваем экономическую борьбу между железными дорогами и водным транспортом, между старыми и новыми видами транспорта, мы никогда не должны отвлекаться при анализе от политических моментов.

Известно, что пути сообщения, а особенно ж.-д. пути являются важным фактором в политике империалистических стран. Железные дороги играют выдающуюся роль в современных войнах, и это было отмечено еще более полвека назад видными военными специалистами и политиками буржуазии (Мольтке, Бисмарк). Этим объясняется крайняя заботливость империалистических правительств в отношении ж.-д. транспорта, который

³ Шульц, Железные дороги и народное хозяйство.

⁴ Там же.

должен был быть еще в мирное время подготовлен для войны. Выкуп железных дорог, произведенный в ряде стран правительством, имел целью не только экономические, но и военных соображения.

Опыт империалистической войны показал, что железные дороги не справляются с огромными потребностями в перевозках.

С другой стороны, война привела к сильнейшим изменениям в судоходстве, что проявилось в росте техники и в дальнейшей централизации пароходства.

Железные дороги применяют самые разнообразные методы конкурентной борьбы в отношении водного транспорта. Особенно велика конкуренция железных дорог с внутренними водными путями, в отношении которых железные дороги в период навигации широко применяли резкое снижение тарифов (на 50% и более), с тем, чтобы вытеснив конкурента, с лихвой зимую покрыть понесенные убытки; железные дороги помимо обычных методов борьбы, выражающихся в скупке предприятий водного транспорта, в приобретении причальных полос для недопущения смешанных перевозок, в чрезмерном повышении ж.-д. тарифов на направлениях, ведущих к водным путям, практиковали тайные соглашения с крупными отправителями, предоставляя им исключительно льготный тариф. Часто ж.-д. линии не доводились до гаваней и пристаней, чтобы не дать возможности водному транспорту отвлечь грузы с железной дороги.

Конкурентная борьба ж.-д. компаний, располагающих огромными капиталами, с менее концентрированным капиталом водного, особенно речного, транспорта, давала определенный перевес железным дорогам.

Однако конкурентная борьба крупнейших монополий, особенно в послевоенный период, внесла значительные изменения. Часть монополистических объединений использовала водный транспорт в борьбе с железнодорожными компаниями, связанными с другими монополистическими группами. Большие капиталовложения, произведенные в водном транспорте, сильно повысили органический и технический состав капитала этих предприятий. Увеличение тоннажа, обновление судов, углубление речных фарватеров и каналов наряду с широкой механизацией погрузочно-разгрузочных работ,— все это усилило позиции торгового флота в его конкурентной борьбе с железными дорогами.

В 1913 г. 29 судоходных компаний сосредоточили у себя $\frac{1}{4}$ мирового тоннажа, а в 1925 г. 45 компаний контролировали уже более $\frac{1}{3}$ тоннажа. Еще больше проявляется процесс концентрации в национальном масштабе. В Германии до кризиса 7 концернов контролировало $\frac{3}{4}$ торгового флота, в Англии 6 концернов контролировало 42% торгового флота, во Франции 17 пароходств объединяло более $\frac{1}{2}$ флота; в САСШ—40% тоннажа контролировались морским департаментом. Эта концентрация морского транспорта всемерно облегчалась и поощрялась государственной властью. Очень яркое объяснение такому отношению государства мы находим в словах американского президента Гувера: «Торговый флот нам необходим для внешней торговли и для нашей обороны». Понятно конечно, о какой «обороне» здесь идет речь. Такие же «оборонительные» задачи преследуют другие империалистические страны, способствуя развитию морского торгового флота. Известно, что торговые суда официально признаются резервом военного флота, а потому их строительство и приспособляется к этой цели. Этого не отрицают и различные комиссии по «разоружению», столь частые для современного империализма. Вашингтонская конференция (1922 г.) предусматривает «укрепление палуб, необходимое для того, чтобы поставить орудие не более 6 дм. калибра».

План конструкции торговых судов, сооруженных в САСШ за счет правительственных займов и субсидий, соответствует спецификации мор-

ского департамента. Это значит, что на этих судах устраиваются основания для орудий, размещаются машины в защитном от огня месте, и общая конструкция судна приспособляется для военных целей.

Кто отвлекается от этих противоречий (вольно или невольно), тот не может дать правильный анализ конкурентной борьбы железнодорожного и водного транспорта в капиталистических странах. Вот почему например утверждение буржуазного апологета проф. Авилова, которое мы сейчас приведем, фиксируя конкретное явление, не в состоянии дать ему сколько-нибудь вразумительное объяснение. «За последние 10-летия перед войной железные дороги всюду считались наиболее выгодным и универсальным видом транспорта. Война явилась как бы переломным моментом (подчеркнуто мною. — М. Л.). После войны везде началось возрождение водного транспорта. Он начинает отвозвизать у железных дорог ранее сданные позиции»⁵.

Но стоит вспомнить о торговом флоте как о скрытом резерве военного флота и тех изменениях, которые произошли в конкурентной борьбе между ним и ж. д., чтобы стало вполне понятным и широкое покровительство государства, выражающееся в сотнях миллионов рублей субсидий, и рост парового флота, и мощное дизелестроение, и переход к новым типам судов, и наконец возросшая концентрация (национальных) пароходств.

Говоря об авиотранспорте, Авилон также абстрагируется от империалистической политики. Известно, что авиация настолько связана с войной, что потребует огромного количества авиоединиц и персонала, которых не в состоянии держать в мобилизационной готовности ни одна страна в мире (по экономическим и техническим соображениям). Этим объясняются огромнейшие субсидии и льготы, которые предоставляют буржуазные правительства развитию авиопромышленности и авиотранспорта в своей стране. Развитие гражданской авиации благодаря государственным субсидиям сделало большие успехи в последние годы. Вместе с тем сильно обострилось соперничество за авиотранспорт между крупнейшими империалистическими странами. Авиотранспорт, чтобы стать экономически выгодным для эксплуатации, должен стать мировым средством сообщения. Авиолинии должны совпадать с важнейшими мировыми торговыми путями. Но этому препятствуют капиталистические отношения. Границы капиталистических стран, враждующих и конкурирующих между собой, являющиеся непреодолимым препятствием этому. Не помогают и отдельные соглашения между капиталистическими странами, так как при малейшем осложнении, не говоря уже о войне, авиолиния со всем ее оборудованием обречена на бездействие.

Не странно ли, что Авилон все будущее авиации сводит к разрешению проблемы посадки без площадок и обходит выше поставленные капиталистические противоречия.

Но Авилон не одинок в своем «методе». Все буржуазные экономисты, рассматривая транспорт, тщательно абстрагируются от капиталистических противоречий. В целях облагораживания капитализма они рассматривают развитие транспорта как культурную и гуманную деятельность капиталистов. Транспорт теряет при этом у них все характерные черты той общественно-экономической формации, в условиях которых он возник и развивался. Буржуазные экономисты не видят конкурентной борьбы на транспорте, особенно если это касается ж.-д. транспорта; они упорно ссылаются на ж.-д. монополию, считая ее абсолютной и «естественной».

«Система свободного частного предпринимательства и конкуренции, — пишет проф. Загорский, — никогда не может удержаться в применении к ж.-д. делу сколько-нибудь продолжительное время. Повсюду раздробленные

⁵ «Гудок» № 916 от 8/XII 1931 г., ст. Авилова «Попытки сочетать отдельные виды транспорта в САСШ и Германии».

ж.-д. сети постепенно уступают место последовательному и систематическому объединению всех железных дорог в одну транспортную систему, обслуживающую всю страну как одно целое»⁶.

Такой же «железнодорожный вариант» теории «организованного капитализма» мы находим и у т. Бессонова.

Вот что пишет т. Бессонов в статье «100 лет железных дорог»: «К величайшему изумлению всего капиталистического мира железные дороги оказались очень быстро стоящими вне основного закона капитализма — закона конкуренции. Основная предпосылка классического учения о конкуренции — предположение о свободной переносимости труда и капитала из одной области в другую, — оказалась битой на примере железных дорог. Железные дороги оказались не в состоянии конкурировать одна с другой по целому ряду причин. Во-первых, потому, что капитал, затрачиваемый на железную дорогу, вкладывается в такой специфической форме (рельсы, мосты, локомотивы, вагоны) что не может быть снят и реализован для других целей. Железные дороги оказались до некоторой степени непереносимыми и потому монопольными. Во-вторых, понижение издержек производства на железной дороге может происходить лишь в очень узких пределах, вследствие того, что капитал здесь обладает очень высоким органическим строением и подавляющая часть издержек (на ремонт пути, содержание станций, движение локомотивов и пр.) остается неизменной при любом количестве грузов. В силу этого немногочисленные исторические попытки конкуренции железных дорог, например в Америке, заканчивались обычно не победой одной линии над другой, а крахом обеих конкурирующих линий. Наоборот, с исключительной силой выступила вперед проблема согласования (подчеркнуто мною — *М. Л.*), сочетания работы различных ж.-д. линий, полная бесплодность хаотической постройки железных дорог в расчете на победу в будущей конкуренции»⁷. И это пишется тогда, когда и в САСШ и других странах мы имели бешеную конкуренцию ж.-д. компаний. Мы оставляем в стороне и другие два ошибочных положения т. Бессонова о «переносимости» капитала железных дорог, как и вопрос о преобладании неизменных издержек: ж.-д. транспорт Англии во время войны переносился частью во Францию (шпалы, рельсы и т. д.); так называемые фиксированные издержки также зависят от размеров работы транспорта (рельсы, шпалы, ремонт пути, подвижной состав).

Смешно, когда т. Бессонов стыдливо выступает в роли «критика» теории «организованного капитализма, сам стоя на этих же методологических установках.

«Проблема международного регулирования железнодорожного оборота и международной нормализации в области ж.-д. хозяйства уже давно стала одной из самых жгучих проблем мирового производственного организма, даже в условиях паровой техники. Назревший повсюду переход на электрифицированный железнодорожный транспорт выдвигает потребность в такой тесной увязке всего транспортного хозяйства с ж.-д. транспортом, что капитализм едва ли (подчеркнуто мною — *М. Л.*) может справиться с этой колоссальной задачей»⁸.

Такое же непонимание противоречий капиталистического транспорта проявляет и т. Бухарин в своей работе «Мировое хозяйство и империализм» (стр. 28).

Тов. Бухарин пишет: «Чем больше развиты средства транспорта, чем быстрее и интенсивнее происходит движение товаров, тем скорее идет процесс сращивания отдельных локальных и «национальных» рынков, тем

⁶ Загорский, Экономика транспорта, стр. 158.

⁷ «Плановое хозяйство», № 10, 1925 г.

⁸ «Плановое хозяйство» № 10, 1925 г., стр. 160.

скорее растет единый производственный организм мирового хозяйства. Таковую роль играет в экономической жизни паровой и электрический транспорт». Если здесь в стыдливой форме смазываются противоречия империализма, его анархичность, антагонистичность и неравномерность развития, то в работах Зомбарта, Каутского, Гильфердинга, Бауэра и других фашистов и социал-фашистов капитализм вступает в роль, прямого благодетеля.

«Максимальное удешевление перевозок малоценных грузов,— пишет буржуазный Блум,— оказывает большую услугу народному хозяйству»⁹. По Каутскому не империализм, а постройка железных дорог было главным средством открытий для капитализма, т. е. для промышленности — тех сельскохозяйственных и разумеется докапиталистических областей в качестве рынков и источников сырья, в которых эта промышленность нуждалась»¹⁰.

К этим буржуазным апологетам и относятся слова Ленина: «Постройка железных дорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за преукрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия частной собственности на средства производства, вообще превратили эти постройки в орудие угнетения миллиарда людей (колонии + полуколонии), т. е. более половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизированных странах»¹¹.

* * *

Перейдем сейчас к рассмотрению состояния современного капиталистического транспорта. Капиталистический транспорт, как и весь капиталистический мир, поражен сейчас небывалым по своей глубине и силе кризисом. Основа кризиса лежит в противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения — это характеризует все капиталистические кризисы. Особенностью современного мирового экономического кризиса является то, что он развивается на основе всеобщего кризиса всей капиталистической системы, причем промышленный кризис переплетается с кризисом аграрным. Капиталистическая система не только тормозит развитие производительных сил, но непосредственно способствует на данном этапе их разрушению.

Характеризуя итоги истекшего года в капиталистических странах, т. Молотов в своем докладе на 2-й сессии ЦИК СССР говорит: «Все страны капитализма захвачены кризисом невиданной силы, причем кризисом, который продолжает все углубляться. Все эти страны продолжают катиться под гору, сокращая свое производство, свертывая строительство, выбрасывая все новые миллионы голодных на улицу».

Резкое сокращение производства, отбросившее по уровню продукции крупнейшие капиталистические страны на 30—40 лет назад, обострение аграрного кризиса, небывалое обнищание трудящихся, сжатие товарооборота,— все это сильнее всего отразилось на состоянии современного капиталистического транспорта.

Железные дороги, являясь наиболее старой и застойной отраслью капиталистического хозяйства, будучи вместе с тем наиболее массовым видом транспорта (большая часть грузов перевозится в подавляющем числе стран на железных дорогах), резко замедлили свое развитие еще до кризиса. Но сейчас загнивание этой отрасли хозяйства выступает с особой силой.

⁹ Блум, Выбор транспортных средств.

¹⁰ Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 555.

¹¹ Ленин, т. XVII, стр. 245.

Прирост ж.-д. сети всего мира в 1927 г. по данным Анерсвальда¹² составил 16,9 тыс. км, а в 1929 г. — 3,2 тыс. км. Прирост ж.-д. сети мира в 1929 г. составил около 0,3%. Вся сеть мира имеет протяжение в 1 258 279 км. Но и этот ничтожный прирост в 3 199 км более чем наполовину приходится на Европу (1 703), причем в Европе этот прирост почти полностью (на 4/6) обязан СССР. Характерно, что за 5 лет ж.-д. сеть Европы увеличилась на 24 400 км (с 380 105 до 408 504 км), в том числе на железные дороги СССР приходится значительная часть этого прироста. Из стран, значительно увеличивших свою ж.-д. сеть, следует назвать Швецию (1 006 км), Польшу (1 286 км) и Финляндию (783 км). Известно, что последние две страны, являясь форпостом французского империализма, развивают ж.-д. строительство при помощи французского капитала, преследуя прежде всего стратегические цели. Не следует забывать, что страны «второй очереди» (Кашен) Чехо-Словакия, Швеция, превращенные в арсеналы антисоветской войны, развивают ж.-д. строительство в тесной увязке со своей ролью военных поставщиков для наших западных соседей.

В том же журнале Е. Меркет в статье под названием «Угрожаемое положение американских железных дорог» приводит ряд ярких показателей упадка ж.-д. транспорта как до кризиса, так особенно в течение первых месяцев кризиса. За десятилетие 1920—1930 гг. железные дороги САСШ по грузообороту дают прирост против довоенного времени примерно в 40%, а по количеству тонно-миль даже свыше 50%, но в течение этого десятилетия работа железных дорог, если исключить годы, связанные с кризисом 1921 г. и мировым кризисом, является почти стабильной, несмотря на рост грузопотоков в стране.

Приведем для большей наглядности таблицу, иллюстрирующую работу железных дорог 1 кл. САСШ.

Годы	Количество перевезенных тонн (в млн.)	Отношение в процентах к 1911 г.	Количество тонно-миль (в млн.)	Отношение в процентах к 1911 г.
1911	1 624	—	249 843	—
1920	2 260	39	410 306	64
1921	1 691	4	306 840	23
1922	1 841	13	339 285	36
1923	2 334	44	412 727	65
1924	2 172	34	388 415	55
1925	2 304	42	413 814	66
1926	2 465	52	443 746	78
1927	2 364	46	428 737	72
1928	2 362	45	532 915	73
1929	2 452	51	447 322	79
1930	2 063	27	383 788	54

Если грузовые перевозки железных дорог САСШ были сравнительно стабильными за указанное десятилетие, что выразилось и в соответствующей выручке железных дорог, колеблющейся в пределах до 1/2 млрд. вокруг суммы в 4 1/2 млрд. долл. в год, то нельзя этого сказать о пассажирских перевозках. Наоборот, в САСШ идет непрерывное снижение из года в год пассажирского движения на железных дорогах. В 1920 г. было перевезено 1 288 млн. пассажиров с общим количеством в 46,8 млрд. пассажиро-миль, а

¹² «Archiv für Eisenbahnwesen» № 1 за 1932 г.

в 1930 г. перевезено 704 млн. пассажиров с общим количеством в 26,8 млрд. пассажиро-миль. За счет сокращения пассажирского движения железных дорог идет рост пассажирских перевозок на автотранспорте, где за это же десятилетие количество пассажиров увеличилось с 700 млн. до 1 200 млн., а по пассажиро-милям увеличение выразилось с 26 до 49 млрд. пассажиро-миль. Железные дороги САСШ имеют сильного конкурента не только в автотранспорте, который отнял почти половину пассажирских и часть грузовых перевозок, но и в водных и специальных видах транспорта, которые сильно конкурируют с железными дорогами в области грузоперевозок.

Капиталовложения железных дорог САСШ в 1927 г. выражались в 24 млрд. долл., которые распределялись следующим образом: стоимость подвижного состава 7 млрд. долл., стоимость пути — 17 млрд. долл. САСШ располагают богатейшим подвижным составом, который насчитывает 65 тыс. паровозов и 2 640 тыс. вагонов. Однако капиталовложения автотранспорта уже обогнали железные дороги. Стоимость автопарка САСШ составляет 12 млрд. долл. Он насчитывал в 1927 г. 23 с лишним миллиона автомашин, из коих 20 150 тыс. пассажирских, 85,6 тыс. автобусов и 2,4 млн. грузовиков. Стоимость оборудования (гаражи) — 2,5 млрд., стоимость дорог — 10 млрд. Капиталовложения автотранспорта выражаются в 24½ млрд. долл.

Большие успехи в своем росте при активной финансовой поддержке правительства сделал торговый флот. На долю торгового флота САСШ в 1928 г. приходилось грузов 400 млн. т, из них 161 млн. т на внутренние водные пути. Все большая часть топливных грузов переходит к специальным видам транспорта. Так, в САСШ длина нефтепроводов в 1929 г. составляла 85,8 тыс. миль, т. е. в 1½ раза больше всей длины сети наших железных дорог. Электропровод при свыше 80 млрд. квтч в год также отнимает значительную часть топливных перевозок у железных дорог. Капиталовложения американского ж.-д. транспорта, составлявшие около 24 млрд. долл. в 1929 г., распределялись следующим образом: около 10 млрд. долл. приходилось на акции, а остальные на облигации. Несмотря на то, что последние годы вложено было в железные дороги САСШ до 7 млрд. долл., прибыли значительно сократились ввиду падения перевозок. Несмотря на сокращение рабочей силы и непрерывное снижение заработной платы, дивиденды железных дорог по сравнению с 1930 г. сократились в 1931 г. на 37%. В САСШ больше ½ млн. безработных железнодорожников.

По данным Пармели с 1930 г. железные дороги САСШ потеряли до 6 млрд. долл. при перевозках грузов. Снижение акций железных дорог в САСШ, как и в других странах, доходит до 40%. Портфель ж.-д. ценных бумаг в крупнейших американских банках определяется в 5 млрд. долл. Ясно, что если эти бумаги будут выброшены на рынок, то это приведет к банкротству крупнейших ж.-д. компаний. Такое же положение ж.-д. транспорта наблюдается и в других капиталистических странах.

Несмотря на жесткую экономию в эксплуатационных расходах и особенно на зарплате валовой доход Общества германских железных дорог с 1929 г. непрерывно падает. Доходы железных дорог Германии настолько снизились, что они не в состоянии покрыть не только репарационный налог, но и свою собственную задолженность. На 1 января 1919 г. на железных дорогах Германии работало 1 122 500 чел., на 1 января 1930 г. осталось 689 тыс., а 1 января 1931 г. — 623 тыс., на 1 января 1932 г. — 609 тыс. чел.; За годы кризиса количество уволенных работников превосходит 80 тыс. чел.; это несмотря на то, что в результате капиталистической рационализации и относительного сокращения объема работы железных дорог число железнодорожников за 10 лет почти вдвое сократилось. В настоящем году предстоит увольнение еще 50 тыс. рабочих и служащих.

В Германии доходы железных дорог в 1932 г. ориентировочно исчисляются в 3,8 млрд. марок против 5,3 млрд. марок в 1929 г. Во Франции принят законопроект о разрешении крупной ж.-д. эмиссии на 3,1 млрд. франков для покрытия дефицита 1930/31 г. В 1931 г. дефицит железных дорог предполагается в 5 млрд. франков.

Американский экономист Фрезер характеризует положение железных дорог Англии за 1930 г. как одно из самых безотрадных во всей истории британских железных дорог.

Доходы железных дорог Англии пали за 1930 г. по сравнению с 1929 г. на 10,3 млн. фунтов стерлингов, а по сравнению со «стандартным доходом», т. е. тем, на который дороги имеют право рассчитывать по уставу, — на 15,8 млн. ф. ст.

Тяжелая индустрия, дававшая железным дорогам основное количество грузов, переживает сильнейший кризис, который может быть охарактеризован тем, что количество действующих доменных печей сократилось более чем в два раза (с 162 до 76 за год). Выручка важнейших железных дорог сократилась на 50 млн. ф. ст.: по пассажирскому движению — на 15½ млн. ф. ст., по грузовому — на 34½ млн. ф. ст. Закрываются 104 станции и остановочных пунктов.

Если капиталистический транспорт переживает жесточайший кризис в империалистических странах, то еще с большей силой поражен кризисом транспорт колониальных и полуколониальных стран.

«Специфические колониальные формы капиталистической эксплуатации, — говорится в резолюции VI конгресса Коминтерна, — осуществляемые той же самой английской, французской или любой буржуазией, в конечном счете тормозят развитие производительных сил соответствующих колоний. Производится минимум строительной работы (железные дороги, гавани и т. д.), необходимый как для военного господства в стране и обеспечения бесперебойного действия налогового пресса, так и для надобности торговли империалистической страны».

Ж.-д. строительство в колониях характеризуется теснейшим переплетением экономических и стратегических интересов господствующих там империалистических стран. Если взять например проект транссахарской железной дороги, то мы увидим, что наряду с экономическим значением (перевозка грузов удешевится) эта магистраль, работающая на тепловой, тяге, будет иметь выдающееся стратегическое значение. Эта дорога соединит старые североафриканские владения Франции с ее последними (после войны) захватами в Африке, создавая условия для переброски туда во время войны войск и снаряжения.

Ясно, что ж.-д. строительство в колониальных и зависимых странах имеет целью выколачивание прибыли и меньше всего рассчитано на обслуживание этих стран в транспортном отношении. Если взять такую опломбированную страну, как Китай, то мы увидим, что железные дороги, прорезая страну в меридианальном направлении, совершенно не охватывает ряд богатейших по природным богатствам, а также по с.-х. ресурсам провинций на западе и востоке. К тому же ж.-д. тарифы чрезвычайно высоки. Водные пути остаются там основным видом транспорта наряду с гужевым транспортом и бесчеловечной эксплуатацией миллионов кули и рикш. Железные дороги Китая находятся в ужасающем положении. Подвижной состав изношен до крайней возможности, перевозки непрерывно сокращаются, убыточность дорог создала дефицит свыше миллиарда долларов. С вторжением Японии положение железных дорог катастрофически ухудшилось.

Не странно ли, что при таком положении железных дорог Китая мы в 1931 г. на страницах одного советского журнала¹⁹ читаем в статье Сне-

¹⁹ «Социалистический транспорт» № 1—2.

жизнью наряду с такими «открытиями», что «в Китае гражданская война уже окончилась», очень радужную оценку состояния ж.-д. транспорта Китая. Совершенно абстрагируясь от хозяйничания империалистов в Китае, видимо желая подчеркнуть национальный характер развития железных дорог Китая, автор этой вреднейшей буржуазно-апологетической статьи пишет:

«Стоящий во главе китайского министерства железных дорог Сун-фо, сын Сун Ят-сена, намерен энергично осуществлять значительную часть грандиозной программы ж.-д. строительства, составленной его отцом. Из программы Сун Ят-сена Сун-фо выбрал железнодорожные линии, постройка которых представляется особенно важной».

Предательское нанкинское правительство — это мерзкое орудие в руках империалистов — превращается автором статьи в правительство национального освобождения Китая.¹³

Упомянутый выше Сун-фо в бытность свою министром путей сообщения нанкинского правительства значительно более скромно характеризует положение железных дорог Китая: «В результате военных действий за истекшие годы работа железных дорог пришла в упадок, и полученные вследствие этого потери пожалуй нет возможности исчислить. Размеры первоочередной деятельности железных дорог с каждым днем все более сокращаются. Если не будут предприняты решительные меры для улучшения положения, то перспективы ж.-д. транспорта Китая чреваты серьезными опасностями».

Мы умышленно остановились на статье Снежинской, хотя далеко не привели всех «перлов» этой статьи, ибо считаем, что при анализе положения капиталистического транспорта нельзя ни в коем случае пройти мимо империалистических противоречий или, еще хуже, их замазывать, как это сделано автором статьи, у которого империалисты во Франции, Польше, Чехо-Словакии и других странах выступают как культуртрегеры, стремящиеся к «соединению ж.-д. путей Европы и Азии», стремящиеся «сократить путь между Балтийским и Белым морем».

Очень характерно, что положение железных дорог стало угрожающим в САСШ еще в период «просперити». Заправили ж.-д. компаний и их верные адвокаты, буржуазные экономисты, требовали повышения тарифов. Они ссылались на то, что невысокие дивиденды препятствуют привлечению капитала, что «позволило бы железным дорогам возвратиться к прежней нормальной программе усовершенствований и расширений, а их оборудование и подвижной состав могли бы оказаться на уровне, удовлетворяющем потребности даже большого объема движения»¹⁴.

На эту удочку буржуазных апологетов попался Докукин. При анализе американского транспорта он также одну из причин упадка железных дорог видел в недостатке там капиталов.

Погрузка и грузовые перевозки на железных дорогах капиталистических стран за 2½ года кризиса сократились на 30—40%, т. е. целый ряд стран откатился по объему работ на транспорте к началу XX, а то и к концу XIX столетия. Особенно резко сократились пассажирские перевозки. В САСШ например мы имеем дальнейшее снижение пассажирских перевозок в 1931 г. На железных дорогах сильно возросла конкуренция со стороны автотранспорта, который находится в не менее тяжелом положении, чем железные дороги. Ухудшение состояния железных дорог сопровождается резким ухудшением качественных показателей работы транспорта и крайне незначительным и анархичным использованием транспортных средств. В САСШ более 600 тыс. вагонов товарного парка, т. е. более ¼,

¹⁴ Кенингем, Новые изменения в экономике САСШ, под ред. Гувера, стр. 343.

бездействует, но и действующий подвижной состав используется с ничтожной нагрузкой. Подобное положение наблюдается в Германии, Англии и других странах.

При таком использовании подвижного состава нет надобности в новом транспортном машиностроении. Во всех крупнейших капиталистических странах идет резкое сокращение транспортного машиностроения, этой одной из основных отраслей тяжелой индустрии. Так например, в Германии до войны ежегодно заказывалось 1600—1800 паровозов, а сейчас заказывается 100 штук в год.

Наряду с отдельными рационализаторскими мероприятиями проводится очень незначительное строительство нового подвижного состава, например в Германии вагонный парк пополняется вагонами новейшей конструкции, там происходит замена 7,5 тыс. старых деревянных вагонов стальными вагонами.

Во Франции средняя остановка железных дорог увеличивается с 5 км до 25 км. Таким образом количество остановок по всей ж.-д. сети уменьшится с 8000 до 1600 остановок. Ясно, что уменьшение количества остановок и закрытие блок-постов приведет к уменьшению пропускной способности перегонов, а следовательно и дорог, но это дает вместе с тем и уменьшение эксплуатационных расходов. Резкое уменьшение перевозок при углубляющемся кризисе приводит ж.-д. компании и правительства к всевозможному прожектерству. Во Франции социалист Блюм агитирует за «национализацию железных дорог», выдавая это за социалистическое мероприятие, а на самом деле делает это в угоду капиталистическим акулам: это еще больше увеличивает налоговое бремя для трудящихся, так как дефициты будут покрываться за счет казны.

В борьбе за повышение ж.-д. тарифов и за прекращение субсидий водному транспорту представители ж.-д. компаний САСШ пускаются на всевозможные демагогические приемы. Они обвиняют промышленников, противящихся повышению ж.-д. тарифов, в эгоизме, в пособничестве революционному выходу из кризиса, а себя выставляют поборниками «демократии» и защитниками «общих интересов».

В САСШ один инженер предлагает выход из кризиса, в электрификации 50 тыс. миль железных дорог, хотя каждому известно, что электрифицированные линии требуют большого грузонапряжения, а кризис сильно сократил грузопотоки, что не только предотвращает возможность электрификации (она и до кризиса слабо применялась), но приводит к закрытию вторых путей (САСШ, Англия, Франция).

Такое же положение испытывает и морской транспорт, где перевозки, использование транспортных средств в судостроительстве сильно пали. «Фоссише цейтунг» от 3 января 1932 г. приводит следующие характерные данные о положении мирового судостроения. Общий объем работ мирового судостроения упал к началу 1932 г. до уровня 80-х годов XIX столетия.

В 1931 г. вновь построено 54 судна, водоизмещением в 100 тыс. т вместо 250 тыс. т в 1930 г.

Вновь построенный тоннаж Англии сократился с 500 тыс. т до 150 тыс. т за год. В 1932 г. предстоит еще более резкое падение нового судостроительства.

Сокращение судостроительства выразилось в подавляющем количестве стран в 40—50% тоннажа.

Некоторые исключения представляют САСШ, Италия, Франция и Япония, где рост тоннажа идет преимущественно за счет государственных субсидий в военных целях. Такие же субсидии в военных целях проводятся и в других империалистических странах, но они не имеют столь крупного значения в деле судостроения.

Помимо военных соображений покровительство судостроению имеет целью дать заказы тяжелой индустрии.

По данным «Регистра Ллойда» мировой торговый флот в 1931 г. составлял 70 млн. брутто регистровых тонн, исключая суда меньше 100 брутто регистровых тонн.

Прирост в 1930 г. равен $\frac{1}{2}$ млн. т вместо 1,1 млн. т в 1929 г. Парусный флот сократился с 5% в 1914 г. до 2% в 1931 г. Значительно возросли размеры судов. Сейчас имеется 400 судов водоизмещением в 10—20 тыс. т и 68 — более 20 тыс. т водоизмещением. За последние 5 лет построено 3 726 судов, на долю коих падает около $\frac{1}{6}$ всего тоннажа. По отдельным странам новейший тоннаж составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{20}$.

Мировой тоннаж моторных судов составляет 13,4% общего. Значительно повысился против довоенного периода процент паровых нефтяных судов (с до 28%), и значительно сократились паровые суда на угле (с 89 до 57%).

В 1931 г. резко пало судостроение исключая САСШ, Францию и Италию, где строительство паровых гигантов, несмотря на убыточность их эксплуатации, финансируется государствами для использования их в качестве вспомогательных крейсеров во время войны.

Ввиду избытка тоннажа и недостатка в грузах часть судов скупается на слом.

«В Германии,—пишет Гельдебранд,—судостроение находится при последнем издыхании. Если в ближайшее время не будут приняты решительные меры к спасению судостроения — оно умрет голодной смертью»¹³.

Далее следует очередной «проект» со стороны Гильдебранда: пустить на слом суда в возрасте до 25 лет и взамен построить новые, что даст работу промышленности и верфям. Вновь построенный флот будет более рентабелен, к тому же он будет работать не на нефти, а на угольной пыли, так как топки пароходов будут соответственно оборудованы. Это опять-таки дает дополнительную нагрузку отечественной германской угольной промышленности. Но и это «патентованное лекарство» не находит пациентов в капиталистическом мире. Валовой доход пароходств сильно сократился, и никто не рискует приступить к выполнению этой широкой программы судостроения.

Несмотря на то, что пароходы, особенно пассажирские, работают с небольшой нагрузкой, торговый флот империалистических стран пополняется новыми гигантами, которые во время войны будут превращены в крейсера, авиоматки и т. д.

Для трансатлантической линии строится гигант в 73 тыс. т на началах полной гарантии английского правительства.

Другой гигант строится в 60 тыс. т, причем французское правительство не только финансирует строительство, но и гарантирует покрытие дефицита от эксплуатации. Французское правительство всемерно стимулирует новое судостроение, предоставляя дешевый (2%) кредит судовладельцам, освобождая их от большей части налогов. Характерно, что во время обсуждения законопроекта о предоставлении одной крупной пароходной компании, находящейся накануне банкротства, субсидии в 160 млн. фр. одним из депутатов в парламенте была брошена реплика, что налогоплательщикам скоро придется готовить еще 1 млрд. франков для поправления дел общества.

Современный этап кризиса характеризуется рядом банкротств крупнейших транспортных объединений в Европе и Америке. В Англии например обанкротился крупнейший концерн «Рояль Мейль», объединявший 29 паро-

¹³ Газета «Ганза» от 8 августа 1931 г.

ходов, с акционерным капиталом в 80 млн. ф. ст., что составляет $\frac{1}{3}$ британских капиталовложений в паромоходе.

Две итальянские кампании спускают на воду два тепловоза в 47 и 45 тыс. т. Постройка каждого из них обошлась правительству по 150 млн. лир. В Италии же создано крупнейшее судоходное объединение из 3 наиболее мощных пароходов под контролем правительственного банка. Таким образом большая часть торгового флота находится под контролем государства.

Количество примеров, ярко характеризующих активнейшую роль империалистической политики в разрешении важнейших экономических вопросов, можно было бы конечно умножить, но и указанного достаточно, чтобы видеть, как усиливаются госкапиталистические тенденции, которые являются одним из важнейших моментов в подготовке империалистических войн.

Сильно обесценены суда новейших конструкций (дизельные, наливные), которые продаются на 40—50% ниже стоимости.

Ввиду избытка тоннажа (несколько миллионов тонн находится на приколе) часть судов более устаревших конструкций продается на слом. В Германии покупка на слом почти прекратилась, так как рыночная цена лома едва покрывает стоимость рабочей силы, потребной для разборки судов.

Характерно, что Япония еще до манчжурской авантюры скупала старые европейские суда по более высоким ценам. Ею закуплено было 70 тыс. т брутто. Это лишний раз подтверждает то, что Япония давно готовила нападение на Китай.

Здесь уместно будет несколько подробнее остановиться на том, как вопросы империалистической политики теснейшим образом связаны с поощрением развития отдельных видов транспорта, особенно в странах, граничащих с нами.

Для снабжения военным имуществом Польши, Румынии, Финляндии — этих вассалов французского империализма — во время войны во Франции уже созданы специальные морские базы в Шербурге и Лариане. Эти базы соответственно оборудованы и подготовлены для погрузки и хранения крупных партий военного имущества. Польша и Румыния выделили специальные морские суда постоянного курсирования. Порты Гдыня (Польша) и Констанца (Румыния) специально приспособлены для приема военных грузов.

Наряду с подготовкой морских путей подвоза усиленно ведется подготовка ж.-д. транспорта. Огромную роль в будущей войне против нас будет играть Чехо-Словакия, которая связывается с Польшей и Румынией рядом ж.-д. направлений. Ж.-д. конвенции указанных стран вырабатывают план нового ж.-д. строительства, усиление действующих линий. Югославия занялась оборудованием морских портов на адриатическом побережье при помощи Франции. Там же приступлено к новому ж.-д. строительству для усиления связи с Румынией, которая в период войны будет щедро снабжаться французским снаряжением и вооружением. Наши маленькие соседи (Эстония, Латвия, Литва) стараются не отстать от других и подчиняют развитие транспорта интересам французского империализма. При незначительности своих территорий они могли бы вместо железных дорог развивать автотранспорт, но, выполняя «социальный» заказ французского империализма, они развивают ж.-д. строительство, чтобы служить продолжением для западных стратегических магистралей. Подготовка внутренних путей сообщения ведется очень интенсивно в соседних с нами западных странах.

Польша увеличивает пропускную способность железных дорог, усиливает водоснабжение, улучшает путь и увеличивает остановочные пункты.

На средства французского капитала там интенсивно ведется новое ж.-д.

строительство. Польское правительство получило 175 млн. франков, т. е. меньшую часть суммы от предоставленного займа на строящуюся стратегическую ж.-д. дорогу Верхняя Силезия — Гдыня. Железнодорожное строительство в Польше ведется таким образом, чтобы усилить связь центра с окраинами, Балтийским морем и районом военной промышленности.

В Румынии строится железная дорога Браилов — Исхоями, соединяющая центры военной промышленности с основными магистралями.

В Финляндии строится важная стратегическая железная дорога Улеаборг — Нормес, являющаяся продолжением линии Улеаборгского порта на Ботническом заливе с Ладожским озером. В Латвии получено на 42 млн. франков транспортно-оборудования и кроме того Францией еще предоставлен кредит на строительство новых ж.-д. линий.

Характерно, что большинство наших западных соседей перевело свои железные дороги на европейскую колею, чтобы удобнее было смыкаться со своими покровителями и вдохновителями во время войны против СССР.

При установлении морских фрахтов расстояние играет меньшую роль, чем в ж.-д. тарифах. Провозная плата до более отдаленного порта не всегда будет выше, чем до близлежащего порта. Установление особых тарифов для морских портов может благоприятствовать и проведению ж.-д. тарифа в данной стране. Все это поясняет нам, почему между ж.-д. и морским транспортом конкурентная борьба сравнительно не так велика.

Опасным конкурентом железных дорог, особенно на коротких расстояниях (до 300 км), выступает автотранспорт. Из общего количества автомобилей в 33 млн. почти 85% приходится на САСШ.

Развитие ж.-д. транспорта в САСШ, несмотря на большое количество магистральных путей, отличалось слабым развитием под'ездных путей сообщения и сравнительно слабым развитием внутренних водных путей сообщения. Это вместе с быстрым развитием городов, пред'явивших спрос на транспортные средства для коротких расстояний, вызвало к жизни мощное развитие автотранспорта.

В 1931 г. автомобиль перевозил в САСШ в 2 раза больше пассажиров, чем железные дороги. Крутое значение приобрели сейчас автобусы и грузовые автомашины. Они применяются для местных (коротких) поездок, пригородных (до 50 км) и межрайонных (300 и более км) поездок.

Не приходится говорить, какое огромное значение имеет автотранспорт для империалистической войны. Моторизация — важнейшая задача современных армий — может быть разрешена только развитием автотранспорта, а следовательно автопромышленности. Отсюда значительное покровительство, которое оказывают буржуазные правительства и тому и другому.

Однако в условиях капитализма автотранспорт может служить только дополнением к основным видам транспорта (ж.-д. транспорт), не играя самостоятельной роли.

Наряду с автотранспортом авиотранспорт относится к новым видам транспорта, появившимся только в XX столетии. Авиация, как ни одна отрасль транспорта, порождена войной и с нею связана.

Перейдем к уяснению экономической роли автотранспорта. Аэроплан может выбрать кратчайшее расстояние между двумя пунктами, не нуждается в пути, а главное он имеет огромную скорость. Аэроплан может дать среднюю коммерческую скорость, более чем в два раза превышающую скорость курьерского поезда и в 4—5 раз скорость парохода.

К неблагоприятным моментам авиации следует отнести невыгодное соотношение между весом тары и полезной нагрузкой, которая составляет для аэроплана меньше 20%. Впрочем полезная нагрузка курьерского поезда еще меньше — она едва превышает 10%. К невыгодам авиации следует отнести большую трату энергии (помимо движения под'ем, парение),

дороговизну капитальной стоимости (аппарат, кабина), недостаточные еще пока размеры аппаратов и оборудование воздушных линий. Правда, оборудование воздушных линий значительно дешевле ж.-д. линий. Так например, стоимость и оборудование 1 км пути двухпутной железной дороги обходится в 500 тыс. марок, искусственных водных путей — 800 тыс. марок, шоссе — 200 тыс. марок, а аэролинии только — 10 тыс. марок.

Капитальная стоимость одной тонны под'емной силы авиации в 200 раз больше ж.-д., водного и автотранспорта. Для перехода к самокупаемости авиотранспорт должен снизить свой тариф, а для того ему нужно лучше приспособиться к обслуживанию пассажиров и перевозке почты, а также ценных грузов на дальние расстояния. По существу экономическая выгода эксплуатации авиотранспорта должна быть на расстоянии не менее 1 тыс. км. Авиотранспорт должен стать мировым средством сообщения, что к стати и приведет к его самокупаемости, но этому-то и препятствуют капиталистические отношения.

Огромнейшие субсидии и преимущества оказывают буржуазные правительства развитию авиопромышленности и авиотранспорта в своей стране. Развитие гражданской авиации благодаря государственным субсидиям сделало большие успехи в последние годы. Вместе с тем сильно обострилось соперничество за авиотранспорт между крупнейшими империалистами.

Америка обогнала Англию по протяжению воздушных путей, — в Великобритании — 2,3 тыс. миль, в САСШ — 16,6 млн. миль, гражданских воздушных судов в Великобритании 353, в САСШ — 6 300, в Великобритании покрыто регулярным сообщением расстояние в 0,8 млн. миль, в САСШ — 10,6 млн. миль. В 1929 г. в Америке на 70 заводах изготовлено было 7 тыс. аэропланов со стоимостью в 62 млн. долл. В 1931 г. на воздухоплавание потрачено более 200 млн. долл. в 1930 г. длина регулярно эксплуатируемой воздушной сети САСШ составляла почти $\frac{1}{3}$ мировой воздушной сети. По количеству перевезенных тонн груза Америка превосходит в 6 раз, все другие страны, а по количеству перевезенных пассажиров в $21\frac{1}{2}$ раза. В развитии авиации САСШ помимо технико-экономической мощи имеют благодаря своей обширной территории значительные преимущества перед капиталистическими странами Европы, разделенными многочисленными государственными границами.

В развитии авиопромышленности для нужд гражданского воздушного флота в САСШ наступило в 1930 г. резкое ухудшение. Она поддерживается почти исключительно военными заказами, которые по стоимости составляли 48% всей продукции 1930 г., в дальнейшем удельный вес военных заказов еще возрос.

Значительно усилились тенденции к концентрации и рационализации как авиопромышленности, так и авиотранспорта, который на $\frac{2}{3}$ в руках крупных объединений. САСШ располагают наиболее мощным авиационным парком. В то время как в САСШ аэроплан приходится на 13 тыс. жителей, в Германии, Франции, Англии 1 аэроплан приходится на 100 тыс. жителей. Германская гражданская авиация за последние 2 года проделала значительную реорганизацию.

Попытка создать еще более пустую сеть оказалась неудачной, так как эксплуатация более коротких линий оказалась мало рентабельной. Количество аэродромов на внутренних линиях сократилось с 64 до 51, а на внешних линиях увеличилось с 20 до 27. Улучшились летательные аппараты, устаревшие типы изъяты из эксплуатации. Уменьшилось число самолетов, но увеличилась средняя мощность их и грузоподъемность. Пассажирские перевозки уменьшились незначительно (5%), а грузовые даже возросли. Снижение себестоимости авиоперевозок дало возможность работать и при уменьшенных государственных субсидиях, которые в Германии вообще мень-

ше, чем в других странах. В 1931 г. помощь авиации по государственному бюджету выразилась в Германии в 43 млн. марок, т. е. на 1 жителя 0,68 марки, а во Франции 533 млн. марок, на 1 жителя — 13,3 марки, в Англии — 401 млн. марок, на 1 жителя — 9,6 марки.

Франция так широко субсидирует гражданскую авиацию, что собственная выручка едва составляет $\frac{1}{6}$ часть получаемых субсидий. Впрочем и в других империалистических странах субсидии превосходят собственную выручку авиации. В САСШ гражданская авиация менее дефицитна, но и там она пользуется широкими привилегиями, которые представляют собою замаскированную субсидию.

В САСШ вместо 1 400 компаний, обслуживающих авиацию, создано 4 крупных комбината и несколько «независимых» обществ.

По адресу могущественного авиотреста выступавшие депутаты в американском парламенте указывали, что миллионы государственных денег были бесконтрольно предоставлены тресту вместе с государственными заказами по чрезмерно высоким ценам. Агенты треста информируются о всех изобретениях правительственных учреждений, таким образом департамент торговли открыто покровительствует тресту в ущерб другим авиокомпаниям. Особенно значительны успехи Америки в деле дирижаблестроения. Опираясь на помощь правительства, сотрудничество немецкой фирмы Цепелин и наличие крупных находений гелия, Америка развивает дирижаблестроение для обслуживания трансокеанского транспорта.

Ярким примером капиталистической конкуренции может служить борьба Америки с германской авиофирмой Скадта, перерезавшей стратегическую зону Панамского канала. Ей было отказано американским правительством в высадке в зоне Панамского канала, хотя территория эта, как известно, и не принадлежит САСШ, а потому перелеты конкурента были прекращены.

* * *

Капитализм стал оковами для дальнейшего развития транспорта. Развитие производительных сил требует единой транспортной системы, основанной на координации и кооперировании всех видов транспорта. Капитализм неизбежно связан с конкуренцией между отдельными транспортными предприятиями, конкуренцией между целыми странами в области транспорта, как и отдельных его видов. Транспорт как средство связи не терпит барьеров частной собственности и государственной отчужденности. Только революционный выход из кризиса может создать для мирового транспорта, освобожденного от пут капитализма, беспрепятственные условия для развития производительных сил в интересах трудящихся. Опыт СССР является блестящим подтверждением преимуществ социалистической системы для бурного развития народного хозяйства и транспорта — его кровеносной системы. О таких темпах роста работы транспорта, как у нас, не смели мечтать в капиталистических странах и в период подъема, в период самого отъявленного грондерства транспортных акционерных обществ.

На состоянии современного мирового транспорта с особой наглядностью проявляется экономическое положение империалистических государств. На транспорте мы можем проследить все противоречия загнивающей капиталистической системы. Мировой экономический кризис, поразив все отрасли хозяйства капиталистических стран, с наименьшей силой ударил по транспорту и особенно по ж.-д. транспорту — этой старейшей отрасли капиталистического хозяйства, лишней раз подтверждая этим кризис всей капиталистической системы. «Железные дороги, — писал Ленин, — это итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, итоги и наиболее наглядный показатель развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации. Распределение ж.-д. сети, неравно-

мерность ее развития — это итоги современного монополистического капитализма во всемирном масштабе. И эти итоги показывают абсолютную неизбежность мировых войн на такой хозяйственной основе, пока существует частная собственность на средства производства»¹⁶.

Современные технико-производственные возможности капитализма переросли рамки общественных капиталистических отношений, что не отрицает конечно при неравномерном развитии капиталистических стран возможности известного под'ема на отдельных участках капиталистического хозяйства.

Применение двигателя внутреннего сгорания произвело настоящую техническую революцию в целом ряде отраслей хозяйства. Дизель в с.-х. транспорте, авио- и автопромышленность и в военном деле произвел огромнейшие изменения. Автоматизация и механизация производства охватывают целый ряд отраслей хозяйства и особенно внутризаводской транспорт. Рост применения электроэнергии с передачей ее при токе высокого напряжения на далекие расстояния (400—500 км), электрификация отдельных железных дорог, мощное развитие авто- и авиотранспорта, а также специальных видов транспорта, — вот те глубочайшие изменения в капиталистической технике, которые настоятельно требуют коренной ломки существующих там капиталистических производственных отношений.

Кризис, как уже было выше указано, приводит к применению некоторых рационализаторских мероприятий, к незначительной замене старых транспортных средств более новыми типами и конструкциями. Дальнейшее снижение транспортных издержек идет за счет неуклонного сокращения рабочей силы и дальнейшего снижения заработной платы. Мы имеем миллионы безработных среди транспортного пролетариата в странах капитализма. Мы имеем все возрастающую нищету.

Но современный кризис приводит не только к рационализации, но и к репрессу техники. В водном транспорте мы наблюдаем возврат к паровым машинам и турбинам, что получает преобладающее значение в новом судостроении. От теплохода снова к пароходу. Неуклонно снижается процент строящихся наливных судов; закрываются ж.-д. станции, забрасываются вторые пути. От механизации погрузки возврат к погрузке вручную и т. д. Все эти процессы наглядно демонстрируют всю реакционность загнивающей капиталистической системы, при которой использованию передовой техники свистят все более и более узкие пределы.

Мы являемся свидетелями все обостряющегося кризиса капитализма. Капиталисты при помощи социал-фашистов ищут выхода из кризиса в войне и прежде всего в войне против СССР. Они добиваются выхода из кризиса за счет ухудшения положения рабочего класса и всех трудящихся, но растут силы борцов за революционный выход из кризиса. Миллионы поднимаются на борьбу за социализм, за уничтожение капиталистической системы.

«Рушатся иллюзии насчет всемогущества капитализма вообще, всемогущества североамериканского капитализма в особенности. Все слабее становятся песни в честь доллара и капиталистической рационализации. Все сильнее становятся пессимистические завывания насчет «ошибки» капитализма. А «всеобщий» шум о «неминуемой гибели» СССР сменяется «всеобщим» злобным шипением насчет необходимости наказать «эту страну», которая смеет развивать свою экономику, когда кругом царит кризис»¹⁷.

¹⁶ Ленин, т. XVII, стр. 245.

¹⁷ Сталин, Доклад на XVI съезде ВКП(б), стр. 1—2.

К ТЕОРИИ МОНОПОЛЬНОЙ ЦЕНЫ

Истоки большинства ошибочных точек зрения по вопросу о монопольной цене лежат в «Финансовом капитале» Гильфердинга. Основные указания т. Ленина по поводу этой работы не были до сих пор в достаточной мере учтены некоторыми марксистами, работающими по вопросам империализма. До сих пор часто упускалось из виду, что Ленин отметил в этой работе «известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом у Гильфердинга, а также то, что «Финансовом капитале» не выявлена основная тенденция монополистического капитализма — тенденция к загниванию.

Сейчас Гильфердинг вторит выжившему из ума Каутскому, что они оба были всегда верны себе, что они никогда по существу не были последователями Маркса, а наоборот, были последователями Бернштейна.

«Я всегда,— пишет Каутский в 1931 г.— ... боролся против того взгляда, будто социализм произойдет от крушения капитализма». Социализму, считает Каутский, — будет предшествовать «моральное банкротство капитализма, но не экономическое».

Гильфердинг тоже заявляет, что он всегда принадлежал к тем. «которые отвергали всякую теорию экономического краха».

И Каутский и Гильфердинг согласны в этом вопросе с Бернштейном, который по-своему представил теорию крушения капитализма Маркса, как всеобщий единовременный крах чисто экономического порядка. Бернштейн выхолостил революционное содержание теории крушения капитализма Маркса. Каутский и Гильфердинг отряхают прах марксизма с ног своих и твердят, что они с Бернштейном всегда были «два сямских близнеца» (Каутский).

Их теория, как и теория автоматического краха капитализма Р. Люксембург, является опромным препятствием на пути разворачивания классовой борьбы пролетариата за социалистическую революцию.

Певец «организованного капитализма», Рудольф Гильфердинг безусловно прав в том, что имеется известная последовательность между его «Финансовым капиталом» и его теорией «организованного капитализма» и теорией вставания капитализма в социализм.

Исходный момент всей концепции Гильфердинга заключается в том, что через банки осуществляется процесс регулирования общественных отношений, банки осуществляют регулирование процесса обращения всего капитализма. Гильфердинг исходит из процесса обращения и подменяет денежное обращение сознательным регулированием.

Базу для своей теории «организованного капитализма» Гильфердинг заложил еще в своей теории стоимости и теории денег. Положив основание трактовки стоимости как категории только меновой, но не производственной, не материальной, Гильфердинг не мог понять ни противоречия стоимости, ни противоречия товара. Непонимание противоречия в товаре приводит к непониманию противоречия между общественным характером труда и частной формой присвоения¹. И отсюда изобретенная Гильфердингом возможность устранения этого противоречия в рамках обращения и обмена.

¹ В гильфердинговщине берет свое начало рубинщина.

«Простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного данного товара на другой уже включает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма»².

Не поняв противоречий в стоимости и положив основание неправильной ее трактовки, Гильфердинг тем самым приходит к непониманию противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения, к непониманию развития этого противоречия и к утверждению о возможности устранения его в рамках обращения и обмена. Колоссальное обострение этого противоречия на основе гигантского обобществления в антагонистической форме не может стать исходным моментом анализа Гильфердинга. В основе его теории «организованного капитализма» и лежит изобретенная им возможность устранения этого основного противоречия в рамках капитализма. В ревизии теории стоимости Гильфердинг сразу пошел в «лобовую атаку» против Маркса.

Под этим углом зрения представляет особенный интерес, как Гильфердинг разрешает в «Финансовом капитале» проблему осуществления средней нормы прибыли, закона стоимости и монополярной цены.

Из сущности этих проблем Гильфердинг и выводит «историческую тенденцию финансового капитала» как форсированного процесса образования «единого» капиталистического государственного треста.

Основной тезис Гильфердинга в этих вопросах выражается в том, что уравнение средней нормы прибыли не может осуществляться путем перелива капитала. Осуществление средней нормы прибыли происходит, по Гильфердингу, на основе централизации капитала в процессе комбинирования.

Гильфердинг подчиняет концентрацию производства централизации капитала. Централизацию же капитала он противопоставляет иммиграции капитала. Замена иммиграции капитала централизацией его, отрицание иммиграции капитала лежит в основе теории монополярной цены Гильфердинга. Но отрицание иммиграции капитала есть отрицание конкуренции. И тем самым Гильфердинг выхолащивает содержание монополистического капитализма, отрицая монополистическую конкуренцию. Отрицание иммиграции капитала Гильфердинг объясняет тем, что развитие идет на основе прилива новых капиталов путем «ассоциирования» этих капиталов, ассоциирование же исключает, по Гильфердингу, конкуренцию, отлив же капитала в наиболее развитых сферах капиталистического производства совершенно исключен.

«Величина капитала,— говорит Гильфердинг,— вовсе не препятствие к тому, чтобы достать известную сумму. Напротив, уравнение посредством отлива капитала здесь исключено»³.

Также все больше ограничивается и прилив капитала на основе «ассоциирования», так как сами наиболее развитые сферы производства дают на величину предложения капитала. «В то же время всякое новое предприятие,— говорит Гильфердинг,— с самого начала характеризуясь высокой производительностью, с большой силой воздействует на величину предложения»⁴.

Следовательно, по Гильфердингу, исключен отлив капитала, ограничен прилив капитала, и прилив капитала не происходит на основе конкуренции. В развитых сферах производства осуществление средней нормы прибыли происходит не на основе перелива капитала. «Нивелирование этих

² «Ленинский сборник», IX стр. 196.

³ Гильфердинг, Финансовый капитал, изд. 1931 г., стр. 215.

⁴ Там же.

норм прибыли к равному уровню не может осуществиться посредством перемещения капитала»⁵.

Если правильно то, что средняя норма прибыли осуществляется не на основе иммиграции капитала, то правильно также и то, что в этих сферах производства нет конкуренции, так как перемещение капитала происходит только на почве конкуренции.

Осуществление средней нормы прибыли в форме централизации в процессе комбинирования, самое противопоставление процесса комбинирования процессу иммиграции капитала понадобилось Гильфердингу для обоснования того, что в процессе комбинирования исключена конкуренция. Гильфердинг не признает конкуренции самих монополий и внутри монополий. Он не признает явления монополистической конкуренции.

Категория — монополистическая конкуренция — выпала из «Финансового капитала», и в этом сущность постановки вопроса о средней норме прибыли в эпоху монополистического капитализма у Гильфердинга.

Отсюда из этого же тезиса вытекает тезис о нивелировании, о сглаживании неравномерности в эпоху империализма. В условиях, когда отлив капитала совершенно исключен и прилив становится все более невозможным, происходит то, что «эти сильные капиталом крупные производства, — как говорит Гильфердинг, — становятся все более равноценными между собой и все более сглаживаются те технические и экономические различия, которые отдельным из них обеспечивают превосходство в конкурентной борьбе»⁶.

Происходит процесс нивелирования, процесс сглаживания различий, тем самым, в свою очередь, прекращается возможность прилива капитала. Развитие идет, по Гильфердингу, в направлении все большей равномерности.

Тезис о нивелировании вытекает из отрицания монополистической конкуренции. Нивелирование у Гильфердинга не становится и не может стать фоном дальнейшего обострения неравномерности, так как монополистическая конкуренция из «Финансового капитала» выпала. Таким образом именно обоснование того, что в процессе комбинирования исключена конкуренция и есть обоснование тезиса о нивелировании, являющегося исходным моментом анализа у Гильфердинга.

На основе все большего нивелирования у Гильфердинга развитие идет в сторону образования единого государственного капиталистического треста, причем процесс идет таким образом, что «побежденный в борьбе» больше «не экспроприруется».

«Нивелирование этих норм прибыли к равному уровню не может осуществиться посредством перемещения капитала... Уравнение может произойти только таким способом, что сами пострадавшие отрасли промышленности картелируются... или же комбинацией парализуют для себя влияние повышенной нормы прибыли тех отраслей, из которых они получают сырой материал»⁷.

Процесс концентрации облегчается и «не происходит, — говорит Гильфердинг, — такой концентрации собственности, которая была результатом конкурентной борьбы. Собственник другой фабрики, побежденный в борьбе, не экспроприруется, потому что ведь и борьба не доводится до конца. Следовательно перед нами концентрация производства или предприятий без концентрации собственности»⁸.

⁵ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 339.

⁶ Там же, стр. 215.

⁷ Там же, стр. 270—277.

⁸ Там же, стр. 228.

Следовательно нет такой концентрации собственности, «которая была результатом конкурентной борьбы». «Собственник не экспроприируется». Процесс концентрации производства или предприятий происходит без концентрации собственности. Этими «мирными» (!) методами и осуществляется «историческая тенденция финансового капитала» — процесс образования единого капиталистического треста.

«Утонченные» методы финансового капитала, посредством которых собственник другой фабрики, «побежденный в этой борьбе», «пожирается» с небывалой раньше быстротой, Гильфердинг не считает методом экспроприации. Под углом зрения «демократизации» капитала каждому, по Гильфердингу, дается место под солнцем. Не признавая монополистической конкуренции и не понимая борьбы монополистов с аутсайдерами, Гильфердинг не видит, что на основе монополии и в самой монополии более слабый неизбежно экспроприируется более сильным.

Итак, у Гильфердинга из тезиса о невозможности перелива капитала вытекает отрицание монополистической конкуренции. Из отрицания конкуренции у Гильфердинга вытекает тезис о нивелировании, об усилении равномерности развития и отсюда же вытекает процесс комбинирования не на основе экспроприации. Здесь, в этой концепции в неразвитом виде, лежит схема «организованного капитализма» Гильфердинга.

Следующий тезис, развиваемый Гильфердингом в «Финансовом капитале», заключается в том, что монополия и монополярная цена не вносят по существу ничего специфического в процесс ценообразования. Гильфердинг пытается доказать, что само по себе ограничение конкуренции и без всякой монополии вытекает из определенных фаз промышленной конъюнктуры.

«Во время расцвета, — пишет Гильфердинг, — спрос выше предложения... Но если спрос выше предложения, то рыночную цену определяют предприятия, производящие при наихудших условиях. А те, которые производят при относительно лучших условиях, реализуют добавочную прибыль. Предприниматели и без заключения каких бы то ни было договоров представляют единое сплоченное целое»⁹.

Таким образом, по Гильфердингу, получается, что высокая конъюнктура сама по себе создает монополию и что эта монополия ничем по существу не отличается от искусственной монополии, так как «предприниматели и без заключения каких бы то ни было договоров представляют тогда единое сплоченное целое».

«Опорный пункт для ответа, — говорит Гильфердинг, — по вопросу о том, насколько крупной должна быть доля монополистического объединения во всем производстве, для того чтобы оно могло оказывать влияние на рыночные цены, лежит в различиях в поведении конкурентов в периоды хорошей и плохой конъюнктуры»¹⁰.

Следовательно монополярную цену Гильфердинг выводит из высокой конъюнктуры вообще, «искусственная» монополия ничего нового, специфического в проблему ценообразования не вносит. «При хорошей конъюнктуре, когда спрос выше предложения, цена продукта все равно будет самая высокая из возможных»¹¹.

Гильфердинг и не ставит себе задачи определить сущность монополярной цены в условиях монополистической конкуренции, в условиях господства мо-

⁹ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 218.

¹⁰ Там же, стр. 229.

¹¹ Там же.

нополни и борьбы последней с аутсайдерами. Он и не пытается ставить вопрос о какой-нибудь закономерности в эпоху империализма. Он говорит: «Эмпирически нетрудно установить монопольную цену, но ее уровень не поддается объективно-теоретическому анализу: его можно понять лишь психологически объективно. Поэтому классические экономисты, к числу которых мы относим и Маркса, устранили из сферы своих дедукций монопольную цену... Объективный закон цен прокладывает себе путь лишь через посредство конкуренции. Значит, если монополистические объединения уничтожают конкуренцию, то они уничтожают единственное средство, при помощи которого может найти осуществление объективный закон цен»¹².

Таким образом, по Гильфердингу, есть 1) монопольная цена, которую «можно понять лишь психологически объективно», которая есть просто числовая величина, устанавливаемая волей и сознанием человека, и есть 2) объективный закон цен, существующий в условиях только свободной конкуренции. Другого нет и быть не может. «Что сверх того, то от лукавого». Такова «диалектика» Гильфердинга.

По этой «диалектике» выпадает все специфическое в монопольной цене. По этой «диалектике» коренной вопрос — вопрос о ценообразовании — не должен и рассматриваться под углом зрения империализма.

Маркс устранил из сферы своих дедукций монопольную цену, потому что в эпоху Маркса капитализм «в целом ряде областей еще не дорос до империализма»¹³. Гильфердинг же, устранив из сферы своей дедукции монопольную цену, превратил метод Маркса в метод вульгарного экономиста.

Пытаясь доказать, что монополия и ограничение конкуренции вытекают из высокой конъюнктуры вообще и что таким образом «искусственная» монополия не вносит ничего специфического в процесс ценообразования, Гильфердинг в этой связи сознательно искажает Маркса. Гильфердинг приводит следующее место из третьего тома «Капитала»: «Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, характеризуется в то же время тем, что каждое отдельное лицо действует здесь независимо от массы своих конкурентов и зачастую прямо против них и как раз таким путем делает ощутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоит своим противникам как более или менее сплоченное целое. Если спрос на данный сорт товаров больше, чем предложение, то в известных границах один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене... Сотоварищи интересуют каждого постольку, поскольку, идя вместе с ними, он выигрывает больше, чем идя против них... Если преимущество на известной стороне, то выигрывает всякий, кто к ней принадлежит; дело происходит таким образом, как если бы все принадлежащие к ней осуществляли монополию»¹⁴.

Гильфердинг вносит от себя одно маленькое дополнение, он подчеркивает: если спрос выше предложения, то «предприниматели и без заключения каких бы то ни было договоров представляют тогда единое сплоченное целое»¹⁵. Заключение каких бы то ни было договоров ничего не изменяет в системе ценообразования, ничего специфического не вносит — в этом смысл гильфердинговской поправки.

Из цитаты Маркса следует, что если спрос выше предложения, то один покупатель «стремится перебить другого» и поднимает таким образом для

¹² Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 268.

¹³ Ленин, Из речи на XIII съезде партии о программе.

¹⁴ Цитир. по «Финансовому капиталу» Гильфердинга, стр. 219.

¹⁵ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 218.

всех покупателей цену товара. По Гильфердингу же, если спрос выше предложения, то «предприниматели, и без заключения каких бы то ни было договоров, представляют тогда единое сплоченное целое». По Марксу, более сильная сторона противостоит противникам всегда как «сплоченное целое», эта «сплоченность» происходит таким образом, что «сотоварищи» идут вместе постольку, поскольку они выигрывают больше. По Гильфердингу, эта «сплоченность» вытекает из условий высокой конъюнктуры, которая сама по себе ограничивает конкуренцию.

Монополия, о которой говорит здесь Маркс, происходит на базе свободной конкуренции, где каждый член капиталистического общества может соединиться с другими, чтобы повысить свои выгоды. Монополия на основе «заключения каких бы то ни было договоров» не дает возможности охотно и во всякое время соединяться с другими, повышает путем договоров выгоды одних за счет других. Эту «мелочь» Гильфердинг не заметил.

По Марксу, монополия, создающаяся на основе спроса и предложения, есть случайная монополия. Маркс говорит: «Под случайной монополией мы разумеем монополию, создающуюся для покупателя или продавца благодаря случайному состоянию спроса»¹⁶. По Гильфердингу, условия спроса и предложения определяют монополию вообще.

Все это нужно было Гильфердингу, чтобы показать, что рациональное зерно лежит в самой цикличности капитализма. В существе высокой конъюнктуры лежат сплоченность капиталистов и ограничение конкуренции. Здесь кроме того ничего нового не вносят «искусственные» монополии. Именно во время процветания «договор здесь просто санкционирует существующее положение»¹⁷.

Взаимоотношения контрагентов в процессе обращения Гильфердинг представляет себе так, как будто монополия не вносит решительно ничего нового. «Картель,— говорит Гильфердинг,— продаст лишь в том случае, если согласятся на его цену, и на его цену придется согласиться, если рынок совершенно не может обойтись без предложения со стороны картеля. Картель по этой цене продаст то количество, которое недостает рынку»¹⁸.

Здесь совершенно ничего не изменится, если на место картеля выступит та или иная группа капиталистов как «сплоченное целое» на основе высокой конъюнктуры.

Теория, объясняющая монополярную цену высокой конъюнктурой, есть по существу теория спроса и предложения.

В этом — сокровенный смысл гильфердинговской постановки вопроса.

Устранив таким образом из сферы своих дедукций монополярную цену и то специфическое, что она вносит в ценообразование, Гильфердинг делает «шаг вперед» в направлении своей схемы вращающегося капитализма в социализм путем выхолащивания основного и главного в период империализма, путем отрицания господства монополии.

В отношениях господства монополии Ленин видел «суть дела, которую так неохотно и редко признают буржуазные экономисты и от которой так усердно стараются отговориться и отмахнуться современные защитники оппортунизма с К. Каутским во главе»¹⁹.

Нет никакого господства монополистов и в «Финансовом капитале» Гильфердинга. Здесь старательно подстригаются монополярные прибыли под среднюю прибыль и вообще отрицаются преимущества монополистов перед «посторонними». «Если бы нормы прибыли,— говорит Гильфердинг,— в предприятиях того или другого типа были одинаковы и притом равны средней

¹⁶ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 129.

¹⁷ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 220.

¹⁸ Там же, стр. 229.

¹⁹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 255.

норме прибыли, то сначала комбинация не давала бы никакого превосходства, потому что и после того можно было бы реализовать лишь среднюю норму прибыли. Но комбинация уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большее постоянство нормы прибыли»²⁰.

Здесь Гильфердинг утверждает, что комбинация сначала не давала бы никакого превосходства, так как и после объединения комбинат мог бы реализовать лишь среднюю норму прибыли.

Гильфердингу понадобилось это утверждение, чтобы доказать, что никакого превосходства и тем самым господства у монополий нет. Вопрос о превосходстве монополии Гильфердинг трактует следующим образом: «При высокой конъюнктуре, когда спрос выше предложения, цена продукта все равно будет самая высокая из возможных. В такие периоды посторонние, т. е. стоящие вне объединений, продают скорее выше, чем ниже картельных цен»²¹.

Отсюда следует, что при хорошей конъюнктуре превосходство находится на стороне посторонних.

Картелю будет принадлежать превосходство, по мнению Гильфердинга только в период депрессии и только при условии, когда рынок будет нуждаться в его товарах. «Во времена плохой конъюнктуры,— говорит Гильфердинг,— когда предложение выше спроса... должно обнаружиться, господствует ли объединение над рынком. Но ему будет принадлежать господство лишь при том условии, если его производство безусловно необходимо для снабжения рынка»²².

Но ведь именно в период депрессии, когда предложение выше спроса, товары картеля могут и не быть «безусловно необходимы для снабжения рынка». Таким образом отпадают преимущества картеля и во время депрессии.

Иначе говоря, ни в период депрессии и ни в период подъема картелирование не дает никаких преимуществ.

Положение картеля таково, по Гильфердингу, что он все время должен стоять на страже регулирования рынка. «Если согласятся на его цену,— говорит Гильфердинг,— и на его цену придется согласиться, если рынок совершенно не может обойтись без предложения со стороны картеля, картель по этой цене продаст то количество, которого недостает рынку. Но в таком случае ему придется настолько ограничить производство, чтобы оно не переобременяло рынка, между тем как у посторонних сохраняется возможность сбывать все, что они могут произвести. Более всего возможна подобная политика цен, во-первых, в тех отраслях производства, где ограничение не сопряжено со слишком крупными жертвами, т. е. в особенности там, где живой труд стоит на первом месте, порча же постоянного капитала не играет сколько-нибудь крупной роли.

И то и другое характеризует добывающую промышленность... Во-вторых, там, где сокращение потребления в периоды плохой конъюнктуры незначительно. Но если не осуществлено ни то, ни другое условие, то картелю, чтобы обеспечить свой сбыт, приходится понижать цены по сравнению с посторонними»²³.

Таким образом картель, по Гильфердингу, может регулировать рынок путем сокращения производства, а сокращать производство возможно лишь там, где «порча постоянного капитала не играет сколько-нибудь

²⁰ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 224.

²¹ Там же, стр. 229.

²² Там же.

²³ Там же.

крупной роли». Короче говоря, чрезвычайно иллюзорны преимущества картеля.

Сокращение производства ведет к уменьшению прибыли. А это противодействует стремлению удерживать цены на прежнем уровне и в неблагоприятные времена, а именно: «тому стремлению, в котором как раз должно было бы найти себе выражение господства над рынком»²⁴.

Следовательно господство над рынком, которое должно было найти свое выражение как раз в неблагоприятные времена, не может осуществиться, так как падение нормы прибыли ведет к тому, что «картель, не подчинивши себе всего производства, утрачивает господство над рынком, и снова начинается свободная конкуренция»²⁵.

Только картель, подчинивший себе все производство, сможет таким образом господствовать над рынком. Он сможет реализовать картельную цену без ограничения производства при том условии, «если он берет на себя удовлетворение только среднего спроса, удовлетворение же спроса, колеблющегося с конъюнктурой, предоставляет посторонним»²⁶.

Но это же возможно лишь тогда, когда картель сможет регулировать рынок. Гильфердинг и говорит, что это возможно тогда, когда «посторонние не могут производить больше, чем требуется для удовлетворения дополнительного спроса во время хорошей конъюнктуры... и, во-вторых, если для этих посторонних издержки производства выше, чем для картеля...» Но когда же осуществимы такие условия?—спрашивает Гильфердинг. И отвечает: «в том случае, когда налицо экономическое превосходство монополистического объединения. Однако такое превосходство нередко оказывается лишь преходящим или недостаточно крупным. Иначе обстоит дело в тех случаях, когда перед нами картели, располагающие наиболее благоприятными естественными условиями производства, следовательно картели, у которых к экономической монополии присоединяется естественная монополия»²⁷.

Следовательно экономическое превосходство, могущее дать картелю возможность удовлетворять только средний спрос и тем самым дать ему возможность господствовать, действительно лишь в том случае, если к искусственной монополии присоединяется естественная монополия. В противном случае пока еще нет единого капиталистического треста экономические превосходства «нередко оказываются лишь преходящими» и всякое господство монополии оказывается эфемерным.

Вся суть этих рассуждений заключается в том, что, по Гильфердингу, монополия до образования единого треста не вносит ничего нового в ценообразование и не осуществляет никакого господства. Господствовать можно лишь в том случае, если имеет место или естественная монополия или монополия, подчинившая себе все производство и могущая регулировать спрос,—такова точка зрения Гильфердинга. Только в том случае, когда монополия может взять на себя удовлетворение среднего спроса, предоставив посторонним удовлетворение дополнительного спроса, только тогда, когда посторонние не смогут производить больше, чем этого требует дополнительный спрос, только в этом случае возможно господство монополии.

Реальное содержание монополистического капитализма здесь выхолощено. Огромные монополярные прибыли подстрижены под среднюю прибыль. Отношения господства выпали. И от этой «сути дела» также отмахнулся Гильфердинг в «Финансовом капитале».

²⁴ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 230.

²⁵ Там же, стр. 229—230.

²⁶ Там же, стр. 229.

²⁷ Там же, стр. 230.

«Историческая тенденция финансового капитала» — процесс развития единого государственного капиталистического треста — идет, по Гильфердингу, на основе триумфального прогресса производительных сил. В своей теории монопольной цены он не выявил тенденции к загниванию. «Склонность к примирению марксизма с оппортунизмом» обнаружилась прежде всего в том, что не была выявлена основная и решающая закономерность в развитии империализма — тенденция к загниванию капитализма. Наоборот, Гильфердинг утверждает, что процесс комбинирования направляется банками в сторону все большего регулирования, причем последними «результат конкурентной борьбы антиципируется, предвосхищается. Благодаря этому... — говорит Гильфердинг, — удастся избежать бесполезного уничтожения и расточения производительных сил»²⁸. Так понимает Гильфердинг проблему загнивания капитализма.

Такова в кратких чертах характеристика «примирения марксизма с оппортунизмом» в ряде решающих вопросов империализма в «Финансовом капитале».

II. Экономическая система контрреволюционного троцкизма имеет своим теоретическим обоснованием меньшевистскую сущность каутскианства и гильфердинговщины.

Механистическое понимание существования монополии и конкуренции, отрицание явлений монополистической конкуренции являются у Гильфердинга исходным моментом исторической тенденции финансового капитала как форсированного процесса образования единого капиталистического государственного треста. Отсюда его путь к теории «организованного капитализма». Гильфердинговское «теоретическое» обоснование уничтожения конкуренции в процессе комбинирования лежит и в обосновании теории стагнации и теории нивелировки Троцкого. Абсолютный застой производительных сил может быть объяснен при капитализме лишь на основании полного отрицания конкуренции в эпоху империализма. Теория стагнации производительных сил, как и теория «организованного капитализма», имеет своим исходным моментом одно и то же отрицание монополистической конкуренции.

Из механистического понимания соотношения монополии и конкуренции и отрицания монополистической конкуренции вытекает у Гильфердинга тезис о нивелировании, о сглаживании неравномерности в эпоху империализма. Этот же тезис о нивелировании лежит в основе всей троцкистской концепции империализма. Нивелирование лежит в основе троцкистского понимания мирового капиталистического единства. Нивелирование есть исходный тезис теории перманентной революции. Из тезиса о нивелировании вытекает тезис о том, что «национальное государство пережило себя как рама для развития производительных сил, как база для классовой борьбы и тем самым как государственная форма диктатуры пролетариата»²⁹.

Отрицание за национальным государством возможности стать «государственной формой диктатуры пролетариата» есть отрицание не только возможности победы социализма в одной стране, но и возможности и неизбежности начала социалистической революции в одной стране.

«Установление прочного режима пролетарской диктатуры оказалось бы мыслимо только на протяжении всей Европы, стало быть в форме европейской республиканской федерации...»³⁰.

Отрицание возможности «установления прочного режима пролетарской диктатуры» в одной стране вытекает из отрицания закона неравномерного развития капитализма как решающего закона в эпоху империализма.

²⁸ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 223.

²⁹ Троцкий, Программа мира.

³⁰ Там же.

Этот же основной тезис троцкистской концепции — тезис о нивелировании — лежит в основе теории Троцкого о невозможности полной победы социализма в одной стране. И в этом основном и решающем вопросе теоретическое обоснование троцкизма имеет своими корнями гильфердинговщину.

Основной тезис Троцкого по вопросу о связи международной революции и революции в России, тезис, лежащий в основе его теории перманентной революции и говорящий о том, что «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру»⁸¹, вытекает, с одной стороны, из его понимания империализма, из механистической теории стагнации, т. е. застоя производительных сил, и закона нивелирования в эпоху империализма. С другой стороны, этот тезис вытекает из меньшевистской оценки движущих сил революции, из недооценки роли крестьянства, из троцкистского понимания связи СССР и мирового хозяйства. Троцкистское понимание тенденции капитализма к загниванию, представление о том, что весь капитализм представляет сплошное загнивающее плато, обусловлено отрицанием монополистической конкуренции и отрицанием обострения неравномерности развития в эпоху империализма, утверждением о том, что в эпоху империализма решающей является тенденция к нивелированию. Исходя из нивелирования как из закона развития, Троцкий мог «обосновать» свою теорию стагнации, т. е. теорию сплошного застоя производительных сил, теорию, обосновывающую фаталистичеки стихийный крах капитализма. Отрицание закона неравномерности развития капитализма как решающего закона империализма и приводит Троцкого к выводу о невозможности победы социализма в одной стране.

Троцкизм, с одной стороны, вырос из каутокианско-гильфердинговской концепции, откуда растет и социал-фашизм. Троцкизм, с другой стороны, является выражением мелкобуржуазной революционности, выражением «левой» фразы. Отсюда идеология эклектики, идеология, наиболее трудно распознаваемая для невооруженного марксистским методом глаза.

Троцкий вопрос о неравномерности развития ставит по Гильфердингу, а не по Ленину. Из концепции Гильфердинга в «Финансовом капитале», из отрицания явлений монополистической конкуренции, из отрицания иммиграции капитала в процессе комбинирования вытекает нивелирование как закон империализма.

Ленин, в противоположность Гильфердингу, выводил из основных признаков империализма не нивелирование, а неравномерность как решающий закон империализма.

Дальнейшее развитие установки Гильфердинга получили у троцкиста Е. Преображенского, у которого постановка вопроса о законе стоимости вытекает из механистического представления о сосуществовании монополий и конкуренции.

По Преображенскому, закон стоимости «частично замещается той формой организации производства и распределения, до которой вообще может подняться капитализм, оставаясь капитализмом»⁸².

Закон стоимости, по Преображенскому, ограничивается в своем действии. А это ограничение Преображенский понимает в том смысле, что его постепенно вытесняют элементы организации производства и распределения. Закон стоимости у Преображенского замещается какой-то формой плановости. И в растущем замещении закона стоимости элементами организованности выражается тенденция развития империализма.

⁸¹ Троцкий, Наша революция, стр. 278.

⁸² Преображенский, Новая экономика, стр. 131.

По поводу так называемого государственного капитализма в Германии во время войны Преображенский пишет: «Свободная конкуренция была ликвидирована, действие закона ценности во многих отношениях было почти полностью замещено плановым началом государственного капитализма. В общем период войны с полной ясностью обнаружил, куда растет система монополистического капитализма...»³³

Отсюда следует ясно и определенно, что система монополистического капитализма растет, по Преображенскому, в плановый государственный капитализм. В этом смысле «замещается закон стоимости... формой организации производства и распределения», в этом смысле закон стоимости ограничивается.

Закон стоимости, говорит Преображенский, все больше отходит на задний план, и экономическая необходимость пробивает себе дорогу в значительной степени иначе, чем через закон стоимости. «Экономическая необходимость пробивает себе здесь дорогу в значительной степени иначе, чем при законе ценности, а следовательно и политическая экономия открывает при анализе этих форм новую главу, поскольку начинается трансформация самого понятия «закон», с каким приходится иметь дело при свободе конкуренции»³⁴.

Постановка вопроса «о трансформации «закон», с каким приходится иметь дело при свободе конкуренции», вытекает из постановки вопроса о все большем замещении закона стоимости плановостью. Эта точка зрения есть точка зрения «организуемого капитализма».

В своей последней работе «Закат капитализма» Е. Преображенский развивает троцкистскую теорию стагнации и на ее основе дает троцкистскую по своему характеру, основам и методологии теорию кризисов.

Из теории стагнации вытекает, что капиталистическая система «должна вступить в условия, когда постепенно рассасывается самая форма циклического движения... когда вообще приостанавливается экономическое развитие и все больше и больше берут верх тенденции к простому воспроизводству»³⁵.

Основной смысл подмены ленинской теории загнивания капитализма в эпоху империализма троцкистской «теорией» стагнации заключается в том, что здесь проводится антиленинская теория автоматического крушения капитализма³⁶.

III. Посмотрим, как глубоко эта «склонность к примирению оппортунизма с марксизмом» в «Финансовом капитале» отразилась в работах по этим вопросам у ряда других экономистов. Рассмотрим в первую очередь «теорию монопольной цены» т. Ильюхова.

В двух номерах «Проблем мирового хозяйства» (№ 1 и 2 за 1931 г.) т. Ильюхов в статье «К теории монопольной цены» дает критику ряда ошибочных точек зрения по вопросу о монополии и монопольной цене и также свою положительную трактовку этого вопроса.

³³ Подчеркнуто мною. — С. С.

³⁴ Преображенский, Новая экономика, стр. 132—133.

³⁵ Преображенский, Закат капитализма, стр. 96—97.

³⁶ Примечание. Мы не можем здесь остановиться на «теории» кризисов Преображенского и на его троцкистском понимании всеобщего кризиса капитализма. Но отметим здесь, что и в «теории» Троцкого исчезла цикличность в эпоху империализма. «Капитализм, — говорит Троцкий, — барахтается: у него начинаются спазмы, он ищет выхода. Есть ли тут циклическая правильность? Поищите, товарищи, в спазмах циклическую правильность, потрудитесь найти» («Мировое хозяйство», 1919—1925 гг., т. 105). Отметим также, что и в «теориях» ряда других экономистов мы имеем в замаскированном виде те же троцкистские установки в виде теорий «деформированного» цикла. Эту тему мы постараемся осветить в дальнейшей своей работе.

Посмотрим, в чем сущность этой положительной трактовки теории монополярной цены т. Ильехова.

Основной тезис этой теории монополярной цены выражен т. Ильеховым следующим образом.

«Монополярная цена есть непосредственно индивидуальная цена треста или иной монополистической формы предприятия. Но качественная особенность этой индивидуальной цены состоит в том, что она одновременно выступает как рыночная цена на продукты данного рода. Такая двойственная ее роль вытекает из двойственной природы современных монополий. Будучи крупнейшим обобществленным производством, монополия может представлять собою не только частное, а уже непосредственно общественное производство³⁷. Но так как это обобществление основывается на частнособственнической базе, монополия в силу этого одновременно продолжает оставаться частным, индивидуальным и потому лишь потенциально общественным производством»³⁸.

Из этой постановки вопроса, как нам думается, с самого начала выпадает самая проблема монополярной цены, ее теоретическая сущность, ее анализ в условиях монополистической конкуренции, в условиях господства монополии и сосуществования последней с конкуренцией. По этой трактовке вопроса монополярную цену можно установить только эмпирически. «Ее уровень не поддается объективно-теоретическому анализу, его можно лопять лишь психологически-объективно» (Гильфердинг).

В самом деле, если качественная особенность монополярной цены, по т. Ильехову, состоит только в том, что индивидуальная цена треста выступает как рыночная цена на продукты данного рода, то это может означать лишь то, что монополисты сознательно устанавливают цены, которые они навязывают рынку. Где же связь рыночной цены с законом стоимости, если рыночная цена есть непосредственно индивидуальная цена треста?

По Гильфердингу, как мы уже цитировали, тоже нет никакого объективного закона цен при монополии. «Объективный закон цен прокладывает себе путь лишь через посредство конкуренции. Значит, если монополистические объединения уничтожают конкуренцию,— говорит Гильфердинг,— то они уничтожают единственное средство, при помощи которого может найти осуществление объективный закон цен».

Теоретический анализ объективного закона цен, который прокладывает себе путь через посредство господства монополии, монополистической конкуренции, через сосуществование монополии и конкуренции, совершенно выпадает из определения монополярной цены, данного т. Ильеховым.

Дальше. Что означает тезис Ильехова «монополия может представлять собою не только частное, а уже непосредственно общественное производство, но так как это обобществление основывается на частнособственнической базе, монополия... продолжает оставаться... потенциально общественным производством».

Для марксиста совершенно ясно, что монополия при капитализме никогда не сможет и не «может представлять собою непосредственно общественное производство», так как ее частнособственническая база есть ее сущность.

Такая абстракция — монополия при капитализме — непосредственно общественное производство — называется, по Ленину, зряшной.

Только, по Гильфердингу, монополия является потенциально-общественным производством, и по мере образования единого государственного треста она сможет представлять собою непосредственно общественное производство.

³⁷ Подчеркнуто мною. — С. С.

³⁸ Ильехов, «Проблемы мирового хозяйства» № 1, 1931 г., стр. 77.

Тов. Ильяхов однако дальше углубляет свою ошибочную установку и дает более откровенную формулировку сущности монополярной цены, чем это делает сам Гильфердинг в «Финансовом капитале».

«Рычагами» реализации монополярной цены т. Ильяхов считает экономическую политику государства и систему мероприятий монополистических союзов. «Экономическая политика государства, система мероприятий монополистических союзов,— говорит т. Ильяхов,— входит в число «рычагов», при помощи которых индивидуальная цена монополистических товаров реализуется как рыночная цена»³⁹. Значит индивидуальная цена треста реализуется как рыночная цена с помощью экономической политики государства и системы мероприятий монополистических союзов.

Но если монополярная цена есть непосредственно индивидуальная цена треста, качественная характеристика которой состоит в том, что она является рыночной ценой, если монополярная цена реализуется как рыночная цена посредством таких «рычагов», как экономическая политика государства и система мероприятий монополистических союзов, то какое же отношение имеет эта индивидуальная цена треста к закону стоимости, к закону, проявляющемуся «в виде принудительного давления конкуренции?» (М а р к с). Закон стоимости как закон движения цен не осуществляется, отрицается, если монополярная цена как непосредственно индивидуальная цена треста реализуется как рыночная цена с помощью экономической политики государства. Всякая связь этой монополярной цены с объективным законом цен, с законом стоимости и с законом цен производства здесь отпадает и является такой же «связью», как связь между «нотариальными пошлинами, красной свекловицей и музыкой».

Посмотрим однако, как т. Ильяхов пытается сочетать свою постановку вопроса о монополярной цене с объективным законом цен.

Правильно отмечая, что Гильфердинг представляет себе процесс выравнивания норм прибыли в виде форсированного процесса образования единого комбината, т. Ильяхов противопоставляет Гильфердингу свою форму разрешения антагонистического противоречия монополии и конкуренции.

Он говорит: «Не может быть сомнения в том, что тенденция к комбинированию благодаря существованию монополярных цен усиливается и что в этой форме находит свое частичное и своеобразное разрешение закон равенства нормы прибыли. Своеобразное потому, что равенство нормы прибыли здесь осуществляется не через иммиграцию капитала, а в форме его централизации. Частичное потому, что тенденции к комбинированию противостоят другая более могущественная тенденция к выравниванию нормы прибыли, которая характеризуется изменением направления и формы иммиграции капитала. Эта тенденция представляется в виде образования новых отраслей производства, продукт которых может заменить продукт старых отраслей»⁴⁰.

Однако этот тезис, формально направленный против Гильфердинга, есть центральный тезис самого Гильфердинга. Именно Гильфердингу нужно было утверждение, что осуществление средней нормы прибыли происходит в форме централизации в процессе комбинирования. Самое противопоставление в процессе комбинирования формы централизации капитала форме иммиграции капитала понадобилось Гильфердингу для обоснования того, что процесс комбинирования исключает конкуренцию. Тезис «равенство нормы прибыли здесь осуществляется не через иммиграцию капитала, а в форме его централизации» (Ильяхов) означает отрицание монополистической конкуренции в процессе комбинирования.

Разве процесс централизации капитала не происходит на основе пере-

³⁹ Ильяхов, «Проблемы мирового хозяйства» № 1, 1931 г., стр. 77—78.

⁴⁰ Ильяхов, «Проблемы мирового хозяйства» № 2, 1931 г., стр. 30.

лива капиталов и борьбы монополистов между собой? Разве борьба за квоту в процессе комбинирования не есть борьба за перелив капитала?

Спасает ли положение такая постановка вопроса, что «тенденции к комбинированию противостоят другая более могущественная тенденция к выравниванию нормы прибыли, которая характеризуется изменением направления и формы иммиграции капитала. Эта тенденция представляется в виде образования новых отраслей производства?» Конечно нет. Во-первых, совершенно неправильно противопоставлять тенденции к комбинированию тенденцию к образованию новых отраслей производства. В образовании новых отраслей производства лежат те же тенденции монополистического капитализма, как и в процессе объединения старых отраслей. Как процесс централизации капитала, так и централизации его происходит на основе монополистической конкуренции, борьбы монополии и аутсайдеров, свободной конкуренции между аутсайдерами и тем самым на основе перелива капитала.

В постановке вопроса т. Ильяхова совершенно исчезает реальный закон движения капиталистического общества в эпоху империализма. Здесь тенденции снимаются контртенденциями. Диалектика подменяется насквозь механистической гильфердинговской методологией.

Во-вторых, критика Гильфердинга т. Ильяховым бьет мимо цели, так как именно Гильфердинг утверждает, что перелив капитала возможен лишь там, где речь идет о новом капитале. «Уравнение нормы прибыли,— говорит Гильфердинг,— может осуществляться все с большей исключительностью только приливом нового капитала в такие сферы, где норма прибыли выше средней, отлив же из сфер производства с большим основным капиталом становится все более затруднительным. Здесь уменьшение капитала осуществляется лишь постепенным отмиранием старых сооружений или же уничтожением капитала в случае банкротства»⁴¹.

Значит и Гильфердинг противопоставляет тенденции к комбинированию другую тенденцию к выравниванию нормы прибыли. Эта тенденция и у Гильфердинга представляется в виде образования новых отраслей производства.

Но зачем же бить Гильфердинга «его же добром»?

Итак, по Ильяхову, нет иммиграции капитала в самом процессе комбинирования. А это значит, что как у Гильфердинга, так и у Ильяхова отрицается наличие монополистической конкуренции в процессе комбинирования.

И по Гильфердингу и по т. Ильяхову, перелив капитала идет только в виде притока нового капитала в новые отрасли. И эти новые отрасли противопоставляются отраслям, где происходит комбинирование.

У Гильфердинга тезис о том, что «путь иммиграции капитала к уравнению нормы прибыли закрыт при существовании монополии»⁴², является узловым тезисом, из которого впоследствии Гильфердинг мог развить свою теорию «организованного капитализма».

Тезис Ильяхова о том, что с в о е о б р а з и е осуществления закона равенства нормы прибыли в эпоху империализма, осуществление его в процессе комбинирования происходит не через иммиграцию капитала, есть по существу тот же тезис Гильфердинга.

Основная установка т. Ильяхова, заключающаяся в том, что «равенство нормы прибыли здесь осуществляется не через иммиграцию капитала, а в форме его централизации», приводит т. Ильяхова к чисто механистическому представлению о движении капитала, об осуществлении средней нормы прибыли, к представлению о двухсекторной модели капитализма.

Тов. Ильяхов представляет себе процесс ценообразования следующим образом: устанавливаются цены производства. На базе установленных цен

⁴¹ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 214.

⁴² Там же, стр. 269.

производства начинается «странствование» капитала, которое вызывается «вращением действительных монопольных цен вокруг цен производства». Цены производства устанавливаются там, где нет «структурно закрепленных» цен. Там, где цены «структурно закреплены» (Ильюхов), т. е. где происходит процесс комбинирования, там, как мы видели, иммиграция капитала замещается централизацией его, там в этом секторе происходит повидимому «странствование» капитала в кавычках.

Тов. Ильюхов пишет: «Раз даны цены производства, проблема состоит в том, чтобы определить, в какой степени изменяется необходимость «странствования» капиталов, которое вызывается вращением действительных монопольных цен вокруг цен производства»⁴³.

Но это может означать лишь то, что монополии не участвуют в образовании цен производства на основе странствования капитала без кавычек. Монополии, оказывается, на основе уже данных цен производства осуществляют тенденцию к образованию средней нормы прибыли, «структурно закрепленным вращательным движением цен вокруг цен производства». Это и есть подтверждение тезиса о том, что равенство средней нормы прибыли здесь, т. е. в процессе комбинирования, осуществляется не через иммиграцию капитала, а в форме его централизации. «Странствование» капитала в кавычках, которое вызывается вращением действительных монопольных цен вокруг цен производства, противопоставляется странствованию капитала без кавычек, на основе которого устанавливаются цены производства.

Эта постановка вопроса может вытекать лишь из представления о двухсекторной модели капитализма, лишь из представления, что в одном секторе монополистического капитализма господствует свободная конкуренция и устанавливается цена производства, а «раз даны цены производства», то в другом секторе начинается «странствование» капитала, которое вызывается «вращением действительных... монопольных цен вокруг цен производства». Здесь сектор капитализма, где господствует стихия, противопоставляется другому, где господствует плановость. Монополистический капитализм, таким образом, представленный в виде двух самостоятельных секторов, управляется на основе принципиально различных закономерностей: в одном секторе — стихия, свободная конкуренция, цены производства, в другом — монополия и «вращательное движение структурно закрепленных цен».

«Странствование» капитала во втором секторе происходит в форме централизации капитала, а не в форме иммиграции, а потому оно и берется в кавычки⁴⁴.

«Структурно закрепленные» цены и выражают, по Ильюхову, его тезис о том, что здесь нет иммиграции капитала. Здесь структурное отрывается от конъюнктурного. Это положение т. Ильюховым дальше развивается.

Расхождение цен оптовых и розничных, промышленных и сельскохозяйственных и т. д. Ильюхов считает явлением не «конъюнктурным, а структурным». Так он говорит: «Это расхождение цен представляет собою явление не конъюнктурное, а структурное, и отражает собою структурно закрепленные диспропорциональности»⁴⁵.

⁴³ Ильюхов, «Проблемы мирового хозяйства» № 2, стр. 31.

⁴⁴ Примечание. Отметим в этой связи, что в учебнике политической экономии Ленинградского отделения Коммунистической академии точка зрения двухсекторной модели монополистического капитализма проводится с полной, так сказать, откровенностью в главе о монопольной цене. Там говорится: «Поскольку в монополизированных отраслях остаются неограниченная конкуренция и свобода циркуляции капитала, постольку здесь устанавливается для этого сектора (подчеркнуто автором) одна уже пониженная средняя норма прибыли». И дальше автор говорит: «Чрезвычайно характерно и самое сосуществование монопольной цены на одной стороне и цены производства на другой» (стр. 246—247).

⁴⁵ Ильюхов, «Проблемы мирового хозяйства» № 2, стр. 37.

Конечно циклические и конъюнктурные явления получают свою особую характеристику на общем фоне структурных сдвигов, структурных изменений и прежде всего на общем фоне у с л и в а ю щ е й с я неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Но значит ли это, что нужно оторвать структуру капитализма от его конъюнктурной формы движения и заявить, что «расхождение цен представляет собою явление не конъюнктурное, а структурное».

Отрыв структуры капитализма от его конъюнктурной формы движения является исходным пунктом апологетических теорий капитализма.

Именно под углом зрения двухсекторной системы можно понять и постановку вопроса т. Ильюхова о законе стоимости. В статье имеются на первый взгляд совершенно противоречивые постановки вопроса: в одном месте статьи говорится определенно, что закон стоимости в эпоху монополистического капитализма не отрицается, в другом говорится, что он «приобретает в высшей степени относительную тенденцию».

«Отрицание действия закона стоимости,— говорит в одном месте правильно т. Ильюхов,— для монополистического капитализма представляет собой таким образом лишь иной способ доказательства планового, гармонического, основанного на едином для всех стран и отраслей производства экономическом уровне развития современной капиталистической системы производства»⁴⁶.

Значит закон стоимости не отрицается.

Дальше, уже совершенно неправильно, т. Ильюхов заявляет:

«Через неравномерный характер развития осуществляется проявление закона цен производства. Однако, поскольку форма этого осуществления совершается в виде образования новых монополий, этот закон приобретает в высшей степени относительную тенденцию, неспособную совершенно устранить или даже на длительный срок парализовать существование монополярных цен»⁴⁷.

Значит закон стоимости и не отрицается и «приобретает в высшей степени относительную тенденцию, неспособную совершенно устранить или даже на длительный срок парализовать существование монополярных цен», т. е., по Ильюхову, «отрицается» в кавычках.

Может показаться, что здесь имеется нечто от диалектики, что здесь закон стоимости отрицается в том смысле, что он возвышается в новую степень.

Однако по существу здесь, никакой диалектики нет, а есть эклектика. Основная же установка выражается в том, что в секторе, где происходит процесс комбинирования, закон стоимости приобретает в высшей степени относительную тенденцию, неспособную совершенно устранить или даже на длительный срок парализовать существование монополярных цен. А в секторе, где происходит существование капитала и где устанавливаются цены производства, закон стоимости не отрицается.

Примечание. Между прочим такое же неверное выражение получает закон стоимости и в интерпретации Блюмина, которого т. Ильюхов критикует. «В эпоху империализма,— говорит Блюмин,— ценность превращается в абстрактную идею, которая может объяснить лишь перераспределение прибавочной ценности».

Логическая противоречивость в постановке вопроса т. Ильюхова исчезает, если исходить из его концепции двухсекторной модели.

Закон стоимости не отрицается в секторе, где господствует свободная конкуренция. Закон стоимости «отрицается», т. е. приобретает в высшей

⁴⁶ Ильюхов, «Проблемы мирового хозяйства» № 2, стр. 31.

⁴⁷ Там же, стр. 34.

степени относительную тенденцию, в секторе, где «структурно» закреплены цены.

Но здесь можно было бы — и это соответствовало бы больше действительному содержанию — кавычки снять и сказать ясно, что закон стоимости отрицается в том секторе, где цены «структурно» закреплены. И в самом деле, если он превращается в тенденцию, неспособную совершенно устранить или даже на длительный срок парализовать существование монопольных цен, то в чем же выражается его действие?

Правда, здесь ответ напрашивается сам собой.

Отрицание действия закона стоимости представляет собою лишь иной способ доказательства планового, гармонического развития монополистического капитализма. Иного вывода нет. Таков с неизбежностью объективный вывод из двухсекторного капитализма.

В самом деле, может ли этот вывод быть иным, если, несмотря на бесчисленное количество фактов монополистического капитализма, фактов, говорящих о бесчисленных срывах монопольных цен даже в период подъема и даже там, где к «искусственной» монополии присоединяется естественная (схема Стивенсона по каучуку), утверждать, что закон стоимости «приобретает в высшей степени относительную тенденцию, неспособную совершенно устранить или даже на длительный срок парализовать существование монопольных цен».

Мы считаем, что вывод из постановки вопроса т. Ильюхова о монопольной цене может быть только один: в секторе, где цены «структурно» закреплены, закон стоимости отрицается.

Двухсекторная модель монополистического капитализма целиком и полностью увязывается с представлением т. Ильюхова о механистическом единстве противоречий.

Тов. Ильюхов не понимает Ленина в основном методологическом вопросе.

Ленин пишет: «Никогда в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Есть старый капитализм, который в целом ряде областей дорос до империализма. Его тенденции только империалистические. Коренные вопросы можно рассматривать только с точки зрения империализма... В действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма... мы из этой мозаичной действительности не выскочим» (из речи на VIII съезде партии о программе).

Тов. Ильюхов объясняет этот тезис Ленина, дающий методологическую установку, следующим образом: «В мозаику» монополистического капитализма входят: а) простое товарное хозяйство, б) «свободный» капитализм и в) монополистически организованный (Sic!!!) капитализм. Совершенно естественно, что эти «уклады» должны отражаться в конкретном процессе ценообразования. В связи с этим стоит вопрос о пределах абстракции при изучении этого процесса... В действительности, как это вытекает из приведенных слов Ленина, экономика империализма представляет собою противоречивое единство различных экономических форм, это единство (при господствующей роли монополии) должно быть взято за исходный пункт в изучении ценообразования. Монополярная цена представляет собою одну из сторон (правда господствующую и наиболее типичную) этого процесса»⁴⁸.

В действительности однако из приведенных слов Ленина отнюдь не вытекает, что «за исходный пункт в изучении ценообразования» нужно взять противоречивое единство различных экономических форм, в котором «монополярная цена представляет собою одну из сторон».

⁴⁸ Ильюхов, «Проблемы мирового хозяйства» № 1, стр. 77.

Из приведенных слов Ленина отнюдь не вытекает, что «уклады» как-то: а) простое товарное хозяйство, б) свободный капитализм и в) монополистически организованный капитализм...» «должны отражаться в конкретном процессе ценообразования». Ленин исходит из диалектического единства противоречий империализма, т. Ильехов — из механистического единства противоречий.

Ленин в вышеприведенных словах исходным пунктом в ценообразовании делает диалектическое единство противоречий, а не механистическое единство различных укладов. Ленин говорит, что нет монополистического капитализма без свободной конкуренции в целом ряде отраслей. «Коренные вопросы можно рассматривать только с точки зрения империализма». Это значит, что исходным пунктом в ценообразовании Ленин делает монополию, монополистический капитализм. В «практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и антагонизм, но также и их синтез, который является не формулой, а движением. Монополия порождает конкуренцию, а конкуренция — монополию. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу»⁴⁹.

По Ленину следует, что исходным пунктом в изучении ценообразования в эпоху империализма является монополия, но монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет конкурентную борьбу, так как «никогда в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать» (Ленин). По т. Ильехову, исходным пунктом ценообразования является противоречивое единство различных «укладов», где «монополярная цена представляет собою только одну из сторон». По т. Ильехову, «эти уклады» механически должны отражаться в конкретном процессе ценообразования. Именно из этой методологии и вытекает двухсекторная модель империализма.

Посмотрим далее, как ставится Ильеховым проблема загнивания капитализма в эпоху империализма.

Одной из основных и решающих характеристик империализма, по Ленину, является тенденция капитализма к загниванию. Это есть одна из основных закономерностей империализма, вытекающая из существа монополии.

Тов. Ильехов не вывел из монополярной цены тенденции капитализма к загниванию. Из перечня факторов, влияющих со стороны монополярной цены на опрос и предложение, выпали решающие факторы, обуславливающие тенденции капитализма к загниванию.

«Во-первых,— говорит т. Ильехов,— высокие монополярные цены стимулируют расширение производства у аутсайдеров.. во-вторых, высокая монополярная цена стимулирует расширение производства у отдельных предприятий, входящих в монополистический союз»⁵⁰.

Но позвольте, факты говорят о том, что монополярные цены действуют не только в сторону расширения производства у отдельных предприятий, входящих в монополистический союз, но и в сторону сокращения производства на основе установленных квот. «Становится выгодным,— говорит т. Ильехов,— излишек продукции, превышающий установленные квоты, выбросить на «вольный» рынок, минуя сбытовой аппарат картеля»⁵¹.

Но т. Ильехов забывает, что становится совсем невыгодным платить штрафы за производство выше установленной квоты (штрафы Германии в Стальном картеле и другие) и в этом один из моментов загнивания. На основе монополярной цены часто не вводятся те или иные усовер-

⁴⁹ Маркс, Ницета философии, Гиз, 1928, стр. 144.

⁵⁰ Ильехов, «Проблемы мирового хозяйства» № 2, стр. 27.

⁵¹ Там же, стр. 31.

шенствования, т. е. монопольная цена действует в таких случаях в сторону не расширения производства на новой технической базе, а в сторону ограничения обновления основного капитала — и в этом основа загнивания.

Но уже совершенно непонятно, как это из перечня факторов влияния монопольной цены на спрос и предложение выпал основной и решающий, а именно: ограничение потребительского спроса на основе все той же монопольной цены.

Эта постановка вопроса является по существу постановкой вопроса Гильфердинга о монополии и о монопольной цене. По этому поводу Ленин и говорит, что Гильфердинг не выявил тенденции к загниванию капитализма и проявил «известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом».

То же замазывание сущности загнивания мы имеем и на конкретном примере, приведенном т. Ильеховым. Известно, что империализм не исключает роста производительных сил. «Ленин, — говорит т. Сталин, — ... вполне доказал... что рост капитализма не отменяет, а предполагает и подготавливает факт прогрессивного загнивания капитализма». Ленин говорил относительно САСШ, что благодаря этому росту «паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко». Но Ленин говорил о неравномерности этого роста и нигде не сравнивал этот рост с ходом автомобиля против кареты. Постановка вопроса Ильехова смазывает сущность загнивания и льет воду на мельницу теории «исключительности» развития САСШ.

По мнению т. Ильехова, темп развития Америки в эпоху промышленного капитализма относится к темпу развития Америки в эпоху довоенного империализма, как «быстрота движения почтовой кареты доброго старого времени относится к быстроте современного автомобиля». Ленин, ссылаясь на Риссера, дает это сравнение по отношению двух эпох развития промышленного капитализма Германии, а именно эпохи 1848—1870 гг. и эпохи 1870—1905 гг., последняя захватывает только первые несколько лет эпохи империализма. Ленин пишет: «Автор исследования немецких крупных банков Риссер говорит: «Но слишком медленный прогресс предыдущей эпохи (1848—1870) относится к быстроте развития всего хозяйства в Германии и в частности ее банков в данную эпоху (1870—1905) приблизительно так, как быстрота движения почтовой кареты доброго старого времени относится к быстроте современного автомобиля, который несется так, что становится опасным и для беззаботно идущего пешехода и для самих едущих в автомобиле лиц». Тов. Ильехов отсюда делает вывод: «Еще в большей степени представляются справедливыми эти слова в отношении Америки до эпохи всеобщего кризиса капитализма»⁵². Но этот вывод противоречит фактам. Возьмем несколько цифр:

Г о д ы	Мощность первичных двигателей (в тыс. л. с)	Прирост за период (в %)
1869	2 346	—
1879	3 411	45,4
1889	5 939	74,1
1899	10 098	70,0
1909	18 665	84,9
1919	29 324	57,0

⁵² Ильехов, «Проблемы мирового хозяйства», 1929 г., стр. 31.

Цифры говорят даже о снижении темпа роста за десятилетие — 1909—1919 гг., т. е. за 10 лет довоенного империализма, для САСШ. Если даже взять темп роста первого десятилетия империализма, дающий прирост в 84,2% против прироста в 70% за предыдущее десятилетие, то этот прирост тоже ниже прироста за десятилетие — 1889—1899 гг., дающего 74,1% против 45,4% за предыдущее десятилетие. Это однако не исключает и более быстрых темпов роста на отдельных участках капиталистического хозяйства САСШ, при нисходящих темпах роста на других участках там же.

Сравнивать же общие темпы роста САСШ в эпоху империализма с ходом автомобиля против кареты старого времени — значит замазывать тенденцию к загниванию монополистического капитализма.

Такова в основном связь теории монополярной цены Гильфердинга и т. Ильюхова.

Рассмотрим в этой же связи теорию монополярной цены Спектатора.

IV. В каутскианско-гильфердинговской по существу концепции империализма Спектатора особенно ярко выступает гильфердинговская «теория монополярной цены».

Мы видели выше что Гильфердинг «опорный пункт» для ответа о сущности монополярной цены находит в «различиях в поведении конкурентов в периоды хорошей и плохой конъюнктуры».

Тот же «опорный пункт» в анализе монополярной цены находит и Спектатор.

Опорным пунктом в объяснении теории монополярной цены Спектатора служит утверждение, что систематическое отставание предложения от спроса в эпоху империализма «есть предпосылка картельной ренты».

Это систематическое отставание предложения от спроса ведет к тому, что стоимость определяется не средними условиями производства, как это было в эпоху свободной конкуренции, а худшими, благодаря чему лучшие предприятия получают монополярную ренту.

Гильфердинг считает, как мы это видели выше, что «ограничение конкуренции и монополия вытекают из условий высокой конъюнктуры, что «если спрос выше предложения, то рыночную цену определяют предприятия, производящие при наихудших условиях, а те, которые производят при относительно лучших условиях, реализуют добавочную прибыль». Спектатор делает «шаг вперед» и «обнаруживает» при империализме наличие высокой конъюнктуры как постоянное явление. Отсюда он делает вывод о том, что стоимость определяется не средними, а худшими условиями производства. И здесь — то именно, в условиях высокой конъюнктуры, он обнаруживает, подобно Гильфердингу, «сплоченность» капиталистов, возможность получения картельной прибыли.

В этой связи Спектатор искажает категорию рыночной стоимости Маркса. Он берет при определении рыночной стоимости частный случай, когда «спрос превышает обычный уровень или предложение падает ниже обычной величины», тот случай, когда наихудшие условия определяют рыночную стоимость.

Однако «рыночная стоимость», по Марксу, «должна рассматриваться, с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведенных в данной отрасли производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной отрасли и которые составляют значительную массу продукции»⁵³.

По Марксу, как видим, рыночная стоимость должна рассматриваться как средняя стоимость товаров, произведенных в данной отрасли производства, и эта средняя стоимость совпадает с индивидуальной стоимостью

⁵³ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 120.

товаров, которые составляют значительную массу продуктов. По Марксу «только в исключительных комбинациях рыночная стоимость регулируется товарами, произведенными при наилучших или наиболее благоприятных условиях».

По Спектатору, рыночная стоимость всегда определяется худшими условиями.

По Спектатору, конъюнктура в эпоху империализма представляет всегда «исключительную комбинацию», в которой спрос всегда опережает предложение.

Сведение монопольной цены к рыночной стоимости и искажение самой категории рыночной стоимости понадобилось Спектатору для того, чтобы доказать тезис Гильфердинга, что монополия и ограничение конкуренции вытекают из условий высокой конъюнктуры. Качественная особенность монополистического капитализма — монополистическая конкуренция, сосуществование монополии и свободной конкуренции — «точка зрения империализма», не является опорным пунктом в изучении ценообразования, по Спектатору. Монопольная цена не выражает ничего специфического, качественно отличного от цены в период высокой конъюнктуры.

В период расцвета, мы это уже видели у Гильфердинга, контрагенты выступают как сплоченное целое. Только в этом случае они конечно могут «консервировать» отживающие предприятия с целью получения картельной прибыли. «Консервируя отживающие предприятия, — говорит Спектатор, — картель тем самым поднимает или утверждает на высоком уровне рыночную стоимость товаров. Не выпуская товаров на рынок, он в то же время в состоянии гнать цены вверх до уровня высших производственных расходов» (С п е к т а т о р).

Но если картель сам поднимает или утверждает рыночную стоимость так, как это ему заблагорассудится, то ведь сама эта «рыночная стоимость» лишь приспособляется к уровню монопольных цен.

Из этой теории вытекает, во-первых, что картель на основе высокой конъюнктуры как явления постоянного в эпоху империализма получает монопольную прибыль. Эта прибыль есть попросту сверхприбыль лучшего предприятия. Здесь все специфическое в монопольной цене отпадает.

Во-вторых, по этой теории стоимость приспособляется к монопольной цене, сама стоимость не определяется средним общественно необходимым временем, и тем самым действие закона стоимости в эпоху империализма отрицается.

В-третьих, на голову ставится действительное соотношение спроса и предложения в эпоху империализма. Колоссальное обострение противоречия между производством и потреблением, выражающееся в обострении между условиями производства и условиями реализации, затушевывается. Само это противоречие по этой теории выпадает.

Спектатор, подобно Гильфердингу, выводит монопольную цену из высокой конъюнктуры вообще. Специфическим у Спектатора по отношению к Гильфердингу является утверждение о том, что состояние высокой конъюнктуры является постоянным, имманентным для империализма явлением. Выведение монопольной цены из условий конъюнктуры и есть в основном точка зрения определения монопольной цены спросом и предложением.

Эту же точку зрения Спектатор мог позаимствовать и у Лифмана. По Лифману, спрос должен быть выше предложения, иначе отсутствует основной элемент, конституирующий монополию.

V. В современной буржуазной и социал-фашистской литературе преобладают однако теории, открыто объясняющие монопольные цены соотношением спроса и предложения.

Теоретики от социал-фашизма прекрасно знают, что именно в отри-

цании действия закона стоимости лежит обоснование теории «организованного капитализма». Отрицание закона стоимости является лишь иным способом доказательства «планового», «организованного» развития капитализма.

Отсюда следует полное отрицание действия закона стоимости и объяснение монополюльных цен законом спроса и предложения, теорией вульгарного экономиста Сэя.

Буржуазный апологет Лифман все особенности современного капитализма выводит из анализа спроса и предложения. Эта же точка зрения лежит, как мы видели, в зародышевой форме в «Финансовом капитале» Гильфердинга.

Это «обоснование» монополюльной цены применяют на все лады «теоретики» от социал-фашизма.

Основной тезис этих вульгарных теорий гласит: «Уровень цен определяется уже не количеством рабочего времени, необходимым для изготовления товаров, а лишь эластичностью спроса» (Браунталь).

Последователей вульгарной теории спроса и предложения в нашей литературе немало. В развитом виде эту теорию дал нам Блюмин.

«Отправным пунктом для построения теории монополюльных цен» Блюмин берет у Курно «идею о доминирующей роли закона спроса»⁵⁴.

Блюмин говорит, что Курно совершенно верно отметил, «что при объяснении монополюльных цен нужно учесть прежде всего характер спроса на данный товар».

Блюмин ссылается в оправдание своего «отправного пункта» не только на Курно, но и на Лифмана. «Преимущество определения Лифмана заключается в том, что последний сконцентрировал свое внимание на анализе спроса — предложения»⁵⁵. Анализ спроса и предложения должен лечь в основу анализа монополюльных цен. «В условиях монополии закон спроса и предложения превращается в основной закон, объясняющий высоту установившихся монополюльных цен»⁵⁶. Дальше Блюмин говорит следующее: «Если формулу Курно для случая монополии признать лишь весьма приближенным выражением планового принципа, ограничивающего действие стихийных законов конкуренции (если следовательно отвлечься от утопической идеи, что каждый монополист знает законы спроса и умеет отыскивать условия максимума прибыли), то основное содержание этой формулы сведется к тому, что высота монополюльных цен не определяется непосредственно и исключительно ценами производства, а находится в зависимости от соотношения спроса и предложения»⁵⁷.

В таком виде Блюмин принимает формулу Курно для объяснения монополюльных цен. Если эта формула, говорит Блюмин, является «приближенным выражением планового принципа», то она вполне следовательно подходит для объяснения монополюльных цен. Разницу между собой и Курно Блюмин видит в том, что для Курно эта формула служила полностью выражением планового принципа, а для него, Блюмина, она должна служить лишь «весьма приближенным выражением этого принципа». «Благодаря сосредоточению всего производства в руках одного объединения капиталистов последнее получает значительную возможность ограничения размеров производства, сознательного регулирования предложения. На сцену выступает плановый элемент, который получил столь яркое и одностороннее выражение у Курно»⁵⁸.

⁵⁴ Блюмин, «Вестник Коммунизма», кн. 20, 1927, с. 97

⁵⁵ Там же, с. 100.

⁵⁶ Там же, с. 101.

⁵⁷ Там же, с. 97.

⁵⁸ Там же, с. 98.

Методология этой постановки вопроса заключается в том, что Блюмин здесь абстрагирует от монополистической конкуренции, абстрагирует от борьбы монополии и аутсайдеров. «На сцену выступает плановый элемент». Конкуренция вводится лишь как модифицирующий фактор. Критика Курно со стороны Блюмина заключается в том, что Курно не вводит этого модифицирующего фактора, и тем самым «плановый элемент»... получил одностороннее выражение у Курно».

«Плановый элемент» — вот что играет решающую роль в определении монополярной цены у Блюмина. Монополярная цена определяется политикой монополиста, который получает «значительную возможность ограничения размеров производства, сознательного регулирования предложения».

Отсюда, по Блюмину, «рыночные цены «всерьез и надолго» отрываются от цен производства и начинают подчиняться другим законам»⁵⁹, т. е., как это вытекает из всей постановки вопроса, законам плановости.

Элементы плановости модифицируют, по Блюмину, закон спроса и предложения. Закон спроса и предложения получает, по Блюмину, новое содержание.

«Решающее значение,— говорит Блюмин,— имеет не само соотношение спроса и предложения, а характер законов изменения этих категорий... Монополия имеет место всюду, где существует абсолютная или относительная фиксация предложения»⁶⁰.

«Плановый элемент» изменяет сущность взаимоотношения спроса и предложения. «Плановый элемент» выражается в «фиксации предложения». Спрос и предложение больше не зависят от цен, как это было в эпоху свободной конкуренции. Спрос и предложение предопределены плановостью, выражающейся в заранее данной «фиксации предложения». Особенность монополярных цен заключается в том, «что они не тяготеют к ценностям, или, иными словами, в том, что закон цен отделяется от закона ценности, что последний совершенно не отражается в ценах. Фактически, в случае монополярных цен, закон ценности перестает действовать. Из реального закона или вернее тенденций товарного производства ценность превращается в абстрактную идею, которая может объяснить лишь перераспределение прибавочной ценности или прибыли»⁶¹.

Здесь Блюмин последователен и ставит все точки над *i*. Всякие экивоки в сторону закона стоимости в других местах текста совершенно не увязаны с основной установкой Блюмина. Отрицание фактического действия закона стоимости и является доказательством развития капитализма в сторону «организованного капитализма». Эта установка и соответствует тому, что говорилось Блюминым о «возможности ограничения размеров производства», о возможности «сознательного регулирования предложения», о «фиксации предложения» и т. д.

Модифицированные спрос и предложение выглядят у Блюмина по образцу и подобию меновых отношений простого товарного хозяйства. «В условиях свободного воспроизводства,— говорит Блюмин,— сохраняется непосредственное взаимодействие между покупателями и продавцами каждого товара... Но наряду с этим появляется новый дополнительный элемент, имеющий огромное значение,— взаимодействие между производителями товаров. Данный производитель испытывает на себе давление всего товарного общества в целом»⁶². Этим условиям Блюмин противопоставляет условия модифицированного спроса и предложения. «В условиях искусственной монополии,— говорит Блюмин,— происходит взаимодействие

⁵⁹ Б л ю м и н, «Вестник Комкадемии», кн. 20, 1927, с. 98.

⁶⁰ Т а м ж е, с. 100.

⁶¹ Т а м ж е, с. 101.

⁶² Т а м ж е, с. 103.

между данным производителем и всей группой покупателей». Эта группа покупателей тоже выступает как единое целое, как один покупатель, так как «непосредственно данная группа монополистов или данный монополист чувствует на себе лишь давление непосредственных антагонистов-покупателей. В связи с этим высота цены непосредственно зависит от борьбы этих двух групп, т. е. от целого ряда факторов, которые влияют на спрос отдельного покупателя и на предложение отдельного производителя»⁶³.

Эта схема простого товарного производства, где отдельный покупатель сталкивается с отдельным производителем, имеет у Блюмина свое «теоретическое» обоснование. Блюмин, ссылаясь на диалектику Гегеля, отождествляет монополярную цену в период империализма с ценой простого товарного хозяйства. Вот что пишет Блюмин по этому поводу: «Эволюция закона цен напоминает известную схему Гегеля о тезисе, антитезисе и синтезе. Последняя фаза капитализма является отрицанием отрицания, отрицанием товарного производства как самостоятельной и цельной экономической системы, управляемой всецело своими стихийными законами ценности». И вот, исходя из гегелевской формулы, на основе анализа монополярных цен Блюмин приходит к выводу, что «начальная и конечная стадии товарного производства подчиняются формально аналогичным законам»⁶⁴.

Таков «интересный исторический вывод», к которому приходит в своем «теоретическом» анализе Блюмин. Теория монополярной цены Блюмина дает основные установки теории «организованного капитализма».

На той же теории спроса и предложения в определении монополярных цен стоит Дашковский. По своей установке он ближе всего подходит к Спектатору. Подобно Спектатору Дашковский считает, что монополисты, исходя из удовлетворения «среднего спроса», представляют посторонним удовлетворять дополнительный спрос рынка. «Монополисты ограничивают свое производство нормальным средним спросом, который никогда не падает ниже определенного процента, предоставляя остальным промышленникам приноравливаться к неизбежным колебаниям и кризисам спроса, приходящимся на долю остального процента производства»⁶⁵. Он считает, что «монополия... стремится ограничить производство меньшими размерами, чем позволяют условия сбыта, или во всяком случае не превышающими возможности сбыта»⁶⁶. А это может означать лишь то, что монополярная цена всегда определяется в условиях, когда спрос постоянно выше предложения.

Дашковский, примерно, в таблице вычисляет, как выгодно монополисту устанавливать монополярную цену при сознательном ограничении предложения. «Монополист-картель,— говорит Дашковский,— заинтересован в трех вещах: во-первых, продать товар по возможно более дорогой цене, во-вторых, получить от продажи наибольшую валовую выручку, в-третьих, извлечь из продажи максимальную чистую выручку или прибыль»⁶⁷.

Исходя из этих трех условий, Дашковский вычисляет «наиболее выгодные условия продажи» для картеля. Ответ на этот вопрос Дашковский дает на основании вычисления, с одной стороны, издержек производства и, с другой, эластичности спроса со стороны производителей.

«Понятно,— говорит Дашковский,— что цены монополярных товаров не могут совпадать ни со стоимостью, ни с ценой производства, ибо и та и другая предполагают свободную конкуренцию на рынке, предполагают стихийное установление цены, а не ее произвольное установление сверху.

⁶³ Блюмин, «Вестник Комкадемп», кп. 20, с. 103.

⁶⁴ Там же, с. 105.

⁶⁵ Дашковский, Рынок и цена в современном хозяйстве, с. 80.

⁶⁶ Там же, с. 87.

⁶⁷ Дашковский, Политическая экономия (конспект), с. 293.

Тем не менее элемент стихийности есть и в монополярной цене: во-первых, влияние размеров спроса, которым монополист не может управлять так же свободно, как предложением товаров, во-вторых, издержки производства»⁶⁸. Следовательно, по Дашковскому, капиталист может управлять предложением совершенно свободно, элемент стихийности вносит только спрос. На монополярную цену, устанавливаемую монополистом при сознательном ограничении предложения, элемент стихийности идет со стороны спроса.

Оговорка Дашковского, говорящая о том, что «границы, в пределах которых изменяется монополярная цена, целиком определяются законом стоимости»⁶⁹, может таким образом означать лишь то, что стоимость, не являясь законом движения цен, существует как определенная масса, которую монополисты распределяют по своему усмотрению.

От закона стоимости к закону спроса и предложения — путь теоретиков социал-фашистов.

Мы видели выше, что основу для своей теории «организованного капитализма» Гильфердинг заложил еще в своей теории стоимости, в трактовке стоимости как категории только меновой, но не производственной, не материальной. Отсюда и выведение монополярной цены из высокой конъюнктуры, отсюда, в конечном счете, и теория спроса и предложения.

Интересно отметить, что Каутский в предисловии к последнему изданию «Экономического учения Маркса (1930 г.)» переводит внимание от проблем производства к проблеме обращения. «До войны, — пишет Каутский, — рабочий класс интересовался теми явлениями, которые лежат в основе классовых противоречий между наемателем и наемным трудом и определяли пролетарскую классовую борьбу. Мировая война создала новую ситуацию. Рабочий класс становится все более в положение, которое требует защищать не только особо узкие классовые интересы, но и общие интересы процесса производства в целом, всей общественной жизни вообще... В процессе обращения выступает явление, которое для блага и преуспевания рабочих имеет наибольшее значение и не теряет в своем весе оттого, что здесь до известной степени рабочие и капиталисты имеют общие интересы» (Каутский). Здесь — в сфере обращения — стоит один только «класс» — «класс потребителей». В выведении законов движения капитализма из меновой концепции лежит классовая сущность методологии объяснения монополярной цены из спроса и предложения.

VI. Закон спроса и предложения так же мало может объяснить монополярные цены, как и рыночные цены в эпоху свободной конкуренции. Объяснение монополярных цен законом спроса и предложения представляет тот же «порочный круг», сводящийся к тому, что спрос и предложение объясняют цены, а цены — спрос и предложение. Как и в эпоху свободной конкуренции, и сейчас нельзя ответить на вопрос, чем определяется монополярная цена в том случае, когда спрос равен предложению. «Если предложение и спрос покрывают друг друга, то они перестают действовать, и именно поэтому товары продаются по их рыночной стоимости... Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было»⁷⁰. Теоретики, исходящие из спроса и предложения, вынуждены признать конституирующим монополярную цену фактором постоянное превышение спроса над предложением или на основе сознательного регулирования предложения, или на основе «имманентного империализму безграничного роста спроса».

Только мировоззрение вульгарного экономиста с его фетишистским

⁶⁸ Дашковский, Рынок и цена, с. 92.

⁶⁹ Там же, с. 92.

⁷⁰ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 139.

представлением о товаре и деньгах может не видеть, что базисом, на котором покоится отношение спроса и предложения, является стоимость. «Общественная потребность, т. е. то, что регулирует принципы спроса,— говорит Маркс,— существенно обуславливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.). Таким образом здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится само это отношение»⁷¹. Отношение между спросом и предложением осуществляет, по Марксу, капитал в своем движении. «Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции... капитал осуществляет такое отношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль»⁷². Капитал в своем движении, стоимость в своем движении определяют взаимоотношение спроса и предложения, а монополия, которая вытекает из соотношения спроса и предложения, есть явление случайное.

«Монополия, выросшая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней и рядом с ней» (Ленин).

Все коренные вопросы, говорит Ленин,— а ценообразование есть коренной вопрос,— мы должны рассматривать с точки зрения империализма. Монополярная цена устанавливается на основе движения противоречий самих монополий.

Решающим, определяющим видом конкуренции является монополистическая конкуренция. Возьмем такие примеры: борьба за квоту в Стальном картеле, где ведутся бои между французским, германским и бельгийским капиталом; борьба за квоту в Калийном объединении между французским и германским капиталом; развитие Угольного синдиката все время сопровождалось борьбой между крупными и мелкими шахтами внутри объединений; борьба между франко-германским картелем, английским картелем Монда и американским «Du Pont de Nemours» в химической промышленности; борьба на нефтяном рынке между крупнейшими монополистами и т. д.

Противоречия между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью,— с другой, и т. д. Ленин считает самыми глубокими и коренными противоречиями империализма.

«Конкуренция покоится на интересе, а интерес снова создает монополию, коротко говоря, конкуренция переходит в монополию. С другой стороны, монополия не может остановить поток конкуренции; мало того, она сама рождает конкуренцию» (Энгельс). Здесь закон стоимости (закон цен производства) проявляется как постоянное движение обостряющихся противоречий самих монополий. «Закон, согласно которому на производство товаров должно быть затрачено лишь общественно-необходимое время, при капиталистическом хозяйстве проявляется, вообще говоря, только в виде принудительного внешнего давления конкуренции»⁷³.

Закон стоимости в эпоху империализма проявляется в виде принудительного внешнего давления конкуренции, живущей рядом с монополиями.

«Каким бы образом,— говорит Маркс,— ни устанавливались и ни регу-

⁷¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 132.

⁷² Там же, с. 144.

⁷³ Там же, с. 323.

лировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, во всяком случае, движение их управляется законом стоимости. Где падает рабочее время, необходимое для производства товара, падают и цены; где оно повышается повышаются, при прочих равных условиях, и цены»⁷⁴. Закон цен производства в эпоху монополистического капитализма не отрицается, он проявляется с большей напряженностью, с большей силой. Роль же его как закона воспроизводства происходит при все возрастающих препятствиях.

Монопольная цена в каждой отдельной отрасли производства имеет центром тяготения рыночную стоимость. Своеобразие здесь заключается в том, что монополия, воздвигая местные и временные препятствия переливу капитала, обуславливает одновременно и получение монопольной прибыли, и еще большую интенсивность и напряженность в движении капитала.

Монопольная цена, устанавливающаяся между отдельными отраслями производства, имеет центром тяготения цену производства. Своеобразие здесь заключается в том, что монопольная цена вызывает местные нарушения в движении капитала, стимулируя еще большую интенсивность этого движения.

Маркс говорит: «Если бы уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий, так что сделалась бы возможной монопольная цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, то даже в этом случае не были бы уничтожены границы, определяемые стоимостью товаров. Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение этой пропорции»⁷⁵, в которой распределяется между различными сферами производства прибавочная стоимость, но граница самой этой прибавочной стоимости осталась бы неизменной»⁷⁶.

Маркс писал для эпохи промышленного капитализма, и здесь он берет предполагаемый случай, тот случай, когда осуществление средней нормы прибыли встретило бы в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий, случай, когда «сделалась бы возможной монопольная цена». Но именно этот случай является типичным и характерным для эпохи, о которой Ленин говорит, что «экономически империализм... есть высшая степень развития капитализма, когда... свободу конкуренции сменяет монополия».

«Из марксистов Ленин был первый, который подверг действительно марксистскому анализу империализм как новую, последнюю фазу капитализма» (Сталин). Монопольная цена, по Ленину, не отрицает ни закона стоимости, ни закона цен производства, так как, по Ленину, «монополия, вырастая из конкуренции, не устраняет ее».

Монопольная цена не нарушает границы самой прибавочной стоимости. Монопольная цена не отрицает также осуществления средней нормы прибыли, монопольная цена дает местное нарушение пропорции, в которой распределяется между различными сферами производства прибавочная стоимость, и тем самым дает возможность монополистам получать сверхприбыли и делает более напряженной борьбу за перелив капитала.

Дает ли эта постановка вопроса право подстричь монопольную прибыль под среднюю прибыль, объявить, что монопольная прибыль устанавливается по принципу: «равная прибыль на равный капитал» и только?!

⁷⁴ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 123.

⁷⁵ Подчеркнуто мною. — С. Сл.

⁷⁶ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 325.

Дает ли, дальше, эта постановка вопроса право утверждать, что коль скоро закон средней нормы прибыли не отрицается, то тем самым не осуществляется принцип «крупнейшему больше, чем ему следует»? Ни того ни другого из этой постановки вопроса конечно не следует.

Диалектика процесса такова, что осуществление принципа «крупнейшему больше, чем ему следует», происходит на основе осуществления принципа «равная прибыль на равный капитал». Именно потому, что осуществление средней нормы прибыли происходит на основе перелива капитала, монополия может урвать больше, препятствуя в тот или иной момент на данном участке этому перемещению капитала. Но чем больше монополярная прибыль, тем больше идет борьба за перелив капитала, тем интенсивнее эта борьба.

Здесь происходит и «распределение средств производства... сообразованное с интересами крупного, в первую голову, крупнейшего монополистического капитала, действующего в таких условиях, когда все развитие земледелия безнадежно отстает от развития промышленности, а в промышленности тяжелая индустрия берет дань со всех остальных ее отраслей»⁷⁷. И одновременно происходит процесс распределения средств производства по принципу «равная прибыль на равный крупный капитал».

«Местное нарушение пропорции, в которой распределяется между различными сферами производства прибавочная стоимость», является в эпоху империализма характерной чертой процесса осуществления равной нормы прибыли.

Средняя норма прибыли в эпоху империализма осуществляется через монополистическую конкуренцию, через сосуществование монополии и конкуренции, через капиталистическую рационализацию в эпоху загнивающего капитализма, через усиливающуюся неравномерность развития, через экспорт капитала и различия в уровнях таможенных пошлин.

Осуществление средней нормы прибыли в эпоху империализма происходит в условиях нарастающих затруднений. И в этом проявляется колоссальное обострение противоречий.

«Постоянное уравнивание постоянно возникающих неравенств,— говорит Маркс,— происходит тем быстрее, 1) чем подвижнее капитал, т. е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы и из одного места в другие... 2) чем скорее рабочая сила может быть переброшена из одной сферы в другую, из одного местного центра в другой. Пункт первый предполагает полную свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, особенно тех, которые возникают из самого капиталистического способа производства»⁷⁸.

В эпоху империализма монополии представляют ряд искусственных перегородок «постоянному уравниванию постоянно возникающих неравенств», что и усиливает, и обостряет неравномерность развития. Неравномерность развития становится «решающей силой» в эпоху империализма. Неравномерность развития как «могучий фактор разложения капитализма» (Сталин) вытекает из сущности самого монополистического капитализма.

Монополярная прибыль усиливает неравномерность развития капитализма в эпоху империализма. На основе гигантской концентрации производства, вырастающих монополий и «передела поделенного» идет процесс усиления неравномерности развития. Борьба за «передел поделенного», являясь другим выражением усиления неравномерности развития, является в то же время выражением монополистической конкуренции.

Исторической тенденцией монополистического капитализма является тенденция все растущего неравномерного развития капитализма. Дифферен-

⁷⁷ Ленин, Соч., т. XIII, с. 263.

⁷⁸ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 144.

циальная прибыль внутри монопольных объединений ведет к неравномерному развитию отдельных частей самих объединений.

Концентрация капитала подводит к монополиям, и процесс концентрации производства на основе монопольных прибылей дает чрезвычайную скачкообразность развития. Неравенство прибылей дает увеличивающуюся неравномерность развития концентрационного процесса производства по отношению к промышленному капитализму. Закон неравномерности развития капитализма становится решающей силой, решающим законом развития при империализме, обуславливающим победу социализма в одной стране.

И в эпоху промышленного капитализма известные сферы производства могли получать сверхприбыли. «Добавочная прибыль,— пишет Маркс,— может возникнуть в том случае, если известные сферы производства находятся в условиях, позволяющих уклониться от превращения их товарных стоимостей в цены производства»⁷⁹.

В эпоху империализма эта возможность уклониться от превращения товарных стоимостей в цены производства вытекает из существа монополии. Монополия дает возможность, как правило, получить огромные сверхприбыли. Монопольная цена переносит часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Искусственно вздутые цены отрываются на время от цен производства и от товарной стоимости. Но монополия здесь «сама рождает конкуренцию», и на основе перелива капитала, происходящего со все большей интенсивностью и при все возрастающих препятствиях, происходит осуществление закона средней нормы прибыли. Центром тяготения монопольных цен остаются цены производства.

Монопольная прибыль идет не только по линии перенесения части прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Монопольная цена имеет своим главным источником огромное усиление нормы эксплуатации пролетариата и трудящегося крестьянства. В эпоху империализма заработная плата, как правило, ниже стоимости рабочей силы. Налицо все увеличивающийся рост абсолютного обнищания.

В эпоху империализма всеобщий закон капиталистического накопления проявляется в условиях загнивающего капитализма. Цена на труд на базе чрезвычайной интенсификации его и высоких монопольных цен падает ниже стоимости рабочей силы. Монополия обуславливает неизбежность ухудшения положения рабочего класса, неизбежность обострения классовой борьбы. Монополия ведет наступление на заработную плату рабочих не только в период кризиса, но также и в период подъема. Возьмем например САСШ. В горной промышленности средний заработок в смену снизился с 7,5 доллара 1924 г. до 5,5 доллара в первом квартале 1929 г. В апреле 1929 г. заработная плата горняков в Питсбурге была вновь снижена на 7%. Снижение заработной платы, произведенное крупной центральной фирмой в Пенсильвании в 1929 г., выразилось в снижении с 6 до 5 долларов в смену для подземных рабочих и с 55 до 45 центов в час для рабочих на поверхности. Еще в начале 1928 г. имело место снижение заработной платы в текстильной промышленности: на 10% в Новой Англии, на 10—20% в Торонто и Фол-Ривере, в сентябре на 5% в Нью-Бедфорде. Все это происходит на общем фоне снижения заработной платы текстильщиков, начиная с 1920 г. Снижение заработной платы в автомобильной промышленности происходит в форме снижения сдельных расценок. Одним из методов снижения заработной платы является фордовская пятидневная неделя⁸⁰.

Сверхприбыль идет также из неэквивалентного обмена монополистов

⁷⁹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 175.

⁸⁰ По данным Профинтерна.

с простыми товаропроизводителями (отчуждение части стоимости производимого простым товаропроизводителем продукта).

На опрощенном фактическом материале, иллюстрирующем высокие монополярные цены, мы видим, как «крупнейшему достается больше, чем ему следует». И наоборот, в фактах срыва монополярных цен и в самых границах фиксации их находит выражение осуществление принципа «равная прибыль на равный капитал».

Возьмем пример устойчивой монополярной прибыли.

Несмотря на огромный рост производительности труда в сельскохозяйственном машиностроении, индекс цен на сельскохозяйственные машины остается ряд лет стабильным или даже повышается.

Возьмем несколько иллюстраций.

Производительность труда, число рабочих, стоимость продукции и продукция на 1 рабочего в сельскохозяйственном машиностроении САСШ ⁸¹.

Г о д ы	Число рабочих (средн.)	Стоимость продукции (в долл.)	Продукция на 1 рабочего (в долл.)
1899	46 582	101 207 428	2 172
1909	50 551	146 329 268	2 894
1914	48 459	164 086 835	3 386
1919	54 368	304 961 265	5 609
1921	30 359	163 816 679	5 395
1923	30 962	151 286 248	4 886
1925	28 696	169 467 966	5 905
1927	33 346	202 732 126	6 079

В ценах того же года

Индекс цен на сельс кохозяйственные машины в САСШ (1926 г.= 100)

1913	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
72,9	83,2	98,8	105,7	100,4	100,0	99,2	98,8	57,9

Не менее интересны примеры срывов монополярных вышек. Интересен срыв английской каучуковой монополии (схема Стивенсона) в фазу подъема. Схема реконструкции производства каучука потерпела полный провал. Монополярная цена полетела вверх тормашками, несмотря на то, что здесь к искусственной монополии присоединяется естественная монополия Англии на каучук.

Европейское объединение производства висмута распалось в марте 1927 г., так как «посторонние» расширили свое производство на основе монополярных цен. И монополия была сорвана благодаря конкуренции «посторонних».

Международный медный синдикат снизил цены под влиянием конкуренции со стороны алюминия.

Интересна также борьба между Машиностроительным трестом и Стальным картелем.

Борьба ведется также и внутри крупных комбинированных объединений. Вертикальные тресты, входящие в комбинат и дополняющие друг друга как составные части единого целого, не являются соответственно соразмерными частями. Отдельные составные части, вошедшие в комбинат совершенно сложившимися, часто не соответствуют потребностям объединения в целом.

⁸¹ Цевзы САСШ за 1927 г., с. 427.

Так например, существуют диспропорции в стальной промышленности между прокатными и сталелитейными заводами, в нефтяном объединении существует диспропорция между добычей сырой нефти, нефтепроводами и нефтеперегонными заводами и т. д. В процессе своего роста комбинат не развивает пропорционально этих неравномерно развитых частей. Эта неравномерность отдельных частей комбината ведет к конкуренции. Здесь конкуренция принимает особые формы борьбы — она загоняется вглубь.

Наибольшей неустойчивостью обладают международные объединения. Здесь преобладающей формой объединения является картель и синдикат, где монополистической конкуренции предоставляется наибольший простор. Здесь каждый участок соглашения сохраняет самостоятельность, принимая на себя определенные обязательства.

Во время текущего кризиса монопольные цены падают с катастрофической быстротой и достигают небывалой до сих пор глубины падения. Примером может служить Стальной картель на протяжении последних лет кризиса.

И в то же время борьба монополистов за монопольные цены противодействует рассасыванию кризиса. И в этом смысле действие закона стоимости как «слепого» закона, «закона, управляющего движением цен», происходит при все возрастающих препятствиях.

«Нынешний капитализм,— говорит т. Сталин,— в отличие от старого капитализма, является капитализмом монополистическим, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание»⁸². В этом торжестве рассасывания проявляется один из моментов загнивания капитализма.

Противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения заложено в зародышевой форме в противоречии товара, в двойственном характере труда, в стоимости, в деньгах, в цене.

В монопольной цене заложено противоречие между гигантским обобществлением производства и частным присвоением, и внутренний момент этого противоречия — противоречие между производством и потреблением, достигающее в эпоху империализма колоссальной остроты.

В монопольной цене заложены моменты загнивания капитализма. Противоречие между производством и потреблением достигает колоссального обострения вследствие низкой покупательной способности масс на основе монопольной цены. Выражением этого противоречия является борьба за рынки сбыта, протекционистская политика, бросовые цены, демпинг, чудовищная спекуляция.

Все эти явления суть выражения загнивания капитализма и, с своей стороны, обуславливают его дальнейшее загнивание.

Борьба за рынки сбыта на основе монополистической конкуренции приводит к борьбе за «передел поделенного» — к вооруженным восстаниям, к разрушению производительных сил. Протекционистская политика препятствует развитию производительных сил там, где для них имеются наиболее благоприятные условия. Демпинг и бросовые цены также действуют разрушительным образом на производительные силы. Подкуп переплетается с вредительством на предприятиях конкурента. Спекуляция идет по линии колоссального разрушения производительных сил.

Загнивание, по Ленину и Сталину, отнюдь не означает застоя, стагна-

⁸² Отчет ЦК ВКП(б) XVI съезду, с. 10.

ции производительных сил. Ленин и Сталин понимают тенденцию к загниванию таким образом, что она не исключает роста производительных сил отдельных стран и отдельных отраслей производства.

«Частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение, которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худший конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена»⁸³.

---

⁸³ Ленин, Соч., т. XIII, с. 335.

М. БИРБРАЕР

ВРЕДНАЯ ПУТАНИЦА

(О статье Сегалла «Структура промышленного капитала» в № 7—8 «Проблемы экономики» за 1931 г.).

Вопрос о структуре и обороте промышленного капитала имеет первостепенное значение для уяснения конкретных процессов, происходящих в мире капиталистического производства, особенно в его последних стадиях развития. Немалое практическое значение может представить применение марксова учения о кругообороте капитала к особым условиям нашей промышленности, в частности при решении ряда весьма важных конкретных вопросов качественного порядка, как например вопроса о наделении предприятий оборотными средствами, политики резервов и запасов, «мобилизации внутренних ресурсов», организации управления, снабжения и т. п.

Разумеется, в отношении нашей промышленности следует самым тщательным образом учитывать особенность социалистической системы хозяйства, принципиально отличной от капиталистической.

Учение о структуре и обороте промышленного капитала играет в системе Маркса весьма крупную роль. Достаточно напомнить о введенном Марксом расщеплении капитала на постоянный и переменный. Это расщепление, как известно, служит одной из важнейших основ всего экономического учения Маркса. Но нельзя также недооценивать значение и остальных частей того учения, именно тех, которые и составляют предмет второго тома. Известно, какое значение придавал Маркс своему пониманию основного и оборотного капитала, с какой тщательностью он выделял свои разногласия по этому вопросу с буржуазными экономистами, особенно с классиками. Но очень важны установленные Марксом формы движения промышленного капитала: производительный, товарный и денежный. Маркс вплотную подошел к анализу отдельной «клеточки» капиталистического хозяйства — промышленно-производственному предприятию, исследовал его внутренние закономерности и вскрыл, как из отдельных ячеек складывается капиталистическое общество со всеми его внутренними противоречиями не только межклассовыми, но и внутри самого класса капиталистов. Первые разделы II тома в известном смысле играют определяющую роль в развитии идей II и III томов «Капитала». «Капитал можно понять только в его движении», — говорит Маркс, и именно законы этого движения в самом общем их виде и исследуются тут Марксом. Нет ничего удивительного, что у Маркса в изложении множатся экскурсы в область послекапиталистической экономики и социалистического строя, по мере того как он раскрывает конкретную внутреннюю механику процесса производства в капиталистических условиях.

Маркс был и остался единственным экономистом, создавшим стройную, глубокую научную теорию кругооборота промышленного капитала во всей его многогранности и сложности. Замечательно, что вся мировая буржуазная экономическая наука не сделала даже хоть сколько-нибудь серьезной попытки в этом направлении. Она таким образом оказалась неспособной понять самый механизм капиталистического «оборота». Тут с пре-

дельной ясностью сказалась работа буржуазной науки «на социальный заказ»; отдельные капиталистические предприятия, с которых надо начинать анализ, гораздо больше заинтересованы в сокрытии тайн своего механизма, чем в познании их. Поставляемые капиталистическими предприятиями и статистикой отчетные данные об их деятельности поэтому нарочито запутываются и фальсифицируются. Ученые буржуазные экономисты не сумели создать даже хоть сколько-нибудь ценной и теоретически цельной теории баланса промышленного предприятия¹, несмотря на ту огромную роль, которую играет этот документ в коммерческих, и особенно в банковских и биржевых, сферах. Энгельс, как известно, придавал огромное значение изучению структуры капитала и находил кое-какие элементы для этого в данных американской статистики. Но со времени Энгельса американская статистика мало улучшилась.

Сейчас мы в СССР поставлены в исключительно благоприятные условия для того, чтобы поднять изучение структуры капитала на должную высоту, если мы только всерьез этим займемся. Марксова теория развита и обогащена ленинским учением о капитализме периода империализма и пролетарских революций, учением о строительстве социализма после победоносной пролетарской революции и грандиозным практическим творчеством победившего пролетариата по революционной переделке капиталистического хозяйства в социалистическое. Ленин установил все важнейшие законы переходного периода от капитализма к социализму и продвинул далеко вперед наметки социалистического строя.

После смерти Ленина партия под руководством т. Сталина, руководствуясь правильным пониманием марксистско-ленинского революционного учения, усиленно развивала это учение и добилась возможности конкретной постановки в плане второй пятилетки задачи перехода к бесклассовому обществу.

К тому же за 10 лет мирного строительства мы накопили огромную массу прекрасных, проверенных отчетов и балансов промышленных и всяких иных наших предприятий. Нигде в мире нет и не может быть ничего подобного по богатству и достоверности. Мы имеем все возможности проникнуть во все тайны кругооборота «капитала» дифференцированно по отдельным отраслям и даже по мелким внутренним делениям отдельных промышленных предприятий.

Опираясь на наш эмпирический материал и произведя необходимые «поправки», можно несомненно гораздо яснее и четче проанализировать эмпирический (цифры и факты) материал, имеющийся в отношении капиталистических предприятий.

Как никак и в отношении мировой промышленности и довоенной российской имеется сейчас довольно богатый материал, который правда очень дефектен и представляет серьезные трудности для изучения, но все же поддается плодотворной марксистско-ленинской обработке. Нужно выразить лишь крайнее сожаление, что до сих пор эти груды материалов валяются у нас лишь в архивах, и мысль наших экономистов до сих пор их оплодотворяла лишь изредка, притом большей частью неудовлетворительно.

В силу этого нельзя было бы не приветствовать инициативу Института промышленно-экономических исследований ВОНХ СССР, поставившего у себя специальную работу по изучению структуры промышленного капитала и ее изменения, если бы не то обстоятельство, что часть этой работы, напечатанная в № 7—8 «Проблемы экономики» Я. Сегаллом (см. его ста-

¹ Здесь и в дальнейшем под словом «баланс промышленного предприятия» мы понимаем отнюдь не общую идею «равновесия», а всего лишь составляемый бухгалтерией документ (обычно в начале и конце года), в котором отражаются «актив» и «пассив» предприятия в момент составления этого документа.

тью «Структура промышленного капитала»), не оказалась к сожалению крайне неудовлетворительной и малопрямой по исполнению, а по содержанию политически вредной.

Заглавие статьи Я. Сегалла далеко не точно, ибо он вовсе не занимается всей проблемой структуры промышленного капитала, а лишь одной, правда весьма важной, частью, именно вопросом об органическом составе капитала. Понижается или повышается органический состав капитала отдельного капиталистического предприятия под давлением кризиса? — вот вопрос, разрешению которого посвящена его статья².

Этот вопрос имеет немалую политическую актуальность, поскольку он естественно самым непосредственным образом затрагивает вопросы заработной платы рабочих во время кризиса, в том числе и во время теперешнего кризиса. Известно, как социал-предатели подходят к этому вопросу. Большинство из них убеждает рабочих «пойти навстречу нужде» капиталистов и... соглашаться на снижение заработной платы.

По существу ту же точку зрения поддерживает своей «теорией» и Сегалл.

Он утверждает: «Мы приходим к заключению, что снижение органического состава капитала является установленным фактом». «Мы можем, — говорит он, — формулировать установленную нами (т. е. Сегаллом. — М. Б.) закономерность следующим образом: при замедлении оборота капитала (вследствие колебания конъюнктуры. — М. Б.) уменьшение суммы выплаченной за данный период заработной платы пропорционально уменьшению размеров оборотного капитала ведет к возрастанию доли переменного капитала и к снижению своей органической структуры капитала» (стр. 71).

Верна ли эта «закономерность»?

Легко заметить, что она находится в вопиющем противоречии даже с простой математической очевидностью³: пусть размер основного капитала будет A , размер оборотного постоянного — B , а переменного — V . Органический состав будет определяться соотношением $(A + B) : V$, или дробью $\frac{A + B}{V}$. Если в результате кризисов переменный капитал уменьшится вдвое и пропорционально уменьшению оборотного постоянного, который тоже уменьшается вдвое, то для органического состава мы имели бы такую дробь:

$$\left(A + \frac{B}{2} \right) : \frac{V}{2}, \text{ или } \frac{2A + B}{V}$$

В числителе одно из слагаемых удвоилось, другое слагаемое осталось без изменения, не изменился также и знаменатель. Дробь следовательно больше, значит и органический состав выше.

Обнаруженное «расхождение» между Я. Сегаллом и математикой тем более любопытно, что первый вывел свою «закономерность» не из чего-либо иного, как единственно из арифметической обработки некоторых стати-

² Формулировка темы принадлежит нижеподписавшемуся. Что касается Я. Сегалла, то он без всякого стеснения переносит на все капиталистическое хозяйство те «закономерности», которые он якобы обнаружил в одном десятке капиталистических форм; с другой стороны, он ни словом, ни «намеком» не проводит никакого различия между кризисом в период «нормального» капитализма и современным кризисом.

По существу однако его рассуждения, если имеют какой-нибудь смысл, то только в применении к отдельному хозяйству в обстановке кризиса «вообще». — М. Б.

³ Мы ниже увидим, что для исчисления структуры капитала нельзя пользоваться такой упрощенной математикой.

стических данных. Не думайте, что Я. Сегалл обнаружил здесь какой-то особенный диалектический процесс, нарушающий формальную логику математических рядов. Как же он «достиг» своей «цели»?

Для этого он прибегнул к некоему математическому фокусу, который надо разоблачить.

Сегалл основывается на следующем, по выражению автора, «воображаемом», «теоретическом» цифровом примере, который в тексте занимает более 2 страниц (от 69 до 71) и нами в целях экономии места передается в сокращенном изложении:

Перед нами предприятие, выпускающее продукцию в «нормальное время» на 180 млн. долл. в год. Его оборотный постоянный капитал составляет 6 оборотов, следовательно он равен 30 млн. долл. Весь капитал составляет 40 млн. долл., из коих 10 млн. долл. изнашиваемого в год основного капитала (почему вместо основного капитала принята сумма годового износа, понять трудно, но к счастью эта ошибка в данном примере не столь существенна.— М. Б.). Зарботной платы за год выплачено 60 млн. долл. Принимая оборот переменного капитала равным обороту оборотного капитала, т. е. 6 раз в год, находим, что переменный капитал составляет $60 : 6 = 10$ млн. долл. Органический состав капитала выражается соотношением $40 : 10 = 4 : 1$.

Наступает кризис. Продукция падает со 180 до 100 млн. долл. Оборот оборотного капитала замедляется — вместо 6 «циклов» он делает только 4; следовательно, размер постоянного оборотного капитала падает до 25 млн. долл. «Износ основного капитала остается (почему? — неизвестно, но — допустим.— М. Б.) тем же самым — 10 млн. долл. в год». Совокупный «обрабатывающийся» (автор хочет повидимому сказать постоянный) капитал равен 35 млн. долл.

До сих пор рассуждения Я. Сегалла как будто не содержат никаких специфических насилий над логикой, которые составили бы сущность «фокуса», или «математического софизма». «Софистика» спрятана в «зарботной плате». Когда дело доходит до определения размера зарботной платы и переменного капитала, наш автор пускается в «психологию». Капиталист-де в начале кризиса еще не теряет надежд, что «это лишь временная заминка, ему не верится, что наступил конец «процветанию» (стр. 70). Раз это так, то Я. Сегалл считает возможным сконструировать такой пример, когда капиталист сокращает производство, но зарботной платы не сокращает, рабочих не увольняет, занимая повидимому излишних рабочих, скажем, игрой в теннис или молитвами. Картинка прямо из какойнибудь социал-фашистской «классовой идиллии»...

Автор далее «тонко» описывает, как из квартала в квартал происходит психологическое «отрезвление» капиталиста от иллюзий. К IV кварталу этот «процесс» заканчивается, капиталист приводит количество рабочих в пропорцию со снизившимся выпуском и в этой же пропорции снижает фонд зарботной платы. Но за первые три квартала иллюзии обошлись сегалловскому воображаемому капиталисту в копеечку: выпустив на 100 млн. долл. продукции, этот бедный «мечтатель о процветании» вынужден заплатить 40 млн. долл. своим рабочим в виде зарботной платы, или 40% продажной цены, в то время как в год «процветания» он из 180 млн. долл. выручки выплачивал только 60 млн. долл. зарплат, т. е. $33\frac{1}{3}\%$. Это — $6\frac{2}{3}\%$ переплаты. Это $6\frac{2}{3}$ млн. долл. чистого убытка. Вот каков этот фантазер-капиталист, «сконструированный» Сегаллом для выведения своей «закономерности». Весь фокус заключается в том, что Сегалл «теоретически» изобрел капиталиста, который не только не перекладывает всей тяжести кризиса на рабочих, а даже наоборот: жертвует своими капиталами, чтобы поддержать рабочих во время кризиса.

Дальше дело уже делается просто. За год заплачено 40 млн. долл. зарплаты. Оборот замедлился до 4 раз. Значит, размер переменного капитала составляет $40 : 4 = 10$ млн. долл. Чудесное совпадение размера переменного капитала при кризисе и при процветании — неправда ли? Однако Я. Сегалл скромно обходит разговор об этом своем подвиге, совершенном мимоходом, и прямо мчится к цели: «Доля переменного капитала в оборотном капитале возрастает. Вместо 33% в год «процветания» (10 млн. из 30) она равняется теперь 40% (10 млн. из 25)» — торжествует он. Переменный капитал совершенно не изменился под влиянием кризиса, а постоянный оборотный, по его повелению, уменьшился с 30 до 25 млн. долл. Наш чародей и не замечает, а быть может, лишь делает вид, что не замечает, что своим примером он доказал гораздо больше того, что он обещал, а именно, что в периоды кризиса, вследствие дурной склонности господ капиталистов к бессмысленным мечтам, увеличивается доля заработной платы в цене отдельного изделия еще в ту пору, когда уровень цен еще совсем не тронут кризисом. А ведь именно таково одно из «воображаемых» условий примера, изобретенного Сегалом.

Выходит, по Сегаллу, что в результате кризиса возрастает доля рабочего класса в общем годовом доходе страны.

Сегалл не задумывается над выводами из своей «теории», из допущенных его воображением, в действительности не существующих классовых отношений в капиталистическом обществе.

Он продолжает свой стремительный бег к финишу: «Понижилась, — говорит он, — и органическая структура капитала. В год «процветания» она выражалась $4 : 1 \left(\frac{10 + 30}{10} \right)$, а теперь (т. е. в год кризиса. — М. Б.)

$3,5 : 1 \left(\frac{10 + 25}{10} \right)$ — ликует он. На этом основании он тут же выводит вышеприведенную свою формулу, и тогда оказывается, что... формула вовсе не соответствует «примеру», из него отнюдь не вытекает.

В самом деле: формула гласит, что выплаченная зарплата уменьшилась пропорционально уменьшению размеров оборотного капитала. Оборотный капитал уменьшился с 30 до 25 млн. долл., значит зарплата должна уменьшиться пропорционально с 60 до 50 млн. долл. Но в примере она составляет 40 млн. долл.; конечно, если бы при уменьшении выпуска со 180 до 100 млн. долл., т. е. свыше чем на 40%, зарплата упала бы только на 16%, то убыток капиталиста возрос бы еще на 10%. Сегалл тут пожалел своего капиталиста, и эта «жалость»... испортила и пример; и формулу:

Чтобы больше не возвращаться к этому «воображаемому» примеру, укажем еще на один грех с точки зрения методики обработки статистических данных. Исчисляя зарплату, Сегалл конструирует квартальную разбивку и затем вычисляет годовой фонд и средний его оборот. Его данные можно представить в следующей табличке:

За период	Размер выпуска в млн. долл.	Выплачено зарплаты в млн. долл.	Процент зарплаты к цене одной машины
Среднеквартальные данные в годы «процветания»	45	15,0	33,3
I квартал года кризиса	35	13,5	38,5
II » » »	25	11,5	46,0
III » » »	22	9,0	40,9
IV » » »	18	6,0	33,3

При наличии подобных данных (если бы они были на чем-нибудь основаны) надо крайне осторожно выводить среднюю. Средняя тут вообще ничего не значит. Врач мог бы вычислить среднюю температуру больного, которого лихорадка бросает то в 40°, то понижает его температуру ниже нормальной. Эта средняя могла бы оказаться довольно близкой к нормальной, но больной тем не менее умер бы.

Но еще грубее то, что при такой динамике производства оборотный капитал каким-то образом не подвергается поквартальным изменениям, а основной и вообще не изменился.

«Закономерность», установленная Сегаллом, как мы видим, проваливается на том самом «воображаемом» примере, который должен был ее обосновать. Посмотрим, как обстоит дело на «действительном» примере, приводимом тем же Сегаллом.

Он приводит данные автомобильной фирмы Крайслер. Они таковы (в миллионах долларов).

	1929 г.	1930 г.	1931 г. в процентах к 1929 г.
«Выпуск»	375,0	207,8	55,4
Зарплата в год	69,4	39,8	57,3
«Оборотный капитал»	76,4	74,0	96,9
Износ основного капитала	21,2	15,3	63,3
Основной капитал	83,6	74,0	88,5

Эти данные Сегалл принимает из отчетов фирмы без всякой критики, без всякого анализа, «обнаруживает» острое замедление оборота оборотного капитала, а вместе с ним — и точно в такой же мере — замедление оборота переменного капитала и приходит к сногшибательному выводу о том, что «при кризисе переменный капитал данного предприятия абсолютно (?) вырос (??)» (стр. 72. Разрядка Сегалла. — М. Б.).

«Исследователь» структуры промышленного капитала Сегалл явно «отвлекся» от того широко известного факта, что капиталистические предприятия самыми разнообразными методами фальсифицируют свои балансы. Он не обратил ровно никакого внимания на то весьма подозрительное обстоятельство, что годовая амортизация составила в 1929 г. около 30% стоимости основного капитала и еще в 1930 г. составляла около 20%. Это обстоятельство однако ясно показывает, что фирма Крайслер, как и другие капиталистические предприятия, пользуется политикой амортизационных отчислений в целях «маневрирования», т. е. фальсификации баланса. Нет никакого сомнения, что стоимость основного капитала в данном случае сильно преуменьшена.

Как обстоит дело с размером «выпуска»? У нас нет под рукой отчета фирмы Крайслер (Сегалл почему-то не сообщает, из какого источника он заимствовал этот отчет). Но, поскольку нам известно, американские фирмы показывают в своих отчетах не сумму производства, а сумму реализации. А это, как известно, особенно в капиталистических условиях и сугубо в периоды кризисов, далеко не одно и то же. Нужно полагать, что и фирма Крайслер волей-неволей работала в известной мере на склад.

Сегалл по самой меньшей мере находится во власти капиталистической сказки (мы не хотим его обвинять в худших вещах), когда он утверждает, что «думать о том, что фирма может позволить себе роскошь работать на свой собственный склад в ожидании лучших времен, не приходится»

(стр. 70). Вот как? А мы позволим себе думать, что иначе и быть не может: конечно капиталисты вынуждены работать на свой собственный склад в период кризиса. Разумеется, они, капиталисты, это делают вовсе не потому, что «позволяют себе роскошь», вовсе не по доброму своему желанию, вовсе не из какого-нибудь планового расчета, а именно вследствие анархичности капиталистического хозяйства.

Куда гнет Сегалл? Он утверждает, как нечто, не нуждающееся в особых доказательствах: «В настоящее время (при теперешнем кризисе т. е.—М. Б.) осведомленность американских фирм о состоянии и ближайших перспективах рынка очень велика, и самое производство построено на принципе немедленного сбыта (hand to mouth production).

«Они не могут конечно предусмотреть резкого перелома конъюнктуры, но раз конъюнктура дана, они ее довольно точно учитывают. Поэтому (?) надо предположить на нашем примере, что в среднем число готовых, но еще непроданных машин... несколько уменьшилось» (стр. 70. Разрядка моя.— М. Б.).

Итак, при кризисе количество непроданных машин уменьшается, склады разгружаются... на сей раз Сегалл выдал себя с головой.

Вернемся однако к фирме Крайслер. Если принять во внимание несомненное увеличение остатков непроданных машин, то окажется, что зарплата уменьшилась на больший процент, чем производство. Впрочем, если бы в каком-нибудь частном случае и оказалось бы несколько не так, то на этом основании отнюдь нельзя было бы оспорить наличие тенденции к снижению доли рабочего класса в национальном доходе в периоды кризисов. Особенно сильно эта тенденция в настоящее время.

Необходимо еще сказать, что и к показаниям капиталистических отчетов о размере выплаченной зарплаты надо относиться осторожно. Каждая цифра капиталистического отчета проникнута насквозь политикой и служит преимущественно не для раскрытия тайного, а для сокрытия явного. Мистифицирующая сила капиталистических цифр играет злые шутки над незадачливым Сегаллом или используется им для того, чтобы морочить головы читателям и протаскивать социал-предательскую контрабанду. Кто знает, что понимает фирма Крайслер под названием «выплаченная зарплата»?

Легко может случиться, что в 1930 г. здесь скрыты какие-нибудь крупные суммы, выданные верхушке акционеров под видом «жалованья», между тем как в благополучном 1929 г. они назывались «тантьемами» и отчислялись из прибыли. Впрочем, не требуется такой грубой формы мистификации. Американские фирмы обычно показывают слитно зарплату рабочим и служащим не только по производству, но и по обращению товаров (торговле). Вследствие затруднений в реализации торговые издержки, в том числе и фонд зарплаты торговых агентов, естественно, должны были вырасти по крайней мере относительно. Какое это имеет отношение к изменению органического состава капитала?

Хуже всего однако обстоит дело у Я. Сегалла, поскольку речь идет о пользовании эмпирическим материалом с исчислением постоянного, оборотного и переменного капиталов. Тут он проявляет полную беспомощность, которая имеет «солидный источник», а именно: капитальное непонимание, если не нарочитое, сознательное извращение марксовой теории структуры промышленного капитала плюс, мягко выражаясь, неумение пользоваться данными «балансов».

В своем докладе на сессии ЦИК СССР в декабре 1931 г. т. Молотов привел образец социал-фашистских методов «пользования статистикой»,

образец, который имеет право стать «классическим». Мы говорим о «спозобе» архиренегата Каутского, который взял три смены по 7 часов и произведение разделил на два, для того чтобы доказать, что у нас в СССР каждая смена работает не 7 часов, а 10½. Социал-фашисты знают, как извратить цифры, касающиеся СССР, зато они тем охотнее помогают скрывать фальсификации капиталистических цифр, капиталистических данных.

Умышленно или неумышленно (объективно от этого никакой разницы не получается) Сегалл сделал все от него зависящее, чтобы запутать читателя в лабиринте сфабрикованных капиталистами цифр.

Он заходит даже дальше самих капиталистов. Так например net working capital (чистый работающий капитал) вовсе не оборотный капитал. Тут Сегалл уже по своей «доброй» воле усилил мистификацию цифр, ибо и сами американские статистики не выдают net working capital за оборотный капитал предприятия. Они вычисляют этот net working capital, как они сами утверждают, на основании «statement of current assets and current liabilities». Сегалл правильно перевел это определение на русский язык, говоря, что «net working capital представляет собою разность между текущим активом и текущим пассивом», все же каким-то «непостижимым» образом тут же сделал подстановку и объявил эту «разность» «оборотным капиталом» в марксовом понимании.

В «текущем» активе баланса американские статистики числят относительно легко ликвидные средства, в первую очередь денежные средства, государственные облигации, текущие счета, акции промышленных и железнодорожных предприятий (не дочерних) и тому подобные разновидности денежного капитала, далее остатки сырья, материалов, готовых изделий и незаконченного производства и наконец счета и краткосрочные векселя к получению. В пассиве значатся краткосрочные обязательства к платежу. Разница между указанными активами и пассивами показывает лишь, насколько прочно финансовое положение данного предприятия, насколько оно кредитоспособно. Это — не только не «оборотный капитал», это даже не характеризует собственные оборотные средства, ибо часть собственных оборотных средств может оказаться в малоликвидных активах, например в инвестициях. Есть предприятия, где net working capital «представляет собою нулевую или даже отрицательную величину». Конечно кредит такой фирмы подрывается. Но все же никакой марксист, если он пользуется научной, а не обиходной вульгарной терминологией, не скажет такой нещепиды, что то или иное предприятие ведет свое производство с отрицательным оборотным капиталом.

В крупных богатых американских концернах net working capital представляет конечно положительную величину, притом очень крупную. Львиную долю (порой до 70—80%) этой величины составляет ликвидный денежный капитал в самых разнообразных формах, а также ряд других статей, не имеющих ничего общего с оборотным капиталом. Сегалл исследует балансы этих крупнейших американских концернов, и, принимая net working capital за «оборотный капитал», он разумеется преувеличивает его размеры в несколько раз. После этого механически получается чрезвычайное преуменьшение скорости оборота оборотного капитала.

То же самое с переменным капиталом. Сегалл не нашел у американских обработчиков балансовых данных ничего такого, что могло бы быть выдано за переменный капитал. Что было делать? Неизвестно, на каком основании, но Сегалл почему-то решил, что, во-первых, net working capital или, по его терминологии, «оборотный капитал» представляет лишь постоянную часть оборотного капитала и, во-вторых, что скорость оборота переменного капитала точь в точь равна скорости оборота

net working capital. Сделав эти совершенно произвольные, прямо противоречащие теории Маркса, допущения, принимая далее преуменьшенные коэффициенты скорости оборота, Сегалл сильно преувеличивает размеры переменного капитала.

Таким образом, вот эмпирические данные, которыми оперирует Сегалл для определения органического состава капитала: преуменьшенный основной капитал, преувеличенный оборотный постоянный и преувеличенный переменный. Числитель преуменьшен, знаменатель преувеличен, — вот почему, кстати сказать, у Сегалла и получаются смехотворно маленькие показатели органического состава капитала (стр. 68). Отличающиеся несомненно очень высоким техническим составом капитала текстильные и обувные предприятия имеют, по Сегаллу, органический состав капитала, выражающийся 4,6 : 1 и 2,9 : 1, химия—9,8 : 1 и лишь почему-то коксо-бензольный концерн далеко выпирает из общей низины, показывая 43,2 : 1.

* * *

Сегалл понял из учения Маркса о кругообороте и структуре промышленного капитала, что постоянный оборотный и переменный капиталы совершают оборот. Но это как будто и все, что есть верного в работе Я. Сегалла.

Кто читал второй том «Капитала», тот знает, что Маркс относит понятие оборотного капитала только к производительному капиталу. Товарный и денежный капитал в отличие от этого он называет «капиталами обращения». Сегалл, вопреки этому четкому марксовому определению, допустил, как мы видели, в определении оборотного капитала невероятную путаницу, смешав воедино и производительный капитал и капиталы обращения, приплетая еще сюда — ни к селу, ни к городу — вопрос о собственных и заемных средствах.

По Марксу, как известно, переменный капитал составляет часть оборотного капитала. Сегалл искал и «нашел» переменный капитал где-то вне оборотного капитала. Внутренняя структура промышленного капитала в изображении Сегалла представляет собой искажение теории Маркса и конечно не отражает действительности. Сегалл обратился к «балансу предприятий» для изучения эмпирики структуры промышленного капитала. В этом отношении он стоит безусловно на правильном пути. Нет никакого сомнения, что ошибку совершают те, кто выводит структуру промышленного капитала только из марксовской формулы стоимости $C + V + M$, которая является, поскольку речь идет о применении ее к эмпирическим цифрам, формулой стоимости годового продукта либо единичного продукта. Структуру капитала можно понять лишь из другой формулы Маркса, формулы кругооборота капитала $^4 D - T \dots P \dots T^1 - D^1$,

⁴ Эта формула является также единственной, которую следует применять для исчисления величины занятого промышленного капитала. Игнорирование этой формулы привело М. Смит в «Проблемах экономики» № 2 за 1930 г. к сконструированию совершенно неправильной теории эффективности капиталовложений. Ее главный теоретический грех заключается именно в том, что она почему-то вообразила, что $c + v + m$ является одновременно и выражением годового оборота и выражением оборачивающегося капитала. Допустив эту ошибку, она потом совершенно логически запуталась в математике.

Мы здесь даем формулу кругооборота денежного капитала, но читателю должно быть ясно, что в данном случае дело вовсе не в том, с какой формы начинается кругооборот. С таким же успехом для указанной в тексте цели может быть применена формула кругооборота производительного или товарного капиталов. Мы приводим формулу $D - T \dots P \dots T^1 - D^1$ — лишь как выражение единства кругооборота всех трех функциональных форм промышленного капитала. Нам важно лишь указать, что при анализе структуры капитала в эмпирике следует принять во внимание, что капиталист авансирует капитал не только для процесса производства, но и для процесса обращения и что все части промышленного капитала совершают определенный оборот, различный для каждой части.

Последняя формула лежит в основе «баланса промышленного предприятия». Баланс дает, можно сказать, моментальную фотографию структуры промышленного капитала во всем многообразии его движения. Те переходы и превращения, которые происходят последовательно во времени (превращение денежного капитала в производительный, производительного в товарный, а товарного вновь в денежный), здесь видны так, как будто эти превращения совершаются одновременно в пространстве. Вследствие непрерывности процесса производства все метаморфозы капитала и в самом деле совершаются одновременно, каждая частица капитала в каждый данный момент в состоянии видеть по соседству прошедший и будущий свой метаморфоз.

Здесь конечно не место для подробного развертывания методологии приложения марксовской теории кругооборота капитала к анализу «баланса» (или, точнее, использования балансовых данных для эмпирического изучения установленных Марксом законов кругооборота капитала). Баланс разумеется показывает усложненную картину по сравнению с общей схемой Маркса, который при теоретическом анализе должен был отвлечься от ряда усложняющих моментов.

Держась теории Маркса, мы получаем следующую схему актива баланса:

1. Денежный капитал. Сюда относятся касса, ценные бумаги, акции, различные формы участия (т. е. все фиктивные ценности), текущие счета в банках, подотчетные суммы и т. п. (= Д).

2. Товарный капитал — в виде остатков, выпущенных из производства готовых к продаже товаров (= Т). Сюда же относятся и так называемые «остатки товаров в пути», отправленных покупателям, но еще не реализованных, поскольку они еще находятся в распоряжении продавца.

3. Середину между денежным и товарным капиталом составляют долги покупателей как в виде открытых счетов, так и в виде разного рода товарных краткосрочных обязательств. Тут товарный капитал находится в какой-то точке на пути своего превращения в деньги и денежный капитал. Все эти три раздела — капиталы сферы обращения.

4. Дальше идет обширный и притом исключительно сложный переплет капитала, находящегося в сфере производства, или производительного капитала (П). Последний делится на: а) основной капитал, б) оборотный капитал с дальнейшим подразделением на постоянный и переменный⁵ и в) производительный запас.

Представляется крайне важным для понимания особенно органического состава капитала установленное Марксом выше указанное разделение производительного капитала. Производительный запас воплощает в себе элементы Т из формулы $D = T \dots P \dots T^1 = D^1$. Производительный запас не представляет собой особой функциональной формы промышленного капитала. Это — сырье, топливо, материалы, чужие полуфабрикаты, запасное оборудование и детали машин и т. п. Они уже вышли из сферы обращения, но в сферу производства еще не вошли. Они являются элементами производительного капитала в потенции. Им не надо менять формы для того, чтобы продолжать движение кругооборота. Они уже не товары и не ждут своего превращения в деньги. Но они еще находятся в запасе, не действуют и следовательно не содействуют капиталисту в добывании прибавочной стоимости. Они готовы каждую минуту сделаться основным или оборотным капиталом, но их пока никак нельзя отнести ни к основному, ни к оборотному капиталу.

Оборотный капитал в марксовом понимании на практике представляет собой относительно очень небольшую величину. Это всего лишь т. н. «о с т а

⁵ Таким образом в составе П (производительного капитала) мы имеем оборотный капитал не в виде издержек производства, а в виде авансированного капитала.

ток незавершенного производства». Величина этого остатка в основном зависит от скорости производственного технологического процесса. Ряд американских предприятий показывает эту статью отдельно в балансах («Work in process»).

Конечно переменный капитал надо искать в составе оборотного капитала, т. е. в составе балансовой статьи «незавершенного производства». Это конечно не так-то легко найти. Маркс недаром конструировал понятие оборотного капитала в слитном виде с дальнейшим расщеплением на постоянный и переменный. Такой вид это дело имеет и в действительности. Капиталистическое счетоводство — внешняя форма, и тут скрывается действительное отношение, как и в отношении издержек производства. Переменный капитал с поверхности не виден. Маркс раскрыл эту «тайну», и нам остается лишь подобрать метод, как проявить переменный капитал эмпирически. Мы обычно для этой цели пользуемся следующим приемом: зная удельный вес зарплаты в себестоимости изделий, мы (заведомо с некоторым приближением) предполагаем, что зарплата сохраняет тот же удельный вес и в незавершенном продукте. Тогда мы находим и переменный капитал и оборотную часть постоянного капитала. Положим, что остаток незавершенного производства составляет 1 млн. руб., а доля зарплаты в себестоимости — 30%, тогда оборотная часть С составит 700 тыс. руб., а V (переменный капитал) — 300 тыс. руб.

Из сказанного ясно, что органический состав капитала следует исчислять вовсе не в отношении всей суммы промышленного капитала. Эта категория относится лишь к одной функциональной части промышленного капитала, и именно к производительному капиталу, притом только к той его части, которая непосредственно участвует в производственном процессе. Эмпирически органический состав капитала вычисляется путем деления суммы основного плюс постоянная часть оборотного капитала на переменную часть оборотного капитала.

Совершенно очевидно, что скорость оборота переменного капитала не будет совпадать со скоростью оборота постоянного оборотного капитала, ни со скоростью оборота всего оборотного капитала. Во всяком случае такое совпадение ни по каким причинам вовсе не обязательно. Маркс не раз подчеркивает то обстоятельство, что отдельные составные части промышленного капитала совершают свой кругооборот в общей системе, но со свойственной особенностям каждой частицы скоростью. В составе, скажем, производительного запаса различные материалы имеют свою особенную специфическую скорость оборота.

Наименьшее значение, с точки зрения чистых проблем структуры промышленного капитала и в особенности с точки зрения органического состава капитала, имеет вопрос о так называемых собственных и заемных средствах, отражающийся в пассиве баланса. Пассив баланса в наиболее простом виде выражается одним только $D^1 = (D + d)$, т. е. первоначально авансированный плюс прибавочная стоимость, накопленная за все время оборота из формулы $D - T \dots P \dots T^1 - D^1$, в то время как актив есть сумма всех остальных четырех частей этой пятичленной формулы. Баланс промышленного предприятия представляет собой следующее уравнение:

$$\begin{array}{l} \text{Актив} \\ D + T + P + T^1 \end{array} = \begin{array}{l} \text{Пассив} \\ D^1 \text{ или } (D + d \dots) \end{array}$$

Может конечно оказаться, что D^1 в пассиве не является собственностью данного промышленного капиталиста. В развитом капиталистическом обществе с его сложной сетью кредита привлечение чужих капиталов является правилом, но кредит возникает как дальнейшее развитие и обо-

собрание некоторых функций промышленного капитала. Тут конечно есть серьезные структурные явления и структурные процессы, но это — явления и процессы другого порядка, и их надо изучать и осмысливать дифференцированно, не сваливая их в одну кучу с проблемами структуры индивидуального промышленного капитала в его «активной» роли как аппарата, непосредственно занятого производством прибавочной стоимости.

Отсюда ясно, что Сегалл, приняв «разность между текущим активом и текущим пассивом» за постоянную часть оборотного капитала, нагромоздил кучу прегрешений против правильного марксового понимания этой категории. Тем самым он сознательно или по неграмотности закрыл дорогу к уяснению действительности и пришел к весьма вредным выводам.

Но допущенной путаницы Сегаллу мало. Он умудряется перепутать и само марксово представление об органическом составе капитала.

Сегалл считает «непреложным» тот «факт, что органическая структура капитала вовсе не представляет собой чего-то устойчивого, застывшего» (стр. 68). Насчет «застывшего» он конечно прав, но насчет «устойчивого» несомненно далек от истины.

Вопреки Сегаллу органический состав капитала в особенности индивидуального предприятия относительно весьма устойчив. Наш автор полагает, что органический состав капитала постоянно колеблется, как колеблются цены. Он говорит: «Колебания... органической структуры капитала прямо пропорциональны (!) конъюнктурным колебаниям» (стр. 69). Это безусловно неверно, это грубейшее искажение марксового понимания дела.

В самом деле, поскольку кризис выражается лишь в сокращении производства и не привел еще к структурному изменению технического состава капитала и уровня производительности труда, он не в состоянии что-либо изменить и в органическом строении капитала.

Маркс недаром говорит, что основой органического состава капитала является его технический состав, т. е. соотношение между массой рабочей силы и приводимой ею в движение массой средств и орудий производства. Органический состав капитала, по Марксу, представляет собой тот же технический состав, но выраженный в форме стоимостей — если производственный аппарат «нагружен» лишь наполовину, то другая его половина просто бездействует и не приводится в движение сократившейся массой рабочей силы; органический состав капитала при этом не повысится, хотя какой-нибудь неразборчивый статистик и стал бы исчислять соотношение между всем постоянным капиталом, включая бездействующий, и сократившимся вследствие сокращения числа рабочих переменным капиталом. Точно так же не понизится органический состав капитала, если работа будет производиться вместо одной смены в три.

Колебания цен, поскольку это колебание не отражает изменения стоимости, тоже ничего не меняют в органическом составе капитала, если эту категорию понимать по Марксу. Иначе пришлось бы предположить, что органический состав капитала меняется по бюллетеням товарной биржи по несколько раз в день, притом конечно не только в периоды кризисов.

Маркс говорит: «Состав капитала по стоимости (это совсем не то же самое, что по цене. — М. Б.), поскольку он определяется его техническим составом и отражает этот последний, мы называем органическим составом капитала». Сегалл сам приводит эту выдержку, но это ему не помешало начисто игнорировать это марксово понимание органического состава капитала в своем исследовании. Он говорит: «Из нашего анализа вытекает, что наряду с технической структурой капитала определяющим фактором высоты органического состава капитала является быстрота оборота оборотного капитала» (стр. 68). Сегалл таким образом «исправляет» Маркса,

притом только для того, чтобы создать свой вывод, подозрительно совпадающий с точкой зрения социал-фашизма.

Мы уже видели, что Сегалл под «оборотным капиталом» тоже понимает не то, что Маркс. С точки зрения марксовского понимания категорий изменение скорости оборотного капитала может наступить лишь в результате изменения технического состава капитала, так как только при таком изменении может наступить ускорение технологического процесса производства, а такое ускорение обычно связано с определенным увеличением основного капитала (замена тихоходных машин быстроходными, естественных процессов искусственными и т. п.) или с такой рационализацией, которая увеличивает производительность труда.

«Поправка» Сегалла к Марксу (безразлично, понимает ли он, что он делает или нет) имеет вовсе не невинный характер. Это — фактически: точка зрения Реннера, известного австро-«марксиста», специалиста по выхолащиванию революционного жала марксистской теории путем придания значения примата процессу обращения. Нет ничего удивительного, что на этом пути «исправления» Маркса Сегалл пришел к кричаще неверным и вместе с тем вредным политическим выводам.

Сегалл в своем «исследовании» говорит о кризисах «вообще». Несмотря на то, что он приводит свежие данные, в его статье нет ни одного слова для характеристики особенностей теперешнего кризиса. Эмпирический материал выхолощен, никакого анализа фактов, явлений, процессов. Одна грубо фальсифицированная капиталистами цифиря. Уже один этот «метод» работы находится в кричащем противоречии с марксистско-ленинской методологией и приемами экономических исследований.

Между тем, если бы Сегалл правильно поставил свою работу, то он может быть и нашел бы подтверждение мысли о снижении технического состава капитала в результате загнивания капитализма.

Но Сегалл предпочел открывать и устанавливать собственные «закономерности», фактически протаскивать социал-фашистские «идеи» и тенденции, мимоходом проводить аналогию капитализма и при этом упустил из виду такую «мелочь», как... огромное омертвление основного капитала огромной массы товаров в результате кризиса.

Дело однако не в тех или иных деталях. Глубоко вреден и по существу контрреволюционен и тот общий вывод, который Сегалл делает в результате всей своей «работы». Статья заканчивается следующей фразой:

«Переменный капитал превращается из-за замедления оборота в дамочлов меч, висящий над промышленником». Получается, что не рабочий класс в революционном вихре сметет капитализм, а «переменный капитал». Все дело якобы в том, что «установившееся в данном предприятии или в данной отрасли промышленности соотношение между более ликвидной и менее ликвидной частями оборотного капитала не может гарантировать бесперебойного хода предприятия. Для оплаты рабочих и служащих надо увеличивать процент наличности» (стр. 73). «Капиталист должен изыскивать способы увеличения своих ликвидных средств» (для выплаты зарплаты) (стр. 74). Наш автор все трудности реализации сводит к затруднениям в выплате зарплаты. Получается, что промышленник мог бы хорошо вести свое производство и в период кризиса, если бы ему не приходилось выплачивать зарплату занятым у него рабочим. Банкротство фирм при кризисах выражается якобы вовсе не в неплатежах капиталистов друг другу, а лишь в невыплате зарплаты.

«Вполне логично» Сегалл выводит из своего «закона» о тенденции органического состава капитала к снижению в результате кризиса лишь по существу «совет капиталистам» снижать сумму выплачиваемой зарплаты в большей пропорции, чем та, в которой произошло снижение оборот-

ного капитала» (стр. 71). Само собой понятно, что капиталисты и без Сегалла стараются в этом направлении достаточно усиленно. Сам Сегалл (не замечая, что он тем самым опровергает свою собственную «закономерность») приводит данные, из которых видно, что капиталисты сокращают число рабочих и снижают заработную плату даже в большей мере, чем сокращается их производство.

Сейчас мы можем уже сделать общий вывод о «работе» Сегалла. Не подлежит никакому сомнению, что автор проявил грубую вульгаризацию, самую пошлую неграмотность, полную бездарность в разработке своей темы. Но одни ли эти «свойства» характерны для автора? Почему он все время сворачивает на социал-фашистские мотивы? Почему он во всех своих выводах и рассуждениях неизменно скатывается по существу к апологетике капитализма и выхолащиванию революционной роли пролетариата в период современного мирового кризиса?

Так или иначе — сознательно или по неграмотности, — но объективно в своей статье Сегалл по многим вопросам стоит на социал-фашистской точке зрения.

* * *

Сегалл затронул лишь маленький краешек вопросов о структуре промышленного капитала. Это — опромная, еще совсем не разработанная область. Вне внимания Сегалла оказались проблемы основного капитала, капиталов обращения, вопросы о собственных и заемных средствах и т. п. Понимание процессов, происходящих в структуре промышленного капитала послевоенного капитализма, — крайне актуальная задача. Наши «мировики» принесли бы неизмеримо больше пользы, если бы они занялись этими проблемами, чем своим бесконечным повторением цифр индексов, запутываемых и публикуемых разными капиталистическими конъюнктурными институтами. Мы несравненно больше понимали бы характер и тенденции кризиса, если бы яснее понимали сдвиги в структуре капиталистической промышленности.

Но тут дело идет не только о понимании современной капиталистической экономики. Кто может сомневаться в важности тех же вопросов, конечно, с соответственными изменениями для нашей советской промышленности?

Это представило бы солидный раздел марксистско-ленинской разработки проблемы воспроизводства в условиях СССР, проблемы, намеченной к разработке т. Сталиным в его речи на конференции аграрников-марксистов свыше двух лет тому назад. Эта проблема до сих пор не разработана как следует. Неудача или неполная удача делавшихся в этом направлении попыток отчасти вероятно объясняется и тем, что наши теоретики не обратили внимания на первые главы II тома «Капитала», являющиеся, как мы уже говорили, теоретической предпосылкой марксов-ских схем воспроизводства и всего учения Маркса о воспроизводстве.

ПРОТИВ РЕВИЗИИ ЛЕНИНСКОГО ЗАКОНА НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

I

Беспощадное разоблачение т. Сталиным прилого либерализма, проявленного редакцией журнала «Пролетарская революция» к троцкистской контрабанде, явилось могучим толчком в деле поднятия большевистской бдительности и непримиримости в разоблачении всяких антиреволюционных теорий.

Ослабление большевистской бдительности имело место на всех участках теоретического фронта. Экономический фронт в этом отношении не является исключением.

Образчиком ослабления большевистской бдительности на экономическом фронте является предисловие президиума Института экономических исследований Госплана к книге т. Слуцкиной «Основные закономерности развития империализма» (кстати, сейчас уже признан самой т. Слуцкиной троцкистский и каутскианско-гильфердинговский характер ряда основных положений книги). В предисловии сказано: «Развернутый марксистско-ленинский анализ закона неравномерности развития и тенденций капитализма к загниванию делает работу т. Слуцкиной ценной и актуальной».

Антиленинское толкование основных проблем империализма прикрывалось различными формами. В этой статье мы ставим себе задачей вскрыть троцкистские попытки ревизии разработанного Лениным и Сталиным закона неравномерного развития при империализме. Ревизия ленинского закона неравномерности развития, ревизия решений нашей партии и Коминтерна по этому вопросу прикрывалась и проводилась под флагом якобы более глубокого уяснения и «обоснования» этого закона.

Можно ли считать случайным то обстоятельство, что контрабандисты различных проб именно теперь выступили, хотя и в скрытой форме, с ревизией такой проблемы, как закон неравномерного развития, а стало быть с ревизией теории о победе социализма в одной стране? Конечно нельзя. Эти выступления теснейшим образом связаны с современным состоянием мирового капитализма. Продолжающееся обострение и углубление современного кризиса, развертывающегося на основе всеобщего кризиса капитализма, усиливает развал капиталистической системы, все больше и больше обостряет классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией и вплотную подводит во многих капиталистических странах к перерастанию экономического кризиса в кризис политический,¹ в высшей степени обостряет борьбу между империалистическими государствами за передел уже поделенного и переделенного мира.

Все это вновь подтверждает известное положение т. Сталина: «Либо отдайся на милость капиталу, прозябай по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие,— так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата. Империализм подводит рабочий класс к революции»¹.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 7.

Обостряющаяся борьба между империалистическими государствами неизбежно ведет к ослаблению фронта империализма в одном из его звеньев, что в свою очередь создает возможность для победы пролетариата первоначально в немногих или даже в отдельно взятой капиталистической стране. Такая возможность создается особенностями закона неравномерности развития при империализме. Поэтому те люди, которые так или иначе смазывают особое содержание и особое качество неравномерности развития при империализме, тем самым выражают свое сомнение по поводу возможности победы социализма в одной стране. Этим самым они сеют неверие в силу рабочего класса, сомнение в необходимости самостоятельного прорыва империалистического фронта на отдельном участке, нерешительность в борьбе с буржуазией, что безусловно дезорганизует пролетариат и льет воду на мельницу социал-фашизма, контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма. Следовательно правильное понимание закона неравномерного развития приобретает в данных условиях сугубо актуальное, революционно-боевое значение. «С точки зрения практики,— говорит т. Сталин,— перед нами встают две линии. Одна линия — это линия нашей партии, зовущей пролетариев в отдельных странах готовиться к грядущей революции, следить зорко за ходом событий и быть готовым к тому, чтобы при благоприятных условиях прорвать самостоятельно фронт капитала, взять власть и расшатывать основы мирового капитализма. Другая линия — это линия нашей оппозиции, сеющей сомнения насчет целесообразности самостоятельного прорыва капиталистического фронта и призывающей пролетариев отдельных стран к тому, чтобы они ждали момента «всеобщей развязки»².

Контрабандисты свой «теоретический» анализ современной действительности подменяют общими схоластическими рассуждениями о неравномерности «вообще». Эти люди не хотят или не могут понять того обстоятельства, что условия для победы социализма в одной стране создаются в период монополистического капитализма и что поэтому закон неравномерного развития при империализме приобретает иное содержание; контрабандисты выводят закон не из развития действительности, а из понятия неравномерности вообще. Они превращают закон в нечто независимое от реального движения капитализма, в какую-то обветшалую догму. В головах этих «экономистов» отношения переворачиваются: не закон вырастает из соответствующих условий, а, наоборот, закон создает эти условия; не изменения, происшедшие в результате развития капитализма, создали особенности закона неравномерности развития при империализме, а, наоборот, качественное изменение закона, неизвестно откуда взявшееся, изменило направление в развитии капитализма.

Тот факт, что неравномерность развития имманентно присуща капитализму и что этот вопрос достаточно освещен в работах Маркса и Ленина, отчетливо подтверждается следующими их высказываниями.

«Так как капиталистическое производство может развиваться только в известных сферах, при определенных условиях, то вообще невозможно было бы капиталистическое производство, если бы оно должно было одновременно и равномерно развиваться во всех странах»³.

Подобных формулировок у Маркса можно найти немало. Всем известно следующее заявление Ленина: «Неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс суть коренные неизбежные условия и предпосылки этого (капиталистического.— Авторы) производства»⁴.

И далее: «По самой своей природе капитализм в земледелии (равно

² Сталин, Об оппозиции.

³ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 197.

⁴ Ленин, т. XIII, стр. 284.

как и в промышленности) не может развиваться равномерно: он толкает вперед в одном месте (в одной стране, в одном районе, в одном хозяйстве) одну сторону сельского хозяйства, в другом — другую и т. д.»⁵.

Но одно дело неравномерность развития в условиях домонополистического капитализма, и другое — при империализме.

«Основная ошибка оппозиции, — говорит т. Сталин, — состоит в том, что она не видит разницы между двумя фазами капитализма или избегает подчеркнуть эту разницу. А почему она избегает этого? Потому что эта разница ведет к закону неравномерности развития в период империализма. Вторая ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает или не дооценивает решающего значения закона неравномерности развития капиталистических стран при империализме. А почему она недооценивает этого? Потому что правильная оценка закона неравномерности развития капиталистических стран ведет к выводу о возможности победы социализма в отдельных странах. Кто отрицает возможность победы социализма, тот вынужден замолчать значение закона неравномерного развития при империализме, а кто вынужден замалчивать значение закона неравномерности, тот не может не затушевывать разницы, существующей между капитализмом домонополистическим и капитализмом империалистическим». В других местах т. Сталин также подчеркивает решающее значение закона неравномерного развития в эпоху монополистического капитализма.

Центр проблемы закона неравномерного развития состоит вовсе не в том, был ли или не был закон неравномерного развития при домонополистическом капитализме, а в том, какое значение закон неравномерности развития приобретает при империализме, создает ли этот закон при империализме возможность победы социализма в одной стране, или нет.

«Из слов Маркса вытекает лишь то, что победа социализма в отдельных странах невозможна только в том случае, если движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии. Ну, а как быть, если движение буржуазного общества в целом в силу хода вещей меняет свое направление и начинает идти по нисходящей линии? Из слов Маркса вытекает, что при таких условиях исчезает основание для невозможности победы социализма в отдельных странах»⁶ (разрядка Сталина).

Понятно поэтому, что изменение содержания закона неравномерного развития вытекает из развития самого капитализма. Домонополистический капитализм шел по восходящей линии развития, и поэтому закон неравномерного развития был законом развития капитализма по восходящей линии. Но именно потому, что он был законом развития капитализма по восходящей линии, он не мог создавать условий для возможности победы социализма в отдельных странах, он не мог играть решающего значения для крушения капитализма.

Итак, закон неравномерного развития домонополистического капитализма характеризуется неравномерностью движения капитализма по восходящей линии. «Может быть, неравномерность развития при империализме, — говорит т. Сталин, — состоит в том, что одни страны догоняют другие и потом опережают их в хозяйственном отношении в обычном порядке, в порядке, так сказать, эволюционном, без скачков, без военных катастроф, без переделов уже поделенного мира? Нет, не в том. Такая неравномерность была и в период домонополистического капитализма, о чем знал Маркс и о чем писал Ленин в своем «Развитии капитализма». Тогда развитие капитализма шло более или менее плавно, более или менее эволюционно,

⁵ Ленин, т III, стр. 240.

⁶ Сталин, Об оппозиции, стр. 501.

одни страны опережали другие в продолжение долгого периода времени без скачков и без обязательных военных столкновений мирового масштаба. Речь идет теперь (при империализме.— Авторы) не об этой неравномерности». Здесь, как мы видим, сформулирована суть той неравномерности, которая была свойственна доминирующему капитализму. И именно поэтому такая неравномерность не могла создавать возможности для победы социализма в отдельных странах. Совершенно иное мы имеем в эпоху монополистического капитализма, когда капитализм в целом становится умирающим капитализмом, когда некоторые свойства его превращаются в свою противоположность. Ленин дает следующее определение империализма: «Империализм,— говорит он,— это такое состояние капитализма, когда он, выполнив все для него возможное, поворачивает к упадку. Это — особая эпоха не в сознании социалистов, но в фактических отношениях. Борьба идет за дележ остающихся кусков. Это последняя историческая задача капитализма. Сколько времени эта эпоха будет продолжаться, мы не можем сказать. Может быть таких войн будет несколько, но необходимо ясно осознать, что это совсем не те войны, что велись раньше, и что соответственно задачи, ставящиеся перед социалистами, изменяются»⁷.

Этот поворот к упадку не может не придавать специфичности всем законам капитализма в эпоху империализма. В другом месте Ленин говорит: «Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода»⁸.

Совершенно понятно, что эта характеристика вытекает из известных пяти признаков империализма, отмеченных Лениным в его теории империализма. Только на основе всестороннего изучения империализма Ленин мог прийти и к выводу об особом, исключительном значении закона неравномерного развития для монополистического капитализма. Ленинское понимание закона неравномерного развития в период монополистического капитализма органически связано с пониманием ленинской теории империализма. Кто не понимает или не хочет понять ленинской теории империализма, тот не поймет и не может понять решающего значения закона неравномерного развития при империализме. Только эта теория раскрывает действительное содержание закона неравномерного развития в эпоху монополистического капитализма. При этом нужно иметь в виду, что ленинская теория империализма выковывалась в беспощадной борьбе с оппортунизмом, в том числе и особенно против центризма. Ленин, изучая империализм, пришел к выводу о неравномерности развития при монополистическом капитализме, открыл и обосновал величайшее значение закона этой неравномерности и создал теорию о возможности победы социализма в одной стране.

Тов. Сталин разобрал ленинский закон неравномерности развития при империализме. Эта разработка велась в беспощадной борьбе с троцкизмом за чистоту марксистско-ленинской теории. Тем самым марксистско-ленинская теория была поднята на более высокую ступень. Только ленинское понимание закона неравномерности развития при империализме может служить единственным оружием в разоблачении всех враждебных партии теорий в этой области.

⁷ Ленин, т. XVIII, стр. 51.

⁸ Ленин, т. XIII, стр. 95.

II

Известно, что Троцкий на XV конференции ВКП(б) дал развернутую формулировку своих взглядов по вопросу о законе неравномерного развития капитализма в противовес т. Сталину, развернувшему ленинскую концепцию закона. Конечно высказывания Троцкого на XV конференции являются продолжением его прежних высказываний по данному вопросу, направленных прямо против Ленина, в частности продолжением его статей о лозунге Соединенных штатов Европы в 1915 г.; меньшевистская сущность этих статей была тогда же разоблачена Лениным. На XV конференции ВКП(б) Троцкий говорил:

«Закон неравномерного развития капитализма старше, чем империализм... Капитализм несомненно крайне неравномерно развивается и сейчас во всех странах, но в XIX столетии эта неравномерность была больше, чем в XX... В тот период неравномерность капиталистического развития была резче, глубже; Маркс и Энгельс знали об этой неравномерности не хуже нас. Именно потому, что финансовый капитал есть самая подвижная и гибкая форма капитала, именно поэтому империализм развивает более «уравнительные» тенденции, чем дофинансовый капитализм».

Зиновьев вслед за Троцким на той же XV конференции заявил: «Неверно, что неравномерность капиталистического развития до начала империалистической эпохи была меньше».

В дальнейшем Троцкий пошел еще дальше в своей атаке на ленинское учение, отрицая специфичность закона неравномерности в эпоху империализма. Он писал: «Закон неравномерности развития не есть закон империализма, это есть закон всей человеческой истории».

Тов. Сталин отметил на VII пленуме ИККИ, что антиленинская сущность троцкистского понимания закона неравномерности развития и прямое нападение Троцкого на учение Ленина на данном вопросе вполне понятны: ленинский закон неравномерности развития при империализме опрокидывает теорию перманентной революции и является исходным пунктом возможности победы социализма в одной стране. Недаром Троцкий на XV конференции прямо увязывал свои возражения по вопросу о победе социализма в одной стране с возражениями против закона неравномерности развития при империализме.

Прежде всего необходимо указать на то обстоятельство, что принципиальное расхождение троцкистских установок с ленинским учением о неравномерности развития капитализма заключается в извращении Троцким и Зиновьевым экономической сущности монополистического капитализма и того, что закон неравномерности развития при империализме вытекает из основных свойств монополистического капитализма.

«Основная ошибка оппозиции — говорил т. Сталин, — состоит в том, что она не понимает или не хочет понять всей разницы между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим... из этой ошибки оппозиции вытекает другая ее ошибка, состоящая в том, что она не понимает смысла и значения закона неравномерности развития в период империализма, противопоставляет этому закону тенденцию к нивелировке и скатывается, таким образом, на каутскианскую позицию ультраимпериализма».

Эти две ошибки ведут к третьей ошибке оппозиции, к ошибке в том, что она механически распространяет формулы и положения, выросшие на основе доимпериалистического капитализма, на империалистический капитализм, ввиду чего и приходит она к отрицанию возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах» (разрядка наша.— Авторы).

Троцкий и Зиновьев утверждали, что неравномерность развития была большей в доимпериалистическую эпоху и что при империализме она уменьшается, заменяясь нивелировкой. Отсюда следовал их вывод о невозможности победы социализма в одной стране. Зиновьев пытался «доказать» свою защиту троцкистских положений цитатами из работ Маркса и Энгельса сороковых годов XIX столетия. Но это как раз и явилось доказательством против самого Зиновьева, поскольку он механически распространил положения учителей¹ марксизма, высказанные ими по поводу капитализма свободной конкуренции, на капитализм умирающий, капитализм монополистический. Тов. Сталин с особенной яркостью вскрыл всю догматичность зиновьевских «доказательств»: «Тов. Зиновьев забывает, что цитаты из Маркса относятся к домонополистическому капитализму, когда капитализм в целом развивался по восходящей линии, когда рост капитализма в целом не сопровождался процессом загнивания такой капиталистически развитой страны, как Англия, когда закон неравномерности развития не представлял и не мог представлять того могучего фактора в деле разложения капитализма, каким он стал впоследствии, в период монополистического капитализма, в период империализма» (Разрядка наша.— Авторы).

Троцкий на VII пленуме ИККИ пытался маневрировать в данном вопросе с целью замазывания сущности своих взглядов, высказав мысль о том, что при империализме неизмеримо обостряется неравномерность развития. Но это был маневр — и только. «Что же касается т. Зиновьева, то он в своей речи на пленуме ИККИ счел благоразумным просто умолчать об этом вопросе, хотя он не мог не знать, что спор идет именно о том, усиливается действие закона неравномерности в период империализма или ослабляется» (Сталин). (Разрядка наша.— Авторы).

Стало быть, только исходя из факта усиления и обострения неравномерности развития капитализма в эпоху империализма и исходя из всех основных признаков монополистического капитализма, Ленин мог открыть и обосновать закон неравномерности развития при империализме, как решающий фактор движения, разложения и гибели капитализма. Но это не значит, что данный закон народился в готовеньком, законченном виде в эпоху империализма, без развития в предшествующий период. Ленинское понимание закона опирается на то, что «неравномерность развития есть безусловный закон капитализма».

Попытка смешать неравномерность развития при империализме с экономическим неравенством капиталистических стран являлась попыткой, направленной к отрицанию закона неравномерности развития при империализме. Это, кроме всего прочего, характеризовало вопиющую безграмотность Троцкого, ибо экономическое неравенство между отдельными странами было безусловно большим в XIX веке (об этом говорит история капитализма), чем в XX в., к началу которого большинство стран стало капиталистически развитыми. Но именно это обстоятельство и является основой для скачкообразности экономического и политического развития, колоссальной неравномерности его, приведшим к мировой империалистической войне в 1914 г. и победе пролетарской революции в России в 1917 г.

Нарастающие монополии внутри капиталистических стран, а также международные монополистические объединения, получившие особенное распространение в послевоенную эпоху, еще более обостряют и усиливают неравномерность. Об этом с достаточной категоричностью заявляет программа Коминтерна: «Закон неравномерного развития капитализма, обостряемый империалистической эпохой, делает невозможным длительные и прочные

международные объединения, империалистических держав» (Программа КП, стр. 14). Это положение бьет не только по контрреволюционному троцкизму, но также и по социал-фашистской теории «организованного капитализма».

III

Троцкий и Зиновьев не являются единственными, кто защищал антиленинскую концепцию закономерности развития капитализма. В 1928 г., когда вопрос о неравномерности развития при империализме давно уже был партией разрешен, нашел отражение в соответствующих документах ВКП(б) и ИККИ, когда троцкистские установки в этом вопросе были квалифицированы как антиленинские и пропаганда их была признана несовместимой с пребыванием в рядах ВКП(б) и Коминтерна, когда т. Сталин с исчерпывающей полнотой разоблачил контрреволюционную сущность троцкизма в данном вопросе и блестяще разработал открытый и обоснованный Лениным закон о неравномерности развития в период империализма, — в 1928 г. в издании Белорусского государственного университета вышла брошюра троцкиста М. Гольмана, выступившего с попыткой «теоретически обосновать» троцкистские установки в данном вопросе⁹.

Гольман, с величайшей развязностью игнорируя решения партии и работы Ленина и Сталина по данному вопросу, начинает свою брошюру с заявления о том, что «проблема теоретического анализа закона неравномерного развития капитализма... совсем еще недавно поставлена (!) в марксистской литературе». Таким образом Гольман считает, что вопрос о неравномерности развития только поставлен в марксистской литературе. Ленин, по Гольману, не обосновал закона неравномерности, а Сталин не разработал его, ибо иначе никак нельзя оценить следующее заявление, которое Гольман высказывает вслед за первым откровением: «Из немногочисленных работ, посвященных интересующей нас теме, заслуживают быть отмеченными только две: 1) книжка Бессонова «К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме» и 2) статья Айхенвальда и Борилина в № 2 «Под знаменем марксизма». Вот и все работы по вопросу о законе неравномерности развития, по Гольману! Оказывается, Ленин и Сталин теоретически не разрабатывали этот вопрос, а Бессонов, Айхенвальд и Борилин приступили к разработке. Миссия Гольмана заключается по видимому в том, чтобы исправить ошибки этих трех авторов и дать окончательно теоретическое исследование проблемы. Таков масштаб претензий у новоявленного обоснователя закона неравномерности. Посмотрим, как он исследует вопрос.

Верный «учению» своего духовного вождя Троцкого, Гольман не задается целью исследовать специфичность и особенности закона неравномерности при империализме, а начинает дело... с Адама. Он рассуждает о неравномерности развития товарного хозяйства и «углубляется» еще дальше, затрагивая вопросы экономического развития древней Греции, Египта и Персии. Показав свою «ученость» в области истории, он однако тут же обнаруживает явную безграмотность в области экономики, отождествляя неравномерность с неравенством экономического уровня (стр. 4). Ему ни о чем факт скандального провала подобной концепции Троцкого на XV конференции и VII пленуме ИККИ. Ему важно еще раз попытаться выступить с доказательством троцкистской установки о том, что «закон неравномерности есть закон всей человеческой истории». Это ему необходимо для того,

⁹ К вопросу о законе неравномерного экономического развития (теоретический очерк), Минск, 1928.

чтобы замазать специфичность закона неравномерности при империализме и нагородить несколько страниц чепухи о неравномерности развития СССР, о чем мы будем говорить ниже.

Неравномерность развития САСШ он объясняет наличием крупных запасов ископаемых. Вот его суждение по этому вопросу: «Характерным примером неравномерного развития является гигантски быстрый рост производительных сил в САСШ, в значительной мере вследствие больших, чем в какой-либо другой стране, ресурсов ископаемых всех видов» (стр. 5). Правда, далее Гольман говорит, что роль естественных условий в неравномерности развития при капитализме уменьшается «по сравнению с возрастающим для неравномерного развития значением общественной надстройки» (стр. 7).

Это новое откровение троцкистского «теоретика» показывает антимарксистскую сущность его теории. Ибо рассуждать о неравномерности развития капитализма и сводить ее к естественным условиям и общественной надстройке значит игнорировать учение Маркса—Ленина о сущности капиталистического способа производства и игнорировать роль производственных отношений. Или может быть Гольман понимает под общественной надстройкой капиталистические производственные отношения? Но в таком случае это лишнее доказательство его грубого механицизма и вульгарной апологетики.

Весь смысл данной работы Гольмана заключается, однако, в том, чтобы извратить ленинское понимание закона неравномерности развития при империализме, выпятив на первый план неравномерность развития в условиях домонополистического капитализма и замазать усиление и обострение неравномерности и ее новые свойства и особенности в условиях монополистического капитализма. Он следующим образом формулирует свои взгляды по данному вопросу: «Неравномерность развития капиталистической индустрии складывается по линии: 1) толчкообразного расширения рынков (экстенсивное развитие); 2) скачкообразной технической реконструкции (интенсивное развитие); 3) противоречивого взаимодействия обоих путей».

Все эти «толчкообразные» и скачкообразные признаки неравномерности развития Гольман относит целиком к периоду капитализма свободной конкуренции. Когда же он переходит к анализу империализма, то оказывается, что все эти признаки исчезают.

«Скачкообразность расширения мирового рынка в эпоху монополии в конце концов приостанавливается и совершенно исчезает вследствие отсутствия новых рынков и переполнения старых. Но это обстоятельство в свою очередь влияет... на замедление интенсивного производства». «Скачкообразность развития мирового рынка в период монополистического капитализма превращается в свою собственную диалектическую противоположность — в рыночный застой, в бег на месте с небольшими циклическими колебаниями» (стр. 13. Разрядка автора). В этих положениях обнажается суть троцкистской постановки вопроса. Напрасно Гольман говорит здесь о диалектике, ибо в его голове диалектика действительно превращается в прямую свою противоположность. Раз исчезает скачкообразность развития мирового рынка и капиталистическое производство в период империализма совершает только бег на месте, то ясно, что не может быть никакой речи не только о какой-либо неравномерности развития, но и вообще о развитии. Такой вывод напрашивается сам собой, и по существу такой вывод делают все троцкисты, заявляя о том, что империализм означает полную приостановку развития производительных сил, понимая загнивание капитализма односторонне,

механистически. Однако здесь Гольман к великому удивлению вслед за приведенными положениями говорит о том, что приостановка расширения мирового рынка обуславливает «скачкообразное развитие техники с быстрым темпом индустриального развития молодых, позднее пришедших к капитализму стран (например САСШ), в целях использования недостаточных старых рынков». Гольман совершенно неправильно понимает расширение рынка, толкуя его односторонне, как экстенсивное расширение, и не понимает того обстоятельства, что раздел мира не означает еще невозможности его передела и что именно переделы рынка являются «абсолютной необходимостью» (С т а л и н) и выражают усиление скачкообразности развития капитализма в отдельных странах в период империализма; что эти переделы вызывают необходимость империалистических войн и неизбежность ослабления империалистической цепи, а отсюда возможность победы социализма в отдельных странах. Гольман не может этого понять или не хочет понять, потому, что это означало бы отказ от троцкистской концепции и признание ленинского учения как единственно научного, а Гольману необходимо извратить Ленина. Однако прямое извращение слишком рискованно, а потому он, высказав свое положение, ссылается на диалектику и высказывает другое положение, которое противоречит первому и как будто на первый взгляд характеризует правильную позицию автора. Иначе ничем нельзя объяснить, как запутыванием вопроса, а потому и извращением ленинского понимания закона неравномерности, дальнейшие рассуждения Гольмана, которые он приводит в 5-й главе своей брошюры, озаглавленной так: «Влияние технического загнивания в эпоху империализма на усиление неравномерности развития отдельных частей мирового хозяйства». Одно заглавие говорит о том, как Гольман толкует неравномерность развития в эпоху империализма. Развертывая в главе свою точку зрения, он сводит весь вопрос об усилении неравномерности к тому, что в одних странах происходит сплошное загнивание, а в других (более молодых) быстрое развитие. (стр. 15, 16, 17).

Наконец Гольман вынужден притти и к тому выводу, что неравномерность развития в период империализма приводит к неизбежности передела рынков, но и тут он не доводит дело до конца, путает и пытается оригинальничать. Он заявляет: «Усиление неравномерности роста различных секторов мирового капиталистического хозяйства в эпоху империализма дает объяснение тому факту, что неравномерность развития капиталистических стран в эту эпоху имеет катастрофический характер для ближайших судеб капитализма, так как неизбежно ведет к необходимости передела старых рынков путем военной силы» (стр. 17). И здесь он ставит точку, переходя к другому вопросу. Во-первых, в такой постановке выпячивается на передний план неравномерность развития секторов, а не отдельных стран, и, во-вторых, из такой постановки вопроса не вытекает вывода — в чем же заключается катастрофичность усиления неравномерности развития для капитализма. Гольман не решается стать на точку зрения Ленина по данному вопросу и говорит лишь о пределах путем военной силы. Но ведь это не объяснение вопроса. Суть ленинского учения заключается в том, что закон неравномерности развития при империализме становится исходным пунктом для победы социализма в отдельных странах, в силу ослабления фронта империализма, а Гольман обходит этот вопрос, пытается спустить концы в воду *ибо он стоит* на противоположной точке зрения по вопросу о победе социализма в одной стране. Однако отрывать вопрос о неравномерности развития при империализме от вопроса о победе социализма в одной стране — значит выхолостить суть вопроса и извратить ленинское учение в решающем пункте. Этим же объясняется и тот факт, что Гольман сводит весь вопрос о законе неравномерности развития при империализме только к новой форме проявления закона. О том, что закон

только при империализме приобретает решающее значение, что основные признаки империализма являются его исходным пунктом, Гольман не говорит, да он и не может об этом говорить.

Образчик искажения теории переходного периода Гольман показал в заключительной главе, озаглавленной: «Судьба закона неравномерности развития в переходном и социалистическом хозяйстве». Здесь он прежде всего сообщает о том, что «основные законы капиталистического способа производства модифицируются или частично отмирают в переходном обществе» (стр. 23). Комментарии к такому откровению не требуются. Исходя из него, Гольман утверждает, что «скачкообразность технического развития, а следовательно и скачкообразность индустриализации СССР может быть гораздо более стремительной, чем в любой капиталистической стране» (стр. 23).

Здесь обнаруживается явное отрицание плановости нашего хозяйства, господствующих социалистических производственных отношений и принципиально иной природы всей переходной экономики в отличие от природы капитализма. Ведущая роль планового начала в нашей стране в восстановительный период и господствующая роль его в реконструктивный период обеспечивала и обеспечивает планомерное развитие народного хозяйства. В нашем хозяйстве стихия подчинена плану, основная часть хозяйства является обобществленной, поэтому самой сущностью нашего строя исключена неравномерность развития, присущая капиталистическому способу производства в силу его стихийности, анархичности и в силу частной собственности на средства производства. Гольман и здесь стоит на троцкистских рельсах, ибо не кто иной, как Троцкий, не признавал и не признает последовательности социалистического характера наших предприятий.

Свою брошюру Гольман заканчивает утверждением о том, что неравномерность развития останется и для мирового социалистического хозяйства, больше того, останется и скачкообразность развития, «но она не будет находить свое внешнее выражение в стихийной неравномерности экономического развития отдельных отраслей мирового хозяйства» (стр. 23).

Подобные троцкистские утверждения не только прямо противоречат учению Маркса—Энгельса—Ленина о социализме, но являются прямой клеветой на нашу советскую действительность. Здесь не место вступать в полемику с троцкистом Гольманом по данному вопросу, да в этом и нет необходимости, ибо вопрос о сущности плана и его господстве в период социализма нашел полное отражение в соответствующих решениях ВКП(б). План отражает закономерность развития, в корне противоположную «стихийности, хаотичности, свойственной капитализму в целом» (Л е н и н).

Таким образом Гольман, начав с древней Греции и Египта и кончив социализмом, «выполнил» троцкистский заказ о том, что «закон неравномерности есть закон всей человеческой истории» (Т р о ц к и й).

IV

В конце 1931 г. Соцэпиз «осчастливил» пролетарских читателей троцкистской книгой Е. Преображенского «Закат капитализма».

Прежде чем разобрать сущность троцкистской вылазки Преображенского на ленинский закон неравномерности развития, необходимо хотя бы в самых общих определениях выяснить основные позиции автора.

Основная, исходная позиция его заключается в том, что монополистическому капитализму характерна стагнация, закупорка производительных сил. Это — основной троцкистский стержень книги. Исходя из предпосылки стагнации, Преображенский строит все свои теоретические схемы.

Преображенский «доказывает» в этой книге, что закон неизбежности роста резервов основного капитала при монополистическом капитализме

(стр. 44), закон «растущего омертвления средств производства» (стр. 48) — вот где тайна всех тайн империализма.

Исходя из этих установок, Преображенский заявляет о явной недостаточности марксовыx схем воспроизводства, поскольку в них не предусмотрено периодичность в возмещении основного капитала и периодичность в новых капитальных вложениях и где отсутствует предпосылка наличия значительных резервов основного капитала, сырья и пр., являющихся «очень важными ресурсами всего движения» (стр. 25—26).

Исходя из этих установок и критикуя схемы Маркса с позиций «реального капитализма», Преображенский критикует Ленина и его теорию империализма с позиций «чистого монополизма». Этот уход с позиций «чистого капитализма» в оспаривании марксовыx схем воспроизводства и уход от ленинских признаков империализма в анализе воспроизводства в условиях монополистического капитализма, эти «тушинские перелеты» являются в высшей степени характерными для троцкистско-эклeктической методологии Преображенского.

Зато, заявляя о своем «несогласии» с Розой Люксембург (стр. 14), Преображенский ее «подправляет», исходя из... ее же установок. «Дело, — говорит он, — не в том, что некапиталистическая среда является базой для реализации прибавочной стоимости, а в том, что она — эта некапиталистическая среда — являлась «отдушиной», позволявшей «легче подняться на следующую ступень расширенного воспроизводства» (стр. 60). В другом месте он вместо «отдушины» употребляет термин «выступ». В эпоху господства свободной конкуренции капитализм, имея на плечах тяжелый производственный груз, поднимался на новую ступень так, что некапиталистическая среда представляла для его ног вспомогательный «маленький выступ», позволявший ему, прежде чем опереться обеими ногами на новую ступень, предварительно («одной ногой») ступить на этот выступ. При монополистическом капитализме, когда мир уже поделен, на этот выступ становится уже не одна, а несколько ног сразу. «В результате никто не может подняться вверх, и весь производственный аппарат монополистического капитализма снова возвращается на ту ступень, с которой хотел подняться» (стр. 15—16).

Опять стагнация («возврат на старую ступень») и опять... люксембургизм; попытка укрыть теорию реализации Розы под словечко «отдушина», «выступ» настолько неуклюжа, что этот неловкий маневр сразу бросается в глаза, ибо возникает вопрос: а как «поднимался» бы капитализм, если бы этого «выступа» не было? Ответ один: была бы стагнация, и никакого расширенного производства не происходило бы. Впрочем автор (см. стр. 14) признает, что «вся ее (Розы) книга, прекрасная в отдельных частностях, выражала скорее (?— А в т о р ы) предчувствие проблемы («стагнации». — А в т о р ы), -чем (?) давала правильную постановку самого вопроса».

Итак, «предчувствие проблемы» стагнации капитализма делает Розу интуитивно более прозорливой, чем Маркс, схемы воспроизводства которого «не соответствуют действительности» классического капитализма, не говоря уже о монополистическом.

В условиях «монополизма» «капиталистическая форма распределения оказывается более чем когда-либо структурным препятствием для движения общества вперед» (стр. 14). «Система распределения новых эмиссий рыночным путем абсолютно устарела» (стр. 10). «Организационная (??) структура монополистического капитализма создает совершенно специфические затруднения для расширенного капиталистического производства» (стр. 19). И все в таком же роде. Основная противоречие лежит в устарелости капиталистической формы распределения. «Именно в этом он (капи-

тализм.— А в т о р ы) полностью изжил себя экономически» (стр. 14). Устарел рыночный метод распределения новых эмиссий, вследствие чего происходит стагнация производства. Такова квинт-эссенция троцкистских теоретических откровений Преображенского, где вопросы рыночной формы, вопросы распределения, как следствия, вытекающие из условий производства, превращаются в причину, эти условия производства определяющую и закупоривающую развитие производительных сил.

Совершенно ясно — и это можно было заранее предвидеть — что закону неравномерности развития нет — и не может быть — места в этой ярко выраженной экономической теории контрреволюционного троцкизма. Правда, Преображенский «клянется и божится» законом неравномерности. Он заявляет, что «закон неравномерного развития капитализма, выдвинутый Лениным на столь важное место во всей его теории империализма, имеет существеннейшее значение не только при исследовании конкретного мирового хозяйства, но и при теоретическом анализе расширенного воспроизводства при монополизме» (стр. 55).

Но эта фраза никого обмануть не в состоянии. Ближайшее рассмотрение показывает действительность намерений Преображенского.

Первое утверждение заключается в том, что капитализм в свой «классический» период развивался скачкообразно и эта скачкообразность была решающей силой, в отличие от современного, монополистического капитализма, характерным свойством которого является «тенденция к простому воспроизводству».

Рассматривая роль резервов основного капитала и рабочей силы в до-монополистическую эпоху, Преображенский устанавливает, что они, эти резервы, «были функционально необходимы для капитализма, развитие которого шло вперед скачкообразно» (стр. 7). Что означает слово «функционально»? Оно означает только то, что резервы пребывали в такой пропорции, которая обеспечивала капитализму скачкообразность развития.

Другое дело теперь. Теперь скачкообразность развития не только перестала быть решающей силой, но в силу наличия трестов, предусматривающих покрытие не только наличного, но и будущего спроса, о скачкообразности не может быть и речи. И, по правде сказать, о какой скачкообразности можно говорить, когда налицо стагнация производительных сил?

Преображенский доказывает эту свою мысль такого рода примером. Констатируя загнивание английской каменноугольной промышленности, он, в целях наглядности аргументации, приглашает читателей допустить возможность осуществления фашистской программы Мосли. Более того, — говорит он, — предположим бессмыслицу, что в руках такого диктаторского правительства окажется возможность направить поток капиталовложений на «омоложение» угольной промышленности. Что это дает? — спрашивает Преображенский. — «Это обеспечит новые рынки для английского угля, но приведет к увеличению омертвления капитала и рабочей силы в других угледобывающих странах. Таким образом, мы имели бы здесь иное перераспределение безработицы и ненагруженного капитала в мировом хозяйстве» (стр. 10—11).

Как видим, постановка вопроса абсолютно ясна: раньше капитализм развивался скачкообразно. Эта скачкообразность была решающей силой развития. Теперь, в эпоху «монополизма», скачкообразность перестала быть решающей силой развития, ибо о каком развитии можно говорить, когда все сводится к перераспределению «мертвых излишков» в мировом хозяйстве?

Точка зрения Преображенского есть точка зрения контрреволюционного троцкизма, считающего, что раньше неравномерности было больше, чем сейчас. Эта точка зрения диаметрально противоположна ленинскому закону

неравномерности развития в эпоху империализма, исходящему из того, что только в монополистическую стадию неравномерность стала решающей силой развития.

Можно ли дело с угольной промышленностью изображать так, как это делает Преображенский? Можно ли пренебрегать таким фактом, что угольную промышленность Англии оттеснил не только огромный рост добычи угля (с конца XIX в.) в Германии, САСШ и др., но и колоссальный рост добычи нефти и «белого угля» (гидроэлектростанции)? А ведь это — одно из существенных выражений неравномерности. Если в конце XIX в. производство двигательной энергии основывалось целиком на угле, то в 1927 г. в мировом энергетическом балансе уголь занимает не более 77%, нефть — 17%, сила воды — 6%. В то время как добыча угля с 1925 по 1929 г. выросла только на 4%, добыча нефти и электроэнергетики выросла с 24 до 40%. Данные по отдельным странам еще более оттеняют бесспорный факт вытеснения угольной промышленности новыми отраслями.

Как же можно приступить к экономическому анализу империализма, не вооружившись с самого начала ленинским законом неравномерности и не применяя его на каждом шагу исследования?

На протяжении первых шести глав своей книги Преображенский «анализирует» общие закономерности процесса воспроизводства при монополистическом капитализме, тщательнейшим образом разбирается во всех деталях, строит схемы, числовые примеры, старается шаг за шагом обосновать свою концепцию контрреволюционного троцкизма.

Достигнув этих троцкистских результатов, автор спохватывается и решает, что пора что-либо сказать о ленинском законе, который надо каким-нибудь образом «пристегнуть» к результатам анализа. Делается это весьма неохотно, ибо «вся проблема... осложняется» (стр. 56). Но с другой стороны, облегчается возможность запутаться из одного «казуса», в котором пренеприятнейшим образом запутался Преображенский.

Дело вот в чем.

Если заранее предопределено, что сущностью монополистического капитализма является застой производительных сил, то «на какой вообще почве может возникнуть при монополистическом капитализме длительное оживление, переходящее в промышленный подъем»? (стр. 51).

«Вопрос этот представляет исключительную трудность, и я, — жалуется Преображенский, — должен сознаться перед читателями, что не выяснил его полностью». Автору можно посочувствовать, ибо примирение тенденции к простому воспроизводству с промышленными подъемами — это такой орех, который не так уж просто раскусить...

Автор «решает» это «противоречие» таким образом: «Замедление темпа развития в среднем не столько вследствие замедления возрастания кривой на высших точках подъема, сколько вследствие все более глубоких скатов а периоды кризиса» (стр. 53).

Здесь мы имеем дело, в о-п е р в ы х, с тавтологией: высота подъема определена... глубиной падения; в о-в т о р ы х, с «иллюзией ощущений»: подъем кажется высоким, потому что скат глубок...

Нельзя не согласиться, что этот вариант, который по мнению автора является «наиболее типичным, для производства при монополистическом капитализме», отличается особым глубокомыслием, продиктованным желанием примирить априорную точку зрения застоя с действительным подъемом, имевшим место при монополистическом капитализме. Исходя из глубочайшего, подлинно теоретического анализа империализма, Ленин констатирует, что «в целом капитализм неизмеримо быстрее, чем раньше, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность

проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран¹⁰. Исходя из глубочайшего анализа империализма, Ленин заявляет, что «ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к дономонополистическому капитализму»¹¹.

Но так, думает Ленин, а Преображенский считает «правильной» диаметрально противоположную точку зрения.

Ленин считает, что развитие в эпоху монополистического капитализма шло «не и з м е р и м о б ы с т р е е, чем прежде», а у Преображенского «пропускная способность стоимостного механизма неизмеримо ухудшена в период монополизма, толкает к простому воспроизводству и делает загадочными причины длительных хозяйственных оживлений, переходящих в подъем».

Но вернемся к закону неравномерности. Мы уже узнали, что благодаря пристегиванию закона неравномерности «вся проблема осложняется». С другой стороны, проблема облегчается, потому что в законе можно упрятать свое бессилие «разгадать» причины подъема при «монополизме».

Но предварительно важно установить три обстоятельства.

Первое. Нам уже известно, что у Преображенского закон неравномерности развития есть фактор, стоящий в стороне от исследования и привлекаемый лишь тогда, когда подведены итоги и резюмируются результаты исследования.

Второе. Автор принимает в расчет ту часть закона, которая гозорит о неравномерности развития в масштабе мирового хозяйства. Из закона в целом как диалектического единства неравномерности развития отраслей и стран вырезан такой «ломоть», как неравномерность развития отраслей (стр. 53). Что такой маневр не случаен, в этом мы убедились на примере с английской каменноугольной промышленностью.

Третье. При всем этом закон преподносится Преображенским как он сам констатирует, в «грубо упрощенной форме» (стр. 56).

Едва ли нужно доказывать, что в результате таких мероприятий от ленинского закона неравномерности осталась одна лишь словесная шелуха, одна лишь фраза.

Но этого мало.

После всего этого Преображенский, исходя из своей троцкистской концепции, пытается подстричь ленинский закон под... закон равновесия...

Исходя из «лимита» расширенного воспроизводства, из предубеждения о закупорке в целом производительных сил, автор изображает дело так, что рост одной страны может идти только за счет упадка другой. Идет перемещение наличных сил производства.

«Возрастание покупательной способности мира, этот основной лимит для расширенного капиталистического воспроизводства, делится (подчеркнуто нами.— Авторы) неравномерно между отдельными капиталистическими странами, вследствие чего в одних пунктах происходит возрастание темпов движения вперед, в других — приостановка движения. В результате получается не просто цикличная форма движения целого, а движение в одной части целого, сопровождающееся замедлением или даже регрессом в других частях» (стр. 56).

Ленинский закон неравномерности развития превратился в троцкистский закон неравномерности дележки производительных сил, в закон уравнивания потерь одной страны выигрышем других стран.

Америка выиграла больше всех от войны. Выиграла за счет Европы. «Лимитированные» мировые производительные силы «поделены», так что

¹⁰ Ленин, т. XIX, стр. 172.

¹¹ Там же, стр. 224.

подъем в Америке «уравновесился» общим упадком Европы. Формулой достигнутого «равновесия» является: «Америка сажает Европу на паяк»...

Так поступает Преображенский с конкретной действительностью, с ленинским законом неравномерности развития.

Разбор нескольких троцкистских работ о неравномерности развития капитализма показывает нам, что под формальным прикрытием теории Маркса—Ленина происходит наглое протаскивание установок контрреволюционного троцкизма по данному вопросу. При этом необходимо отметить, что «теоретическое обоснование» троцкизма в данном вопросе, проведенное Преображенским в 1931 г., по существу не отличается от «обоснований» Гольмана в 1928 г. Это положение вполне понятно, ибо основой для них является троцкизм, в частности установки Троцкого о том, что закон неравномерности развития есть закон всей человеческой истории и что неравномерность ослабляется, затухает в эпоху империализма. Это реакционное положение, направленное против ленинского учения, «развивается» вольными и невольными последователями Троцкого.

Надо решительно положить конец подобным «теоретическим исследованиям», льющим воду на мельницу контрреволюции. Нельзя давать возможности троцкистским контрабандистам протаскивать в литературу, издаваемую советскими издательствами, контрреволюционные идеи. Вопрос о законе неравномерности развития при империализме — «решенный партией и Коминтерном вопрос». Распространение теорий, враждебных партийным решениям, является контрреволюционным делом.

«Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головоуятие, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу» (Сталин).

Это положение т. Сталина нельзя ни на минуту забывать во всей дальнейшей работе прежде всего коммунистам — работникам теоретического фронта.

И. СУШКИН

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ.

Отдел монографического изучения истории промышленных предприятий, сборн. «История пролетариата СССР», кн. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7, 1936 и 1931 гг.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. работа по изучению истории фабрик и заводов выдвинута как важнейшая политическая задача, к разрешению которой привлечены самые широкие круги рабочих, хозяйственных, инженерно-технических, научно-исследовательских и литературных работников.

В настоящее время начата и ведется полным ходом работа по изучению истории нескольких десятков крупнейших фабрик и заводов Союза. В эту огромную коллективную работу втянуты сотни и тысячи старых, хорошо знающих историю своего предприятия рабочих, втянуты хозяйственники, инженерно-технические работники и т. д. Естественно, что перед каждым участником этой гигантской коллективной работы возникает целый ряд конкретных практических вопросов о том, что же именно взять, на чем в первую очередь остановиться при изучении истории данного завода или фабрики и каким образом наиболее правильно поставить это изучение.

В указанном постановлении ЦК дана политическая установка, а также намечены основные задачи работы по изучению истории фабрик и заводов. В развитие этих основных задач и установок редакцией «Истории заводов» была дана специальная инструкция, содержащая в себе также и некоторые общие указания методологического порядка¹.

Данная в этих документах основная политическая установка в деле изучения истории фабрик и заводов требует того, чтобы это изучение полностью отвечало такого рода важнейшим политическим требованиям, как воспитание на конкретном историческом материале многих тысяч новых рабочих и подрастающего поколения, мобилизация широких масс на дело социалистического строительства, концентрация исторического опыта борьбы и опыта строительства социализма для международного пролетариата, на основе большевистского показа социалистической стройки — удар по лютым, маловеерам и оппортунистам всех мастей, не верящим в творческие силы рабочего класса.

С точки зрения основных политических задач и установок прежде всего совершенно необходимо, чтобы при изучении истории фабрик и заводов были полностью охвачены все важнейшие стороны работы и развития данного предприятия. Поэтому в сборниках по истории фабрик и заводов должны получить исчерпывающее освещение прежде всего такие вопросы, как методы эксплуатации рабочих и их борьба с предпринимателями, история рабочего революционного движения, вопросы экономической истории предприятия, его технического развития, культурно-бытового положения рабочих и т. д. Все это разумеется самым тесным образом должно быть увязано как с рассмотрением общих условий развития капиталистического хозяйства и классовой борьбы, так и с изучением конкретных проявлений этой борьбы на данном предприятии. Наконец в сборниках должен найти непосредственное отражение и процесс перехода в результате революции от предприятия капиталистического к предприятию последовательно социалистического типа.

Таким образом одной из важнейших и неотъемлемых составных частей истории фабрик и заводов является история экономического и технического развития предприятия, изучение которого совершенно необходимо как для наиболее полного и точного выяснения форм и особенностей рабочего революционного движения, так равно и для получения новых материалов, необходимых с точки зрения правильного разрешения важнейших проблем нашей экономической истории.

Необходимо также изучение экономической истории фабрик и заводов, особенно периода после Октябрьской революции, для получения такого рода материалов и выводов, которые могли бы быть использованы в нашей повседневной работе по социалистическому строительству, ускорению темпов развития, завершению технической реконструкции хозяйства СССР и выкорчевыванию всех остатков и корней капитализма.

¹ От редакции «Истории заводов», «Правда» от 28 сентября 1931 г.

С этой точки зрения дело изучения истории фабрик и заводов должно быть полностью увязано с современностью, с основными задачами социалистического строительства и прежде всего с актуальнейшими проблемами перспективного плана первой и второй пятилетки.

«В особенности нужно по-большевистски, по-ленински подойти к истории прошлого, историю вчерашнего дня и подойти так, чтобы историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией партии, с теми грандиозными новыми задачами, которые стоят перед нами сегодня и которые будут еще стоять завтра»².

Необходимая увязка дела изучения проблем экономической истории предприятия с практикой социалистического строительства полностью осуществляется правильным применением метода диалектического материализма, изучающего любой процесс и любое явление в развитии, в его прошлом, настоящем и будущем. Применение метода марксистско-ленинской диалектики к изучению экономической истории предприятия должно прежде всего означать, что изучение истории фабрик и заводов ведется под углом зрения получения материалов и выводов, необходимых для разрешения животрепещущих проблем настоящего. Исследователь должен взглянуть на прошлое завода не со стороны, не из «глубины веков», а обязан посмотреть на это прошлое глазами активного участника великой социалистической стройки и взять из прошлого главным образом то, что предопределяет самые формы борьбы за социалистическое строительство³. Как нельзя без знания прошлого в жизни предприятия правильно понять его настоящее, так нельзя изучать историю фабрик и заводов в отрыве от самых живучих и актуальных вопросов их современного состояния и перспектив развития в будущем.

Совершенно естественно, что в условиях происходящей у нас в настоящее время большой массовой работы по изучению истории фабрик и заводов имеется огромная потребность в литературе, связанной с рассмотрением вопросов методологии и методики изучения истории промышленных предприятий. Но совершенно бесспорно также и то, что работа по изучению истории фабрик и заводов как непосредственно связанная с историей революционного пролетарского движения, а следовательно и с историей партии пролетариата, с историей большевизма, требует особенно высокой бдительности, политической заостренности и партийной непримиримости в отношении всякого рода оппортунистических извращений марксистско-ленинской теории как в работах, посвященных исследованию истории отдельных фабрик и заводов, так и в работах, рассматривающих вопросы методологии и методики изучения промышленных предприятий.

Не отвечает в полной мере рассмотренным требованиям материал, помещенный в вышедших в течение 1930 и 1931 гг. 7 сборниках «Истории пролетариата СССР», специально посвященный методологии изучения истории развития экономики промышленных предприятий. Отметим заранее, что задача настоящей рецензии ограничивается рассмотрением исключительно экономических статей и материалов. Поэтому рецензия совершенно не затрагивает ряда статей и работ, рассматривающих вопросы методологии истории промышленных предприятий, прежде всего с точки зрения изучения истории пролетариата, истории революционного рабочего движения и т. п. (см. напр. ст. т. Панкратовой «Проблемы изучения истории пролетариата», кн. 1-я и другие статьи) и останавливается на указанных вопросах в меру того, насколько они вообще неотделимы от истории экономического и технического развития предприятия.

Среди экономических статей и программного материала, рецензируемого отдела данного сборника имеются такие статьи, которые, исходя в основном из правильных методологических установок, к сожалению весьма жато и лишь в самом общем виде останавливаются на вопросах методологии экономической истории предприятия. (См. напр. ст. 1-я В. Зельцер), не давая сколько-нибудь полного освещения этих вопросов, что между прочим в отношении ст. т. Зельцер было отмечено и самой редакцией сборника (кн. 1-я, стр. 201). Но имеются также и такого рода статьи и программы, в которых лет необходимой увязки изучаемых проблем экономической истории фабрик и заводов с практикой и потребностями социалистического строительства; изучение отдельного предприятия фактически ведется оторвано от развития хозяйства в целом и т. п.

Имеются такие статьи, которые носят характер бесстрастных, совершенно апологичных, местами скатывающихся на позиции апологетики капитализма грубо эмпирических и сухих статистических сводок, лишенных каких бы то ни было выводов и обобщений.

Наконец имеются и такого рода статьи, которые представляют собой чудовищную помесь грубейшего механицизма, худшей вульгаризации метода Маркса и Ленина и полную безграмотность в вопросах экономической теории.

² Д. Каганович, Речь на собрании по поводу десятилетия ИКП.

³ Лепешинский, Выступление по докладу о программе изучения нового в рабочем классе. «История пролетариата СССР», кн. 6-я.

Для доказательства только что приведенной характеристики обратимся к непосредственному рассмотрению соответствующих статей и программ, располагая их по нисходящей степени ответственности, которая на них возлагалась и которая в данном случае полностью совпадает с хронологической последовательностью их выхода в свет.

Начнем с опубликованного в сборнике № 1 доклада М. Раковского «К вопросу о методологии и методике истории промышленных предприятий», который должен был по мысли организаторов его явиться основным установочным докладом, определяющим все дальнейшее направление и самый характер работы по изучению истории фабрик и заводов.

Однако кроме вреднейшей путаницы и вульгаризации марксизма-ленинизма из этого решительно ничего не вышло. В самом деле, докладчик не нашел ничего другого, как предложить при изучении истории промышленных предприятий заниматься выяснением и определением нормы прибавочной стоимости и степени эксплуатации на отдельном предприятии и для отдельного рабочего, механически перенося и вульгаризируя в данном случае примененный Марксом метод исследования процесса капиталистического производства в целом на отдельное предприятие. Докладчик считает вполне возможным определение нормы прибавочной стоимости не только для капиталистического хозяйства и для рабочего класса, взятых в целом, но полагает, что «вполне реально и совершенно не утопично заняться выяснением нормы прибыли, нормы прибавочной стоимости и степени эксплуатации рабочего не только во всей промышленности, но и в отдельном предприятии» (кн. 1-я, стр. 188).

Полагая, что марксова теория трудовой стоимости еще нуждается в какой-то «доработке» и «довыяснении», докладчик считает, что к выяснению степени эксплуатации отдельных рабочих «следует подойти на основании изучения архивов и бухгалтерских источников отдельных предприятий. Таким путем мы довыясним (?) окончательные выводы из теории трудовой стоимости и степень эксплуатации рабочих в часах и минутах» (стр. 185).

Попытка определения нормы эксплуатации для отдельного рабочего «в часах и минутах» представляет собою образец грубейшего механицизма и извращения метода, примененного В. И. Лениным в его работе «Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России», в отношении определения нормы прибыли и нормы прибавочной стоимости для всей русской промышленности в 1908 г.

Мы не будем заниматься анализом других «научных» и «методологических» перлов Раковского. Отметим только, что доклад вызвал довольно резкую критику со стороны выступавших в прениях. Однако остается совершенно непонятным, почему увидело свет столь чудовищное нагромождение механицизма, грубейших извращений марксистско-ленинского метода, вреднейшей путаницы и просто безграмотности, каковым является рассмотренный доклад.

Отсутствие серьезного методологического доклада или работы, которая исходила бы в деле изучения истории фабрик и заводов из основ марксистско-ленинской теории, неизбежно сказалось и на последующих стадиях работы, в частности при составлении программы изучения экономической истории промышленности предприятия, опубликованной в кн. 5-й «История пролетариата СССР».

Основной недостаток программы — это отсутствие должной увязки изучения истории промышленных предприятий с практикой и задачами социалистического строительства, отрыв изучаемого предприятия от хозяйства в целом и т. п.

Программа совершенно не предусматривает такого сопоставления данных на различных участках жизни предприятия в прошлом и настоящем.

Далее, важнейший раздел об экономическом положении рабочих и условиях труда на предприятии (продолжительность рабочего времени, зарплата, условия найма и т. п.) в программе отсутствует, в то время как эти вопросы неразрывно связаны с экономической основой предприятия, и именно данные этого раздела собственно и должны содержать основную качественную характеристику степени и методов эксплуатации рабочего на капиталистическом предприятии, являясь таким образом тем конкретным историческим материалом, на котором главным образом и можно будет воспитывать новых рабочих и подрастающее поколение.

Правда, нам могут возразить, что вопросы этого раздела достаточно освещены в программе по изучению истории рабочего и революционного движения на предприятии (кн. 1-я). Однако, если автор названной программы правильно поступил, включив в программу по рабочему революционному движению также и значительную часть неразрывно с ним связанных вопросов экономики предприятия и экономического положения рабочих, то составитель экономической программы допустил явную ошибку, не проявив достаточной увязки между вопросами экономики и проблемами революционного движения, пройдя даже мимо многих вопросов, бесспорно составляющих предмет экономической истории предприятия.

Совершенно правильно отмечая, что «отдельное предприятие не оторвано от хозяйства всей страны, подчиняется общим законам и поэтому дает материал для изучения вопросов всего народного хозяйства», программа однако ограничивается

только внешним, формальным признанием этого положения и например вовсе не предполагает анализа влияния общих условий рынка труда в капиталистическом хозяйстве на условия труда рабочих на данном предприятии. Точно так же в специальном разделе, посвященном рассмотрению работы данного предприятия в общих условиях развития капиталистического хозяйства, программа совершенно не учитывает необходимости изучения участия предприятия в монополистических объединениях капиталистической промышленности и таким образом отгрызает данное предприятие от развития капиталистического хозяйства в целом.

Далее программа исходит из силошного, недифференцированного и в силу этого «созвездного» изучения предприятия, совершенно не затрагивает вопросов деления его на некие и отдельные участки работы и изучения их. Ввиду этого выпали такие участки, как энергетическое и тепловое хозяйство предприятия, так как «способы освещения и отопления», затрагиваемые программой, разумеется ни в какой мере этого хозяйства не покрывают; выпал внутризаводской транспорт и т. п.

Раздел о техническом оборудовании, технических сдвигах и усовершенствованиях так же, как и другие разделы, обнаруживает недифференцированный подход к вопросу «вообще», а не с точки зрения изучения характера технологических процессов и конкретных изменений в той или иной форме, происходивших на предприятиях в прошлом в области механизации производства, электрификации и т. д. и несомненно оказывавших сильнейшее влияние на все стороны жизни и работы предприятия.

Касаясь характера связи предприятия с поставщиками сырья, машин и вспомогательных материалов с точки зрения способов закупки (непосредственно или через посредство комбинированных контор и т. п.), программа совершенно не затрагивает вопросов географического положения поставщиков-предприятий и поэтому не дает никакого материала для определения характера стихийно складывавшихся в условиях капитализма географических связей промышленности, а также для изучения элементов и степени кооперирования отдельных предприятий, что могло бы представлять для нас известный интерес, поскольку планово-рациональное географическое размещение промышленных предприятий и их кооперирование является важнейшими методами социалистической реконструкции и рационализации промышленности СССР. Точно так же вопросы ассортимента товаров не увязаны с характером потребительского спроса, программа не предполагает изучения изменений в ассортименте и не дает материала для установления степени специализации предприятия, являющейся также важнейшим средством технической реконструкции нашей промышленности.

Программа не предусматривает также изучения организации управления на предприятии и зависимости формы управления от экономических производственных отношений, не предполагает анализа функций по учету, контролю, нормированию и т. п.

Эти крупнейшие методологические ошибки программы конечно не замедлили сказаться. Статья т. Гильберта об экономическом положении рабочих завода «Серп и молот» (кн. 6-я и 7-я) представляет собою не только полное воспроизведение, но также дальнейшее углубление и развитие неправильных методологических и методических установок программы.

То обстоятельство, что статья т. Гильберта помещена в качестве материалов к монографии о заводе, разумеется ни в какой мере не освобождало автора от соблюдения необходимой теоретической выдержанности, так как даже и конкретная вспомогательная работа обязана исходить из определенных, в данном случае марксистско-ленинских, теоретических установок и предпосылок. Ничего подобного не встречаем в работе т. Гильберта.

Так, в главе об условиях найма и способах повышения квалификации рабочих Гильберт ничего не говорит об общих условиях рынка труда в дореволюционной России и поэтому совершенно обходит вопрос о наличии безработицы, этого характерного и неизменного спутника капиталистического способа производства. А между тем без учета такого фактора, как наличие резервной армии труда, существование и непрерывный рост которой в условиях капитализма оказывает сильнейшее влияние на условия труда активной армии, совершенно невозможно понять в общем неизменяемое, абсолютное и относительное ухудшение уровня материального положения рабочих. В частности нельзя понять неуклонное понижение реального уровня заработной платы, что между прочим является прекрасным подтверждением теории обнищания пролетариата, вытекающей из общего закона движения заработной платы, данного Марксом в XXIII гл. I тома «Капитала». Без учета влияния безработицы на заработную часть пролетариата ничего нельзя понять не только в условиях найма, но и в динамике заработной платы, что полностью и обнаруживает Гильберт, как увидим ниже, в главе о зарплате рабочих на заводе Гужоца.

Говоря об условиях найма, Гильберт сам рассказывает о разного рода трудностях, которыми было обставлено получение работы (протекция, взятка и т. п.), отмечает наем поденных рабочих прямо «от ворот», но не делает отсюда ни шага

к обобщению, к выводу о том, что это являлось в значительной мере результатом безработицы, наличие которой стало одним из основных условий развития крупной промышленности.

«Условием существования и развития крупной машинной индустрии становится образование громадной резервной армии безработных и готовых взяться за всякую работу людей»⁴.

Можно сказать, что все попытки Гильберта увязать рост и развитие завода с развитием промышленности и всего народного хозяйства в целом носят чисто внешний и потому случайный характер. В результате изолированного изучения экономического положения рабочих завода Гужона от состояния промышленности в целом Гильберт не заметил такого «пустяка», как безработица и ее влияние на условия найма и положение труда на данном заводе, и таким образом «смазал» блестящую возможность противопоставления двух систем (капиталистической и социалистической) на конкретном историческом материале. А между тем безработные промышленности в стране даже по самым грубым подсчетам (учета безработицы в царской России вообще не велось) представляли собою довольно внушительную армию, и количество их доходило, особенно в периоды хозяйственных кризисов и депрессии, до многих сотен тысяч человек, а кроме того деревня неизменно выбрасывала массу избыточных рабочих рук, поскольку «было расслоение в деревне, была нищета, был страх голода, который гнал людей из деревни в город»⁵.

Нейтральность, аполитичность и безучастность к великой социалистической стройке сквозят на всем протяжении статьи Гильберта. Идет ли речь об условиях повышения квалификации или о продолжительности рабочего времени на заводе Гужона — рассмотрение всех этих вопросов ведется вне всякой связи и без сопоставления с практикой социалистического строительства, совершенно оторванно от него.

Так, говоря об условиях повышения квалификации рабочих, Гильберт отмечает, что для этого в большинстве случаев нужны были связи, умение мастера, умение угодить начальству и т. д. Упомянут также о существовании на заводе Гужона вечерних курсов на 2—3 десятка человек подростков, Гильберт ни единым словом не касается той грандиозной работы, которая ведется на заводе по повышению квалификации рабочих и подготовке кадров в настоящее время в условиях существования школы ФЗУ с количеством учащихся свыше 2 тыс. человек (сентябрь 1931 г.) и целого ряда других самых разнообразных форм производственно-технической учебы рабочих (различные школы и курсы, кружки, лекции и т. д.).

Переходя к главе о заработной плате, следует прежде всего отметить, что рассмотрение вопросов зарплаты Гильбертом слабо увязано с общим движением капиталистических циклов производства. Вследствие этого из поля его зрения совершенно выпали такие интересные с точки зрения движения зарплаты периоды, как годы кризисов, с которыми обычно связаны наиболее резкие колебания уровня зарплаты, имеющей в условиях капитализма тенденцию к постоянному и неуклонному понижению. С этой точки зрения для Гильберта было безусловно обязательным наряду с годами подъема — 1895/96, 1899/1900, 1909/10 и 1913/14 — привести также данные о зарплате за 1901/02 и 1907/08 гг., явившиеся для завода Гужона ярко выраженными кризисными годами. Изучение динамики зарплаты только на основании данных за годы подъема может привести и нередко приводит к такого рода тенденциозным и апологетическим выводам, что уровень зарплаты неизменно растет и в условиях капитализма. Так, составляя уровень зарплаты за наивысшие точки подъема 90-х годов (1899/900 г.) и предвостановленного подъема (1913/14 г.), Гильберт делает вывод, что в 1913/14 г. средняя дневная реальная зарплата рабочих на заводе Гужона была на 8% выше уровня 1899/900 г. «Правда, Гильберт признает скромность этого «достижения». Но как бы то ни было все же это — «достижение». Однако стоит взять не 1913/14 г., явившийся наивысшей точкой предвоенного подъема капиталистической промышленности, а предыдущий 1912/13 г., как уже получается совсем другая картина. В 1912/13 г. реальная зарплата рабочих завода составила 95,5% от уровня 1899/900 г., а за все предыдущие годы, по данным самого Гильберта, была еще ниже, спускаясь в 1909/10 г. до 93,3% и в 1905/06 г. — до 88,8% от зарплаты 1899/900 г. И тем не менее данные о зарплате за 1912/13 г. в статье Гильберта отсутствуют. Вместо того, чтобы сделать из уже имеющихся данных совершенно бесспорный и ясный вывод о том, что на данном конкретном примере динамика реального уровня зарплаты по заводу Гужона даже за сравнительно короткий отрезок времени в 15—20 лет полностью подтверждается правильность марксовой теории обнищания пролетариата, вместо этого на том основании, что в 1913/14 г. впервые за полтора десятка лет был превышен уровень зарплаты 1899/900 г. делается ошибочный и по существу аполитетический вывод о том, что реальный уровень зарплаты рабочих хотя и в скромных размерах, по возрос.

⁴ Ленин, Развитие капитализма в России, т. III, изд. 1-е, стр. 411.

⁵ Сталин, Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.

Ошибочность указанного вывода усугубляется еще и тем, что самый факт превышения в 1913/14 г. на 3% уровня зарплаты 1899/900 г. может быть подвергнут серьезнейшему осмариванию, поскольку применяемый Гильбертом метод исчисления реальной зарплаты путем внесения к номинальной зарплате поправки на вздорожание стоимости рабочего потребления является методом чисто буржуазной статистики и не выдерживает никакой критики. Дело в том, что под влиянием роста потребностей социально-политического и культурного порядка структура рабочего бюджета непрерывно изменяется, тогда как указанный метод исходит из неизменности структуры рабочего потребления, определяемого ограниченным и притом неизменным набором количества товаров. В результате сильно преуменьшается рост дорогостоящих и тем самым преувеличивается «возрастание» зарплаты.

Но если бы даже указанное превышение реального уровня зарплаты в 1913/14 г. по сравнению с 1899/900 г. было получено в результате применения правильного метода исчисления зарплаты, то о чем это говорит? Этот факт говорит только о том, что в известные периоды абсолютное обнищание может быть неясно выражено, что конечно не значит, что его нет и не было, не говоря уже об относительном обнищании. По поводу характера движения зарплаты, лежащего в основе теории обнищания в рукописи Маркса о заработной плате, находим следующие указания⁶. «Итак, в ходе развития зарплата понижается двояким образом: 1) относительно, по отношению к развитию общего богатства; 2) абсолютно, так как количество товаров, которые рабочий получает в обмен, все уменьшается».

Но вывод Гильберта о том, что реальный уровень зарплаты растет, хотя и медленно, и в условиях капитализма, ничего общего не имеет с теорией обнищания Маркса, и целиком приводит автора статьи на позиции той практикуемой в апологетических целях эмпирической констатации относительного обнищания, которая за последнее время особенно настойчиво выдвигается международным социал-фашизмом для замазывания и затушевывания наличия абсолютного обнищания.

Процесс относительного и абсолютного обнищания пролетариата и понижение реального уровня зарплаты подтверждаются также и определенными эмпирическими данными, имеющимися как в отношении русской капиталистической промышленности, так и в отношении промышленности других капиталистических стран. Так, уровень реального дохода английских рабочих за последние 30 лет обнаруживает регулярно падающую кривую. Но если до 1913 г. падение идет с некоторыми колебаниями, то особенно резкое снижение реальной зарплаты наблюдается в период войны. А к настоящему времени положение таково, что английский рабочий получает 72% того, что он получал в начале XX века⁷. Примерно такое же положение имеет место в Германии, САСШ и других странах.

Отметим попутно, что совершенно такую же ошибку в отношении движения реального уровня зарплаты делает и М. Рожкова, в своей статье «Трехгорная мануфактура в 40-х и 50-х годах» («История пролетариата СССР», кн. 7-я), когда она говорит о том, что «в результате стачечного движения последней четверти XIX и начала XX веков экономическое положение рабочего класса должно было улучшиться по сравнению с первой половиной XIX века, по крайней мере со стороны добавочных форм эксплуатации» (стр. 236).

Конечно указание на «пользу» стачечного движения вещь утешительная.

Однако фактический материал, приводимый Рожковой на той же странице, полностью опровергает только что высказанное ею положение. Оказывается, что процесс механизации производства, в частности введение штицепечатных машин в текстильной промышленности, резко понизил зарплату рабочих при этих машинах по сравнению с зарплатой ручных набойщиков. Так в то время, как ручной набойщик в 1853 г. получал 12 р. 40 к. в месяц, рабочий при штицепечатной машине — всего лишь 5 р. 52 к., а если еще учесть то обстоятельство, что заработок ручного набойщика 50-х годов под влиянием механизации снизился до 43% от уровня заработка в 20-х годах XIX века, то легко себе представить то «улучшение» экономического положения рабочих, о котором говорит М. Рожкова. Что же касается последней четверти XIX и начала XX веков, то для всех очевидно, что весь этот период проходил под знаком дальнейшей механизации, а следовательно и дальнейшего снижения уровня зарплаты.

Чтобы покончить со статьей Гильберта, отметим еще некоторые грубые фактические ошибки и неточности, имеющиеся в этой статье.

Так, на стр. 175, кн. 6-я, оп пишет: «В периоды депрессии завод практиковал сокращенную рабочую неделю... Так, в 1910 г. гвоздильный цех вследствие перепроизводства работал четыре раза в неделю, в 1912 г. катанный цех работал три раза в неделю из-за отсутствия заказов».

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. V, стр. 545.

⁷ М. Н. Смит, «Временное обнищание пролетариата в свете теории Маркса», Проблемы экономики, кн. 6-я, 1931.

Получается вывод, что 1910 и 1912 гг. были годами депрессии, хотя сам Гильберт не раз отмечает, что с 1909/10 г. начинается период промышленного подъема. Само собой разумеется, что в данном случае может идти речь лишь о частичных затруднениях конъюнктурного порядка в отношении сбыта того или иного вида изделия, а не о «периодах депрессии».

В другом месте Гильберт дает примитивное и просто безграмотное объяснение причины падения металлургического производства после кризиса 1899/900 г. «После 1899/900 г. в связи с окончанием постройки Сибирской ж. д., за счет которой (?) главным образом росла русская металлургия 90-х годов, число рабочих и производительность металлургических заводов, особенно южных, заметно понизились» (стр. 187, кн. 6-я).

Во-первых, русская металлургия 90-х годов росла не только и не столько за счет постройки Сибирской ж. д., начавшей строиться, кстати сказать, только с 1896 г. и составившей лишь около 30% общего прироста ж.-д. сети в России за период 1896—1901 гг., но и за счет крупного ж.-д. строительства вообще. А во-вторых, металлургия росла не только за счет бурного ж.-д. строительства, но также питалась заказами в связи с подъемом и общим расцветом промышленного, городского, жилищного строительства и т. п. Падение же производства металлургического строительства сибирской магистрали, а того промышленного кризиса, который разразился в 1899/900 г. и который в первую очередь ударил по металлургической промышленности, в том числе и южным металлургическим заводам.

И остается непонятным, почему такая делячаякая местами скатывающаяся на гонимый капиталистической апологетики, статья, носящая характер грубой эмпирической констатации и простого нагромождения цифровых выкладок, нашла приют на страницах рецензируемого сборника, да еще в самых последних номерах его (вторая половина 1931 г.).

Во всяком случае эта статья, как и остальной рассмотренный материал, ни в какой мере не может удовлетворить требованиям политической заостренности, марксистско-ленинской непримиримости и партийной воинственности в теории, а поэтому на данном материале совершенно нечему поучиться, нельзя извлечь чего-нибудь полезного многочисленным участникам происходящей сейчас большой массовой работы по изучению истории крупнейших фабрик и заводов Союза. Вследствие этого и самый факт опубликования указанного материала следует считать глубоко ошибочным, свидетельствующим об отсутствии у редакции сборника необходимой бдительности и наличии не критического, а порой и просто невнимательного отношения к печатаемому материалу.

В заключение несколько замечаний по поводу в общем неплохого доклада П. П. Парадизова «Мальцевские заводы в XVIII и XIX веках» (кн. 2-я). После прочтения доклада остается невыясненным основной вопрос: как могло случиться, что крупнейшие и, самое главное, «технически передовые» заводы Мальцевых, одни из первых в 40—60 годах XIX века, завоевавшие «технической революцией», не могли однако сохранить за собой завоеванных позиций и уже через какой-либо десяток лет после произведенного технического перевооружения, именно к концу 70-х годов, вступили в полосу кризиса. Правда, наступление кризиса вследствие оживления производства в результате получения военных заказов, связанных с войной 1877-1878 гг., было несколько оттянуто. Однако эта оттяжка была непродолжительной и в 1884 г. наступает полный крах заводов.

Хотя доклад носил предварительный характер и являлся как бы вступлением в научно-исследовательскую работу в собственном смысле слова, тем не менее этот в коем случае не освобождал докладчика от постановки указанного вопроса и попытки дать на него тот или иной ответ.

Не отрицая того, что техническая база у Мальцевских заводов была достаточно высокой, мы полагаем, что основной причиной падения этих заводов явился тот глубокий разрыв, который возник между сравнительно высокой технической базой и той отсталой формой организации труда, которая строилась на крепостном труде, а после реформы 1861 г. на остатках и пережитках крепостного труда. Значение этого фактора в развитии русской капиталистической промышленности в свое время было прекрасно показано (на примере железной промышленности Урала В. И. Лениным. Так, в «Развитии капитализма в России»⁸ Ленин писал: «Развитие железной промышленности шло на Урале очень медленно... Главной причиной застоя Урала было крепостное право», остатки которого давали о себе знать и долго спустя, вплоть до самого конца XIX века. Не подлежит сомнению, что именно остатки и пережитки крепостнической формы организации труда, несмотря на значительные технические достижения, определили судьбу Мальцевских заводов. И даже приводимый П. Парадизовым в доказательство происшедшей на заводах Мальцева технической революции факт, что при выпуске с Мальцевских заводов

первых русских ж.-д. рельсов (1841 г.), было чуть ли не впервые в Европе применено puddлигование на дровах (стр. 102) свидетельствует в данном случае гораздо больше именно об отсталой форме организации труда, чем о техническом прогрессе. Дело в том, что только на базе дешевого труда и возможно применение в общем дорогого и неэкономного способа puddлигования на дровах, неизбежно связанного в отличие от puddлигования на древесном угле или каменноугольном коксе, с большим расходом горючего и значительными потерями получаемого тепла.

Таким образом наличие дешевого крепостного труда даже и такие высокоразвитые в техническом отношении предприятия, как Мальцевские заводы, толкало нередко на путь применения дорогих и экстенсивных технологических способов, неизбежно приводивших наряду с другими причинами к значительному удорожанию продукции, а следовательно и ослаблению позиций в борьбе с конкуренцией, особенно иностранного происхождения. Между прочим высокую стоимость выпускаемой Мальцевскими заводами продукции отмечает и сам докладчик, рассматривая это как главную причину неполучения заводами дальнейших заказов казны, предпочитавшей сдачу таковых иностранным заводам.

Наконец фактическая справка П. Парадизову по поводу появления в России первой мартеновской печи: первая мартеновская печь в России была установлена на Сорновском заводе в 1869 г.⁹, а не на заводах Мальцева и не в годы реформ, как об этом пишет П. Парадизов (стр. 103).

⁹ «Техническая энциклопедия», т. XII, стр. 566.

Опечатки, замеченные в № 1 журн. „Проблемы экономики“ 1932 г.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
74	23	сверху	новейший
77	13	»	хозрасчетник
			известной
			хозрасчет

Редколлегия: Борилин Б., Бутаев К., Бурляевский Н., Грязновский Е., Козлов Г., Кризидкин М., Милютин В., Осгрозятлинов К., Рубилштейн М., Розенберг Д., Тирзбанурт Т.

Ответственный редактор Милютин В.

Сдано в производство 28/III — 32 г.

Подписано к печати 2/IV — 32 г.

Учюл. Главлита В — 27428.

Выпускающий: Ш и р о к о в.

Форма 72 × 105/10

Печтисдат № 390. Зак. тпш. 555.

10 печ. листов, 67 000 зн. в п. л.

Тираж 21 150.